

"Неожиданное приглашение"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Хлоя Бивен

Неожиданное приглашение

Пролог

Эмили, дорогая подруга Эмили выходит замуж! И рада этому до слез. Знает ли, счастливая дурочка, на что идет? Понимает ли, что этот шаг может дорого ей обойтись?

Говорить с ней-бесполезно. Люблю да люблю — вот все, что можно от нее услышать. Ну почему бы тебе, милая Эмили, не вспомнить о том, от чего предостерегает опыт других, таких же, как ты, легковверных дурах?

В своей обыденной жизни какая из замужних женщин не пожаловалась, хотя бы иногда, на утомительное однообразие забот и дел? Какая из них, пусть не вслух, а далеко спрятанной мыслью, не посетовала на то, что самим фактом своей принадлежности к «слабому полу» обречена на некоторую несвободу? Жажда самостоятельности выбора, независимости суждений, неподвластности чьей-то воле-сколь притягательны мечты об этом! Притягательны, но невыполнимы.

Так рассуждала молодая особа, которая, увы, волею судьбы была наделена максимумом свободы. Сирота, она могла рассчитывать только на саму себя. Что, конечно, трудно. Но пока ей кажется, что еще хуже потерять хоть малую толику свободы. И странно ей, откуда это горячее желание каждой мисс стать непременно миссис? Ведь уже давным-давно известно: выйти замуж — значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить обязанности.

Неужели и для нее может наступить день, когда она решится на такой шаг? Неведомый ей пока, а к той поре влюбленный в нее по уши мужчина галантно предложит ей руку и сердце. И ему, по сути дела постороннему человеку, она возьмет и скажет свое «да»? Это же будет равносильно тому, чтобы заявить: конечно, дорогой мистер Икс, ради вас я согласна поступиться своими правами, но только с условием, что вы прибавите мне забот и трудностей. Ну нет! Это не для нее. Вот Эмили уж точно взвалит на себя кучу дополнительных обязанностей, лишь бы побыстрее ее дорогой Клайв назначил день свадьбы. Предложение сделано — предложение принято. Уточняется только дата.

— Эмили, зачем тебе все это?

— Я люблю его, -твердит она, заливаясь то счастливым смехом, то краской смущения.

— Ну и люби на здоровье! Но зачем себя навсегда загонять в клетку, где тебе и почирикать волю не даст твой любезный Клайв?

— Мы хотим быть вместе. Я не представляю, как можно жить без него.

— Правда? Странно... Эмили, а мне казалось, что ты прекрасно обходилась без него.

— Но я встретила Клайва, и мы любим друг друга.

И конечно, она считает это вполне достаточной причиной для того, чтобы сейчас работать на одной работе, подрабатывать на другой, ужиматься в тратах, отказывать себе во всем и ждать прекрасного дня воссоединения двух сердец!

Возможно, Эмили, ты просто пошла на поводу у многовековой традиции? Или тебя толкает на

этот шаг вполне оправданное желание почувствовать себя любимой? А может быть, тот душевный подъем, который связан с вашей близостью, ты принимаешь за любовь? Но поздно уже в чем-то переубеждать Эмили.

Один мудрый француз сказал когда-то давно: дружба идет от разума, любовь-от чувства. Оно и видно: как глупеют те, что твердят о своей любви!

Линда Бекли, а это именно она своим страстным мысленным монологом спорила с подругой Эмили, решила для себя окончательно и бесповоротно: никаких посягательств на собственную свободу она не потерпит! За Эмили, если уж быть до конца честной, она даже рада. Вполне вероятно, в образе своего Клайва Динмора девушка нашла свою судьбу, кто знает? Но у самой Линды все будет иначе.

Решительные эти мысли посетили Линду, когда она только узнала новость о предполагаемом замужестве Эмили. А потом решительности поубавилось. Но не потому, что изменилась точка зрения на предмет спора, а потому, что, кроме массы других невзгод, на нее обрушилась еще и тяжелая болезнь. Телесное недомогание ослабило душевную стойкость. Такое бывает...

Но привычная тяга к независимости по-прежнему давала себя знать, даже когда обстоятельства круто изменили ее жизнь, что она, впрочем, не сочла веским поводом для пересмотра устоявшихся жизненных принципов.

Глава первая

— Эмили, дорогая, я понимаю, что ты сделала это из самых лучших побуждений, но почему за моей спиной? Почему только сейчас я узнаю, что ты призываешь мне на помощь человека, к которому, тебе это прекрасно известно, я ни за что бы не обратилась? — Печальный упрек угадывался в глазах Линды Бекли, когда ты взглянула на подругу, отложив в сторону письмо, которое только что прочла.

— Именно поэтому, -спокойно ответила Эмили и, помолчав, добавила: — Именно потому, что ты со своим характером никогда ни к кому не обратишься за помощью, даже если без поддержки уже никак не обойтись. Постарайся меня понять: моя подруга серьезно больна, на нее к тому же обрушивается несчастье за несчастьем, а я ничем не могу ее поддержать и не в состоянии облегчить ее положение... Как бы ты поступила на моем месте? Ну а я взяла на себя смелость сообщить ему о том положении, в которое ты попала.

В голосе Эмили не было извиняющихся нот. Чувствовалось, что она абсолютно уверена в своей правоте и знает, что ею был использован единственно возможный выход из невыносимой ситуации, в которой оказалась подруга. Столько бед, больших и малых, свалилось на голову Линды, что на десятерых хватило бы! А сколько бы их ждало впереди, если бы ей, Эмили, не пришлось однажды в голову обратиться к родственнику Линды. Вполне обеспеченный и, судя по всему, еще совсем не старый человек, неужели он от кажется хоть что-нибудь сделать для своей племянницы? Не отказался!

Гордости у Линды тоже на десятерых. Но уж если жизнь тебя круто берет в оборот, поступишь хоть немного своей гордыней. Так нет же-сама сидит бледная, слабенькая, еще не до конца здоровая, а все равно озабочена одним: только не посягайте на мою самостоятельность.

Линде было нетрудно представить примерный ход мыслей подруги. И, в общем-то, она понимала, что та права. Но тем не менее, внутренне продолжала сопротивляться неизбежному.

— Я все понимаю, Эмили, -тоскливо промолвила Линда, -но если бы ты только знала, как

противно чувствовать себя зверушкой, загнанной в угол.

— Послушай-ка, зверушка...-усмехнулась в ответ Эмили, -все обстоит совсем иначе. Я бы сказала-наоборот. У зверушки только сейчас и появилась возможность выбраться из угла. Господи, речь ведь не идет о каком-то постороннем доброхоте. С чего ты взяла, что зазорно принять помощь от родного дяди?

— Эмили, о чем ты? Прекрасно сама знаешь, как обстоит дело, и продолжаешь твердить свое. Он же мне вовсе никакой не дядя! Он мне совершенно не родной! Всего лишь сводный брат папы... Даже дальней родней его не назовешь.

Эмили по-прежнему выражала невозмутимое спокойствие, не сказав при этом ни единого слова. Молчание пришлось нарушить Линде: — Вынуждена признаться, что... Эмили, честно говоря, конечно, я даже рада, что на всем белом свете нашелся хоть один человек, готовый... — Здесь ее голос дрогнул.

Эмили внимательно посмотрела на подругу и потянулась за пальто.

— Мне надо идти. В час начинается дежурство. Разговор не закончен. Впрочем, знай: я считаю его предложение не только своевременным, но и вполне пристойным. Что ты там ни придумывай, но формально он твой дядя. Во всяком случае, не посторонний же...

Линда забеспокоилась.

— Я и видела-то его всего один раз в жизни, когда мне было не больше тринадцати лет. И, честно говоря, ничего хорошего об этом человеке вспомнить не могу. Если судить по детским воспоминаниям, он человек неприятный, необъяснимый и даже, может быть, немного пугающий.

— Надеюсь, с тех пор ты успела поумнеть?

— Мама называла его Флибустьером, думаю, что из-за его иссиня-черных волос. Мне кажется, слово было выбрано правильно.

— Линда, милая, только ли волосы были причиной подобного названия? А как насчет характера? Ну-ка вспомни, разве по силам твоей маме было тонкое искусство разгадывать характеры, определять глубину ума и души?-Эмили явно веселилась, чувствуя уязвимость позиции Линды. Та охотно ответила улыбкой, отчего ее глаза необычного цвета, который принято называть фиалковым, ярко засияли на исхудалом, бледном лице.

— Возможно, мама знала больше моего и оценивала не только внешние данные. Но что точно, то точно: Филипп Уорнер, помнится, не очень нравился маме, а его жена и того меньше.

Эмили ушла, оставив подругу наедине с ее невеселыми мыслями. Ведь это только кажется, что у нее, Линды Бекли, есть выбор — ехать или остаться. Нет никакого выбора! Ей и оставаться — то негде. Не прими она сейчас этого странного приглашения, и сразу же столкнется нос к носу с перспективой стать бездомной бродяжкой.

Может быть, все обстояло бы не столь серьезно, если бы не болезнь-жестокий грипп с осложнением на легкие. До сих пор дает себя знать необоримая слабость. Отвратительно само ощущение своей беспомощности. К тому же, незадолго до болезни фирма, где работала Линда, разорилась, что означало полное безденежье. В довершение всех бед, дом, в котором они с давней школьной подругой Эмили Хартли жили уже почти три года, должны были снести,

чтобы на его месте воздвигнуть супермаркет и автостоянку.

Эмили все-таки было легче. Здоровая, работает (квалифицированная медсестра!), собирается замуж и к тому же имеет возможность до свадьбы пожить в общежитии. А что делать Линде, не располагающей ни единым пунктом этого перечня?

Четыре года назад пришло известие о гибели ее родителей. Они занимались археологическими раскопками в Южной Америке, и внезапно в горах их настиг обвал. Линда остро переживала их смерть. Но постепенно боль утраты утихала. Здесь, конечно, свою успокаивающую роль сыграли и молодость, и привычка жить вдалеке от родителей, все свое время и свои силы отдающих науке. К тому же особой близости ни с матерью ни с отцом, увы, не было. Скорее было ощущение, что единственная дочь стала для них едва ли не обузой. Детство и юность прошли в закрытой частной школе. Правда, родители, надо отдать им должное, приезжали во время каникул, но больше выполняя долг, нежели по душевному влечению. В Англии у них не было даже своего дома.

Археологи по призванию, Изабель и Джон Бекли были учеными до мозга костей. Любовь к науке скрепляла их союз больше, чем супружеская любовь. Они восхищались друг другом, работали вместе и беседовали преимущественно о последних раскопках. Линда не принимала участия в их разговорах. Порой у нее даже возникало горькое сознание своей ненужности рядом с этим торжеством научной мысли. Не раз девушка задавалась вопросом: как вообще стало возможным ее рождение?

И вот вдруг восемнадцатилетняя девушка осталась круглой сиротой. Что делать? На что, как и где жить? Линда позвонила в Бирмингем поверенному их семьи. Тот ничем ее утешить не смог. Родители деньги оставили, вот только получить их сейчас нельзя, разве если она выполнит условия родительского завещания. Прямо скажем, тяжелые условия. Часть денег дочь получит, если закончит школу с отличием. А не будет блестящих успехов-не будет и денег. Правда, если после школы она продолжит учебу, то будет обеспечена необходимыми средствами, но только в том случае, если изберет карьеру ученого. Сфера действия на выбор: археология, антропология или древняя история.

Условия завещания привели Линду в ярость. Как могли родители столь хладнокровно и бессердечно распланировать за нее ее будущее! Они никогда не прислушивались к желаниям дочери. От той только и требовалось быть послушной девочкой, что означало-без размышлений в точности исполнять все указания отца и матери. Ну хоть бы попытались обсудить с ней вопрос ее дальнейшей жизни!

Отказ Линды выполнять условия завещания лишал ее каких бы то ни было средств к существованию вплоть до тридцатилетнего возраста. Тем не менее строптивая наследница без колебаний приняла решение-прожить свою жизнь по-своему.

Линда Бекли рассудила так: она молода, здорова, умна и, следовательно, без труда найдет себе работу. Продолжать образование? А почему бы и нет? Но только тогда и там, как сама определит. Отныне она свободна и будущее в ее собственных руках. А боль, обиду, разочарование придется спрятать глубоко-глубоко в душе. Решено твердо и окончательно: на родительские деньги пока не рассчитывать. До времени вообще забыть о них. А дальше-посмотрим.

Вот тогда впервые и пришла весточка из Австралии от Филиппа Уорнера. Он узнал о гибели сводного брата и интересовался, что Линда собирается делать. А та через поверенного сообщила ему следующее: мисс Бекли сама в состоянии справиться со своими делами, ей не

нужно ничье покровительство, она будет жить так, как посчитает нужным. В то время Линда встречала в штыки каждого, кто пробовал посягнуть на ее свободу.

Сейчас ей уже двадцать два года. Она готовится поступать в университет и в сентябре рассчитывает получить родительские деньги. И все бы хорошо, но болезнь, безденежье и неурядицы с жильем неожиданно спутали все оптимистические планы.

После того гордого письма, которое Линда адресовала мистеру Уорнеру, прошло четыре года. От него за это время не было никаких вестей. А тут вдруг выяснилось, что Филипп Уорнер наконец покинул столь полюбившуюся ему Австралию, вернулся в Англию и решил вдруг поинтересоваться, как теперь живетя дочери его брата. Письмо давно забытого дядюшки пришло, как раз когда племянница заболела и была слишком слаба, чтобы вновь решительно отвести в сторону руку помощи. Эмили по собственной инициативе позвонила поверенному семьи Бекли, объяснила всю тяжесть создавшейся ситуации, и теперь Филипп, проинформированный о бедах, свалившихся на голову Линды, приглашает ее к себе. Пусть, мол, поживет сколько сама захочет.

Нельзя сказать, что идея пришлась Линде по душе. Она уже не ребенок, за которым надо присматривать! Кроме того, она совсем не знает этого человека.

Незнакомый, а потому пугающий благодетель был человеком довольно известным. Несколько книг Филиппа Уорнера красовались на книжной полке. Линда купила их из чистого любопытства в те дни, когда была не так стеснена в средствах. Увидела томик в книжном магазине под вывеской «бестселлер» и не удержалась от соблазна его приобрести. Потом уже следила за новинками покупала их, тем более что романы оказались необыкновенно увлекательными.

Сильные, захватывающие, поражающие таинственностью, непостижимостью, книги были написаны с несомненным мастерством. Автор живо описывал, казалось бы, ничем не примечательные события, но за этой обыденностью угадывался сложный, запутанный, порой ирреальный мир. В историях, рассказанных Уорнером, переплелось прекрасное и жуткое, грустное и смешное. От каждого созданного им образа веяло чем-то смутным, тревожным, необъяснимым. Мурашки пробежали по коже. А довольно откровенные интимные сцены придавали повествованию некоторую пикантность.

Черно-белый снимок автора, сфотографированного во весь рост, не слишком соответствовал тому образу, который сохранился в памяти Линды. Еще бы! Их единственная встреча состоялась около десяти лет назад. Отец и мать взяли ее тогда с собой на свадьбу Филиппа. И ее отношение к нему сформировалось, видимо, под сильным влиянием негативной характеристики, данной матерью.

Легкая улыбка тронула губы Линды, когда она вспомнила: флибустьер! Действительно, чем не морской разбойник? Черный как смоль. Взгляд неприветливый, напряженный. Возможно, мать была права, давая свою характеристику. Воображение тринадцатилетней девочки дополнило это прозвище всеми необходимыми атрибутами таинственности. Казалось, этому злобному, жестокому, безнравственному человеку не хватает только черной пиратской повязки на глазу. Он пугал своим видом, и девочка ни на шаг не отходила от матери. Когда их представили друг другу, она даже не смогла улыбнуться.

Интересно, что он тогда о ней подумал? Наверное, принял за глупенькую. Впрочем, более вероятно-он вообще ничего не подумал. Ведь в тот день он женился. Свадьба отлично запомнилась. Особенно невеста. Такую красавицу, какой была тогда Доминик Уорнер, трудно

забыть. Любопытно, какая она сейчас? Все так же ослепительна? Еще более любопытна и ее реакция на приезд малоизвестной племянницы.

Успокойтесь, дорогая Доминик, я к вам ненадолго, мысленно произнесла Линда. Временные трудности-временный приезд. Во всяком случае, не на дольше, чем это обусловлено законами гостеприимства.

Линде не было нужды читать вступительную статью об авторе книги. И так всем известно, что Филипп-журналист и работает на одну из крупнейших газет страны. Романы он начал писать в двадцать восемь лет. А сейчас ему сколько? Тридцать четыре? Возможно. Отец, кажется, был старше сводного брата на двенадцать лет.

Лицо смуглое. Или так получилось на фотографии? Взгляд серьезный и внимательный. Может быть, напускает он на себя такую значительность? И все же было в его облике нечто интересное, привлекательное. Резкие, мужественные черты лица. Человек безусловно умен. Некий налет демонизма придают, наверное, волосы цвета воронова крыла. Именно таким Филипп и запомнился Линде. И глаза его она помнит-необычные, темно-янтарные. В день свадьбы они походили на две застывшие льдинки. Почему интересно? Если Уорнер не испытывал радости даже на собственной свадьбе, что же он за человек?

Страшновато, конечно, встречаться с этим типом, тем более быть его гостьей. Ну да не на всю же жизнь, речь всего о каких-то месяцах-с марта до начала сентября. К тому времени, если повезет, она уже будет вполне обеспечена, и потребность в чьей-либо помощи отпадет.

Спустя два дня после того разговора с Эмили позвонил Дэйв Курон. Линда поделилась с ним своими планами. Парень заметно приуныл.

— Но, Линда, я же не увижу тебя целую вечность!-запротестовал он.-Этот Уорнер живет у черта на куличках. Ты приняла не самое лучшее решение!

— У меня нет другого выхода, -с сожалением заметила девушка. — Филипп Уорнер вспомнил о том, что я существую, и выразил желание помочь. Это уже неплохо характеризует человека, ведь так? Они с моим отцом очень любили друг друга. Знаешь, когда я там устроюсь, то обязательно приглашу тебя на уик-энд.

Однако в глубине души Линда чувствовала, что, говоря эти слова, она утешает и уговаривает не столько Дэйва, сколько саму себя. Просто пытается бодрыми словами отогнать собственные страхи.

— Почему ты не называешь его дядя Филипп?-не скрыл своей подозрительности Дэйв.

— Потому что он мне не дядя. Мы не родственники.

— Да ты что! Сама же говорила, что он брат отца! Ну, значит, и не надо туда ехать! — занервничал молодой человек. — Ты же совсем не разбираешься в людях, а у него, судя по фотографии, очень тяжелый взгляд. Мне не нравится твой писатель. Случись там что-нибудь с тобой — я даже не смогу тебе ничем помочь.

Линда улыбнулась. Она вполне может постоять за себя. Худенькая, длинноногая, девушка производила впечатление хрупкой и беззащитной, но сама себя таковой не ощущала. Сейчас, конечно, слабость после перенесенного заболевания дает себя знать, но это дело поправимое. Смена обстановки, свежий морской воздух поставят ее на ноги. Так что можно считать, приглашение Филиппа пришлось весьма кстати.

— Давай поженимся, — внезапно предложил Дэйв.

Это прозвучало так неожиданно и было сказано на таком драматичном нерве, что Линда рассмеялась.

— Как временное решение моих проблем?

— Может быть, у нас все сладится, подумай, -уже тоскливо настаивал парень.

Идея запоздалая, но, возможно, и неплохая. Дэйв-из разряда современных донкихотов. Ну разве не благороден-в трудную минуту жизни не задумываясь предлагает руку и сердце. А есть ли в том сердце любовь? Ревность-еще не любовь. Да и трудно его представить в роли мужа.

— Нет, нет, Дэйв. Не сейчас говорить об этом...

И вот настал день отъезда. Скорый поезд уносил Линду на запад страны. За окном мелькали приветливые сельские пейзажи, но девушка не замечала их. Невеселые мысли, собственные переживания-вот что занимало ее. Ну почему все беды, несчастья, невзгоды валятся только на нее? Она не заслужила этого. Судьба к ней явно несправедлива. Натура гордая и независимая, Линда все еще не могла смириться с обстоятельствами, вынуждавшими принять помощь от едва знакомого человека.

Почему бы просто не согласиться с условиями родительского завещания? Тогда она легко бы избежала нынешних неприятностей и унижений. Но Линда перестала бы быть собой, если бы послушно, вопреки собственным устремлениям, безоговорочно выполнила чужую волю...

Поезд неумолимо несся навстречу новой жизни. Однако откуда эта странная слабость? От быстро меняющихся картин за окном закружилась голова.

Линда прикрыла глаза и попыталась представить себе встречу с Филиппом Уорнером. И по мере того, как пейзаж за окном становился все более чужим и непривычным, девушка все больше сожалела о вынужденном своем переезде. Ощущение тревоги, беспокойства, одиночества и неуверенности переполняло ее.

Когда поезд, вздрогнув, притормозил у перрона, Линда уже собрала свои вещи. У нее была пара чемоданов и несколько коробок с книгами и любимыми безделушками. Грузить в поезд ее нехитрый скарб было довольно весело, но тогда ей помогали Эмили и Дэйв.

Ну а теперь пришлось самой выгружать вещи на платформу, что в ее состоянии было довольно сложно. Однако все-таки справилась. Уорнер, возможно, подумает, что многовато она взяла с собой всякого барахла. А что он скажет, если узнает, что она захватила с собой абсолютно все, чем на нынешний день владеет?

Линда стояла на платформе, не зная, что предпринять-похоже, никто ее не встречает. Девушка беспомощно озиралась по сторонам. Так, наш писатель задерживается, мысленно иронизировала она, и тем самым обнаруживает свое отношение к гостю. Конечно, с его точки зрения такая незначительная персона, как мисс Бекли, может и подождать. О том, что она будет делать, если Уорнер не появится вовсе, Линде не хотелось даже думать.

Платформа быстро опустела. Лишь несколько человек были видны возле здания вокзала. Холодный пронизывающий ветер напоминал о том, что где-то рядом море. Линда, поеживаясь и притоптывая, продолжала ждать. Неожиданно она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Какая-то женщина беззастенчиво рассматривала ее. В глазах той был и

вопрос, и любопытство.

— Извините, — наконец произнесла незнакомка. — Вы случайно не Белинда Бекли?

Девушка внутренне напряглась. Она терпеть не могла, когда ее называли Белиндой. Казалось бы, стоило обрадоваться, что хоть кто-то встретил ее, знает о ее приезде, а она по вечной вредности своей сначала обратила внимание именно на то, что назвали ее не так, как хотелось бы.

— Да, — ответила на вопрос женщины Линда, пытаясь изобразить на лице некое подобие приветливой улыбки. — Я направляюсь в поместье Филиппа Уорнера, меня должны были встретить.

— О, я в курсе дела! — Судя по всему, и незнакомке непросто далась ее улыбка. — Фил попросил меня встретить вас, а уж дальше вы сами как хотите...

С явным неодобрением встречающая оглядела гостью. Голову на отсечение, что именно то, что было особо привлекательного в ней, Линде Бекли, оказалось осужденным в первую очередь. Смотрела так, будто хотела сказать: фу, как молода эта мисс Бекли, такие длинные ноги теперь не носят, такие стройные фигуры вышли из моды, волосы излишне вьются, а глаза слишком велики и выразительны. В общем, ничего в мисс Бекли надменной женщине не понравилось. Во всяком случае, так можно было понять по выражению ее лица.

— Мистер Уорнер прислал вас встретить меня?-переспросила девушка. — Вы что, его секретарь?-Линда умышленно добавила голосу некоторую надменность, чтобы хоть этим победить свою растерянность. И с удовлетворением отметила, что незнакомка покраснела с досады. Пусть, решила девушка, они обе замечательно играют свои роли. Главное, чтобы никто не догадался, как она боится Филиппа Уорнера. Прошло довольно много времени с тех пор, когда Линда видела жену Филиппа, но стоявшая перед ней жгучая брюнетка ничем не напоминала Доминик.

— Господи, конечно нет! Работать с Филом? Увольте! Мы... мы скорее друзья.

Друзья? Допустим. Ну и дела! Интересно, а что думает Доминик о «подруге» своего мужа?

— Фил попросил меня об одолжении, -продолжала незнакомка. — Кстати, меня зовут Мэдж Фри. — С явным опозданием она протянула руку, и Линде ничего не оставалось, как ответить на рукопожатие. Мэдж насмешливо обозрела коробки и чемоданы, внушительной грудой располагавшиеся у ног девушки, и не отказала себе в удовольствии заметить:-Вижу, вы не любите путешествовать налегке. Будем надеяться, что все это поместится в моей машине.

— Я пробуду здесь до сентября. Поэтому взяла все вещи, которые могут пригодиться, - пояснила Линда. Пусть лучше ее считают экстравагантной, чем бедной!

— До сентября? Целых шесть месяцев? — Мэдж снова воззрилась на гостью. Ее губы вытянулись в тонкую линию.-Любопытно... А что по этому поводу думает Фил?

— Так он сам меня и пригласил, -заверила Линда, чувствуя, что эти расспросы писательской «подруги» начинают ее раздражать. Но еще больше злило беспардонное разглядывание с выказыванием явного неодобрения. Линда-то знала, что выглядит на все сто в элегантной одежде, купленной еще до вынужденной безработицы. — Да, меня пригласил мистер Уорнер.

— Ну-ну, -коротко бросила Мэдж и с заметной неохотой взялась за чемоданы. — Фил ждет

очень важного звонка из Австралии, поэтому не смог приехать сам и попросил меня встретить вас. По его описанию я ожидала увидеть подростка. Вы быстро растете, мисс Бекли.

— Удачно подметили, миссис Фри, — поспешила согласиться Линда.

Значит, мистер Уорнер думал, что помогает малышке-племяннице? Ничего себе! Должно быть, классик совсем заработался. Упустил, значит, из виду, что время не стоит на месте и его племянница уже не та боязливая девчушка, которую он видел много лет назад?

— Филипп Уорнер сводный брат моего отца. И с его стороны было очень великодушно предложить мне временное пристанище, -добавила Линда.

— Вот уж это совсем на него не похоже, -сухо бросила Мэдж. — Великодушный Фил! Не могу себе представить. Разъяренный, взбешенный — куда ни шло. Вы должны с ним быть осторожны и продумывать каждый свой шаг. В противном случае скоро мне придется нести все эти вещи обратно, -не без удовольствия закончила она.

Линда решила пропустить мимо ушей столь язвительное предостережение.

Пока машина выезжала с автостоянки, девушке удалось получше рассмотреть «подругу» Уорнера. Безупречный овал лица, выразительные глаза, красиво очерченный рот-само совершенство. Мэдж была одета в дорогой темно-синий прекрасно сшитый брючный костюм. Создавалось впечатление, что эта женщина никогда не позволяет себе расслабиться в своем стремлении выглядеть отлично, особенно если ей предстоит встреча с Филиппом Уорнером.

При других обстоятельствах Линда всячески выражала бы свою благодарность за оказанную помощь, но с первых же минут их знакомства Мэдж вызвала у нее острую неприязнь. И можно было не сомневаться, что чувство это взаимное.

Машина тем временем неслась по узкой дороге вдоль высоких холмов, покрытых свежей зеленой травой с яркими вкраплениями первых весенних цветов. Радостно сверкнув лучами, солнце наконец вырвалось из плена серых туч, и когда машина въехала на вершину холма, Линда замерла в восхищении. Открывшийся перед ней вид был сказочно прекрасен. Дорога шла к морю, на берегу которого возле каменной пристани уютно притулилась живописная рыбацкая деревушка. Солнечные блики играли на поверхности воды. Вокруг никого. Лишь несколько маленьких лодочек спокойно покачивались на волнах. Любой художник немедленно пожелал бы запечатлеть этот изумительный пейзаж.

— Карон Порт, — объявила Мэдж, заметив восторг гостя. — Я здесь живу.

— Вам повезло, -мечтательно протянула девушка. В ответ послышалось презрительное фырканье.

— Ну это как сказать! По мне так огни городов, интересные встречи куда лучше. Я родом не отсюда.

«Подруга» Филиппа явно настроена по отношению к ней крайне враждебно. С чего бы это? Остается лишь надеяться, что им не придется часто встречаться.

Машина спустилась с холма и въехала в деревню. Линда с нескрываемым интересом оглядывалась по сторонам, пытаясь угадать, какой из маленьких симпатичных коттеджей станет ее временным домом. В принципе ни один из них не подходил автору всемирно известных романов.

Они проехали деревню, вытянувшуюся вдоль берега моря. Дорога вновь пошла вверх, и взору предстали вольные морские просторы, разительно отличающиеся от тихой гавани возле пристани. Даже в этот спокойный весенний денек волны с грохотом разбивались о прибрежные скалы. Море казалось необузданным, опасным, сумасбродным великаном. Линда мысленно представила это царство Нептуна в момент шторма и нервно передернула плечами.

В этом беспокойном море под куполом кристально чистого неба было что-то пугающее. Легко представить, как глаза впечатлительного романиста много лет впитывали в себя эту первозданную красоту, задевающую самые сокровенные струны души.

Поездка вымотала Линду больше, чем та ожидала. Приступы головокружения повторялись, бил озноб. Все, о чем она сейчас мечтала, так это выпить горячего молока и лечь. Но совершенно не хотелось выдавать свое нездоровье, показывать слабость. Не хватало только посвящать Мэдж в историю своей болезни. Девушка стиснула зубы и мысленно твердила: «Все в порядке. Ты справишься. Все хорошо. Держи себя в руках».

Тем временем машина въехала на вершину утеса, и взору Линды предстал дом, где жил и творил известный прозаик Филипп Уорнер. Остроконечный мыс врезался в поверхность воды, а на нем гордо и своевольно возвышался дом, обращенный к морю. Серые каменные стены — будто сказочные воины, готовые в любой момент отразить удары ветра и волн. Позади дома раскинулся сад с зелеными лужайками и невысоким кустарником. Растения немного смягчали суровый вид дома, будто бросающего вызов стихии.

— Вот мы и приехали. Это и есть Уорнер-хаус.

Линда со смешанным чувством страха и любопытства разглядывала серые камни стен, узкие прорези высоких окон, обращенных к морю, и широкую подъездную аллею, ведущую к парадному крыльцу. Огромные клумбы рододендронов, еще не цветущих, красовались по обе стороны аллеи.

— Вы знаете, как называют в народе этот дом?-спросила Мэдж, проследив за взглядом спутницы.-Дом призраков. Жутко, не правда ли?

— Скорее интригующе, -поспешила возразить Линда, не желая обнажать перед малознакомым человеком свои истинные чувства. — В этом доме есть некая первобытность, что роднит его с морем, с небом, с ветром. Теперь я понимаю, почему Филипп Уорнер поселился именно здесь.

— Ну, я могу сказать, почему Фил здесь поселился, -выпалила Мэдж, явно раздосадованная тем, что ее слова не обратили гостью в немедленное бегство.-Это его родина. И все-таки большой город больше ему подходит. Мне иногда кажется, что Фил живет здесь из духа противоречия. Всем назло.

Линда кинула на собеседницу быстрый взгляд. Та сидела, поджав губы. Значит, ознакомительный урок закончен. Ну и хорошо. Можно лишь вздохнуть с облегчением. И зачем только ее уши услышали, что это место зовется Домом призраков и что некто живет здесь кому-то назло.

Странно, но никто не встречал их. Как только машина остановилась перед домом, Мэдж принялась выгружать вещи, словно желая побыстрее от них избавиться. И прежде чем Линда успела ей помочь, весь багаж был самым бесцеремонным образом свален на дорожку прямо перед ступеньками, ведущими к парадной двери.

— И где же наш гостеприимный хозяин? — поинтересовалась Мэдж с напускным

разочарованием. — Впрочем, не удивляйтесь. Фил не обременяет себя заботой о людях, - добавила она и направилась к дому. Открыв дверь, Мэдж ввела девушку в просторный холл, где тоже не было ни души.

Внутри дом выглядел более приветливо, чем снаружи. Изящная витая лестница с белыми перилами вела на второй этаж. Редкие солнечные зайчики играли на дорогом паркете. Все двери в соседние с холлом комнаты были открыты. Но даже если бы Линда приехала одна, она ни за что не решилась бы в них войти. Просто стояла бы и ждала, потому что, надо признаться, ужасно трусила.

Девушка уже собиралась идти за оставшимися вещами, как вдруг единственная закрытая дверь отворилась. Линда застыла на месте, увидев мужчину, вошедшего в холл. У нее перехватило дыхание. Уорнер ничуть не изменился-точь в точь как на той фотографии. Именно таким он когда — то запомнился маленькой девочке. И даже если что-то изменилось, то не в нем, а в ней, ведь сейчас она смотрела на него глазами взрослого человека.

Мужчина пристально вглядывался в лицо гостьи. Его брови вопросительно поднялись.

— Белинда?—На лице Филиппа Уорнера отразилось крайнее изумление. Непроницаемые золотистые глаза смерили девушку с головы до ног.

— Линда, -решительно поправила она. — Мне бы хотелось, чтобы меня называли так.

Начать легче, чем продолжить. Как себя называть, она сообщила, а вот как ей обращаться к хозяину Дома призраков-понятия не имела. Он ей не дядя-значит, дядюшка Филипп отпадает.

Она ему не близкая родственница. Тогда кто? И на каком основании она приехала в его дом? По всей вероятности, Уорнер на свое приглашение ждал скорее отрицательного, чем положительного ответа.

Девушка с ужасом осознала, что боится этого человека, как и много лет назад. Даже жаль, что он не изменился внешне, пусть бы хоть выглядел постарше, и то было бы легче. Перед ней стоял не седовласый добродушный толстяк, а красивый, мужественный, подтянутый, необыкновенно волнующий мужчина. И пойдя знай, как себя с ним вести...

Филипп и похож на того писателя с фотографии, и в то же время бесконечно далек от тщательно ею изученного черно-белого изображения. Линда эмоционально не была готова к встрече с таким человеком. Аура скрытой силы, смесь физического; совершенства, глубокого острого ума и необычайной сексуальной притягательности окружала его. Теперь понятно, почему Мэдж не спешила уходить. Но где же Доминик? Где та женщина, которая вправе сейчас расставить все по своим местам?

— Извини, -сухо промолвил Филипп. — Кажется, время прошло мимо меня. Просто твой отец всегда звал тебя Белиндой.

— В то время я была еще слишком мала, чтобы иметь собственное мнение по этому вопросу, — заявила Линда.

— Ну а теперь ты достаточно взрослая, чтобы самостоятельно выбрать свою судьбу, — заметил он, и снова его непроницаемые золотистые глаза скользнули по стройной фигурке девушки, — Семейные золотисто-каштановые волосы и фиалковые глаза, -тихо усмехнулся он. — Хотя Джон не был так красив.

— Разве ты не знал, что маленькие девочки когда-нибудь вырастают?—язвительно вставила Мэдж.

— Да уж, здесь, действительно, большой пробел в моем знании жизни.—Филипп снова возрился на гостью. — Как бы то ни было, теперь я оправился от шока и могу, Линда, отнести вещи в твою комнату.—Он пересек холл и, заглянув за одну из дверей, громко крикнул: — Салли!!

На пороге, вытирая руки о передник, возникла маленькая полная женщина средних лет. В этот момент раздался телефонный звонок, и хозяин, кивнув в сторону Линды, бросил: — Салли, мне звонят. Проводи девушку в ее комнату. Вещи я принесу через минуту.

И исчез в комнате, которая, по всей видимости, служила ему кабинетом. Мэдж кинула на закрытую дверь полный раздражения взгляд, резко повернулась и двинулась к выходу, не озаботив себя тем, чтобы хотя бы ради приличия попрощаться с Линдой. Ни кивка, ни подобия улыбки—сплошная недоброжелательность.

Глава вторая

Испепеляющий взгляд Мэдж немного обескуражил Линду, но сквозь землю она не провалилась. Коль уж приехала сюда, надо держаться, да и, в конце концов, разве не любопытно разобраться в странностях обитателей этого дома? Так что прочь тревожные мысли! Действительность сейчас воплотилась в образе розовощекой женщины, которая, приветливо улыбаясь, смотрела на девушку.

— Меня зовут Линда Бекли, -тихо произнесла гостья.

Как приятно видеть совершенно нормальное лицо. Но какая же слабость во всем теле... Ноги просто подкашивались, когда Салли рукопожатием активно демонстрировала свое дружелюбие.

— Приятно познакомиться с вами, мисс Бекли. Я приготовила вам комнату, хотя... Мне сказали, что вы несколько... ну, несколько младше.

— Просто перепутали, -с улыбкой пояснила Линда. — Думаю, мистер Уорнер успел совсем забыть меня. И, пожалуйста, не зовите меня так официально. Лучше просто Линда.

— Ну, не знаю, что скажет мистер Уорнер, — задумалась Салли.

Линда тем временем озаботилась переноской своих разбросанных вещей. Ее щеки покраснели от напряжения.

— Уверена, он даже не заметит, -пробормотала девушка.

Остается надеяться, что хозяин будет все свое время отдавать творчеству и встречаться с ним придется не слишком часто. Он, судя по всему, не склонен проявлять теплые чувства и радушное гостеприимство. Сух, строг, немногословен... Значит, осваиваться, изучать обстановку придется самой, разве что Салли окажется разговорчивее хозяина.

Конечно, причины для волнений остаются. Скажем, вдруг он возомнит себя благодетелем опекуном? Сейчас по крайней мере человек выглядит явно ошеломленным и, пожалуй, даже слегка раздосадованным.

Линда тяжело вздохнула. Она поднималась по ступенькам вслед за Салли, нагруженная своим

багажом. Неважно, что подумает Филипп Уорнер. Главное-держаться от него подальше и быть предельно вежливой при встречах. Вот как она уживется с Доминик-это действительно вопрос. Едва возникают мысли о миссис Уорнер, сразу вспоминается откровенная неприязнь матери к этой женщине.

— Вот мы и пришли!-радостный возглас Салли отвлек девушку от тревожных раздумий.

Спальня находилась в самом начале коридора, рядом с лестницей. Просторная светлая комната с окнами, выходящими на море! Разительный контраст с тесной, темной бирмингемской комнатухой, которую снимали подруги в течение четырех лет.

— Ванная комната там.-Салли кивнула в сторону небольшой двери светлого дерева. — Надеюсь, вам понравится.

— Мне уже нравится! Комната просто прелесть. К тому же из окна видно море.

— Этот дом всегда был красив. Он мне нравился, еще когда я работала здесь в молодости горничной. — Салли расплылась в улыбке, ее глаза пробежались по комнате.-Только счастья в нем нет.-Линда удивленно взглянула на служанку. Та смутилась.-Так болтают в округе, — добавила она, и возмущенные нотки послышались в ее голосе.-А я вам скажу, что мистер Уорнер очень добр и всегда таким был...

Слова, случайно вырвавшиеся у Салли, заинтриговали. Почему та сказала, что в доме нет счастья? Раз уж Салли работала здесь горничной, она знает Филиппа довольно давно. Странно, почему по возвращении из Австралии он поселился именно здесь — в родовом гнезде с пугающим названием? Мрачный, загадочный человек в таинственном доме. Может быть, именно в необычной атмосфере Дома призраков он черпает вдохновение? Тогда ясно, почему его книги вызывают дрожь. Но интереснее всего другое: как жена Филиппа мирится с этим? И что, интересно, она думает по поводу Мэдж Фри?!

Салли поспешила вниз, и Линда медленно последовала за ней. Девушка решила предложить свою помощь, но слишком тяжелы были эти коробки. Внезапная слабость заставила остановиться. Еще пару раз вниз-вверх по винтовой лестнице-немудрено будет и вовсе потерять сознание прямо здесь, на этих ступеньках. Девушку бил озноб. Она сильно отстала от Салли.

— С вами все в порядке?-раздался озабоченный голос.

Линда выпрямилась и утвердительно кивнула. Она немного посидит и будет в норме, но еще один рейс ей вряд ли выдержать.

— Присядьте на минуту, -предложила приветливая служанка. — Вы, наверное, устали с дороги. Я приготовлю вам чай.

— Если вас не затруднит...-начала было Линда, но лицо Салли расплылось в улыбке — Господь с вами, мисс! Я рада служить ВЕ Хотя вы оживите это место.

— Вы живете здесь же? — поинтересовалась Линда.

— Нет, я живу в Карон Порт. Хотя бываю здесь каждый день. Прихожу в семь, а ухожу после ужина, как только все уберу и вымою, — ответила Салли.

Добрая женщина отправилась готовить чай, а Линда присела на краешек кровати. Комната поплыла перед ней, Боже, как же ей плохо...

Головокружение немного прошло, стены как будто перестали кружиться, и тут раздался резкий стук в дверь. В комнату вошел хозяин дома. Линда вскочила с кровати и столкнулась с ним лицом к лицу. Он смотрел на нее как-то странно, нерешительно. С неодобрением отметил нагромождение вещей и сердито проговорил: — Я же сказал, что сам отнесу вещи наверх. С какой стати вы стали заниматься этим сами?

— Мне помогала Салли.-Линда выдавила слабую улыбку.-Я как раз собиралась все убрать...-И осеклась под взглядом Филиппа. Невозможно догадаться, о чем думает этот человек. Специально из себя строит загадочного? Вылитый пират. Лишь его необыкновенные глаза светились жизнью, умом и проникательностью.

— Поймите, я никому не хочу быть в тягость!-выпала она громче, чем хотела, и увидела, как изогнулись в усмешке его губы, черная бровь удивленно поползла вверх.

— Какое облегчение для гостеприимного хозяина. Ты только сейчас это решила или провозгласила свое жизненное кредо?

Девушка почувствовала, что краснеет. Ей очень бы хотелось, чтобы ее взгляд выглядел непреклонным, но попытка явно не удалась.

— Я просто хочу сказать, что не собираюсь болтаться у вас под ногами и испытывать ваше терпение. Я не стану злоупотреблять гостеприимством.

— Кажется, ты уже приступила к выполнению своей программы, — откликнулся Филипп. Засунув руки в карманы, он отошел от двери. В золотистых глазах мелькали искорки смеха. — А ты выросла, Линда. Это для меня, честно сказать, было полнейшей неожиданностью. Почему — то в моем сознании ты возникала только в образе маленькой девочки. Я предполагал, конечно, что дети растут, но как-то не думал, что до такой] степени. Мое воображение нарисовало мне совершенно другой образ.

— Я... я полагаю, писателям это свойственно, -неуверенно произнесла Линда, моля про себя, чтобы он отвел глаза от ее лица. Девушка посмотрела на свои вещи, в беспорядке разбросанные по комнате.-Э... надеюсь, я смогу куда-нибудь убрать все это барахло, -рискнула она поменять тему. Уловка сработала. Филипп перевел глаза на ее пожитки.

— Ручаюсь, мы найдем в этом доме место для твоих вещей. Прикинь, что тебе нужно и дай мне знать.

— Полки для книг и, желательно, шкаф, сказала Линда.

— Ну вот видишь, как все просто. Сейчас я принесу сюда твои остальные вещи, и займемся обустройством. — Филипп внимательно посмотрел на девушку.-Ты хорошо себя чувствуешь?

— Я... я просто устала. Салли готовит мне чай, но сначала я хотела бы встретиться с вашей женой.

Как только Линда произнесла последнее слово, взгляд собеседника будто отстранил ее от себя. Человек застыл как ледяная глыба, губы сжались в жесткую линию. Девушка поняла, что брякнула что-то не то, совершила очередную ошибку.

— Моя жена умерла семь лет назад, — бесцветным голосом произнес он и повернулся к выходу. Линда импульсивно бросилась, чтобы задержать его.

— Извините, я не знала. Мне никто не сказал...

В ее голосе прозвучало такое неподдельное сочувствие, что Филипп остановился. Взгляд его оставался холодным.

— Это не должно тебя беспокоить. Она погибла в результате несчастного случая, когда ты еще была совсем девочкой. Откуда тебе было знать?

— Мне так жаль, — прошептала Линда.-Я... простите, что заставила вас вспомнить, но я даже не предполагала...

— Линда!-Громкий крик растворился в тумане. Комната стремительно закружилась, темно-синий ковер неумолимо приближался к ней. Филипп бросился было, чтобы подхватить обмягшее тело, но не успел...

Очнулась Линда уже на кровати. Уорнер стоял у двери и громко звал Салли. Девушка была слишком ошеломлена, чтобы различить, волнение, тревога или просто злость окрашивают интонации его голоса.

Филипп подошел к ней и, едва заметив, что Линда сделала попытку привстать, приказал: — Не поднимайся! Салли поможет тебе лечь в постель.

Уорнер снял с нее туфли. Ей сейчас особенно неловко было чувствовать свою беспомощность. — Я в порядке, — проговорила девушка. — Просто... просто я устала.

— Хватит притворяться, Линда!-Блестящие янтарные глаза с упреком смотрели на нее.- Поверенный сообщил мне, что ты серьезно болела, да я вижу, что ты и сейчас нездорова. Удивительно, как ты еще смогла доехать!

Злость в его голосе обескураживала. Мысль о том, что Уорнер, чего доброго, посчитает ее обузой, была невыносима. Девушка с облегчением вздохнула, когда в комнату вбежала запыхавшаяся Салли.

— Помоги, пожалуйста, Линде раздеться и лечь в постель, -приказал Филипп.-Я пойду вызову доктора.

— Мне не нужен врач...-начала было девушка, но осеклась, попав под обстрел сверкающих глаз. Филипп со злой решимостью вышел из комнаты, даже не удостоив ее ответа. Что за странный человек!

— Ай-ай-ай. Вы такая бледненькая, я так и подумала, что вы нездоровы, -хлопотала встревоженная Салли.-Не следовало мне разрешать вам поднимать тяжести.

— Я просто на одно мгновение потеряла сознание, — будто оправдываясь, пыталась успокоить ее Линда. Служанка, не переставая упрекать себя, принялась раздевать девушку со сноровкой опытной медсестры.

— Я должна была догадаться. Господи, да и сейчас вы близки обмороку. Что скажет доктор, я право не знаю...

— Я могу сама раздеться, -слабо протестовала Линда.

— Мистер Филипп приказал помочь.

В такой ситуации лучше, конечно, не возражать. Тем более что слабость еще не отступила и все вещи виделись как в тумане. Интересно — Салли сказала «мистер Филипп», а не «мистер Уорнер». Ясно, та знала его еще ребенком.

А в принципе, какое ей, Линде, до этого дело? Стоит ли давать своим мыслям такой ход? Уж если есть еще силы думать, так для этого достаточно других тем. Ее нынешнее неприятное положение, например. Это же просто ужасно! Теперь, выказав свою слабость и получив свидетельство заботы хозяина, она более чем когда-либо должна быть благодарна человеку, которого почти не знает.

Появление доктора прервало бесконечный поток безжалостных раздумий. Линда, отвечая на вопросы врача, была вынуждена посвятить его во все тонкости своей болезни. Не хотелось, конечно, но врач есть врач.

— Судя по всему, вы не до конца еще излечились, да и путешествие подорвало ваши си — лы, '1- сочувственно подытожил доктор.-Завтра-постельный режим, а там посмотрим. Возможно, разрешу вам понемногу вставать. Вас вылечит время. Не надо только переохладиться и утомляться.

Когда доктор ушел, Линда пару минут угрюмо смотрела на дверь, а потом приняла решение. Она не может оставаться в постели. Еще не хватало, чтобы за ней ухаживали, присматривали.

Девушка потянулась за халатом, и в этот момент дверь открылась: на пороге возник Филипп. Его холодный взгляд остановил девушку.

— ...Я только собиралась одеваться, — объяснила она, чувствуя себя крайне неловко. Предстать без одежды перед малознакомым мужчиной-хуже не придумаешь. А у нее к тому же и не было сил, чтобы натянуть на себя халат.

— Я отчетливо помню, что ты обещала никому не быть в тягость. — Филипп решительно двинулся к ней. Линда забеспокоилась.

— Мои слова, согласитесь, особенно подходят к данному случаю. Именно потому я и хочу одеться.

Она постаралась как можно тверже посмотреть на мужчину, но тот проигнорировал и ее взгляд, и ее слова.

— Ты доставишь куда меньше хлопот, если будешь лежать в постели, а не хлопоты в обморок на каждом шагу, — отрезал Филипп. Вырвав из ее рук халат, он приобнял девушку, возвращая ее на подушки.-Лежи спокойно. Доктор объяснил, что тебе нужно делать, и попробуй только не выполнить его указаний. Пока строго постельный режим, а потом будешь понемногу подниматься. И так до тех пор, пока совсем не окрепнешь.

— В дороге со мной все было в порядке. Просто я устала...-Голос Линды задрожал. От слабости? От неуверенности? От жалости к себе? Нет, ее совершенно потрясло прикосновение рук Филиппа, таких теплых, сильных и надежных. Первый раз мужские руки так дотронулись до нее-и мягко, и уверенно. Немало молодых людей выказывали интерес к ней. Почему бы и нет?

Девушка, по всем отзывам, симпатичная, с прекрасной фигурой, а уж про ее глаза-ах, ах, ну просто фиалковые! — говорила едва ли не с восхищением. Но ко всем ухаживаниям Линда

относилась с долей прохладцы, предпочитая видеть в своих ровесниках просто друзей, что, впрочем, не всегда их устраивало. Как не похож на этих кичащихся своей мужественностью и неотразимостью людей Филипп Уорнер! Рядом с ним чувствуешь себя маленькой и хрупкой.

— Лучше не спорь со мной, -сказал Филипп.-И если вдруг Салли или я обнаружим тебя слоняющейся по дому, не жди ничего хорошего. — Он выпрямился и серьезно посмотрел на нее. — И перестань считать себя обузой. Я сам пригласил тебя сюда. — Его губы изогнулись в усмешке. — К тому же, какая разница, где ты будешь валяться в постели-здесь или где-нибудь еще?

— Но я никогда не хотела...

— ...Никому навязываться. Я знаю. Мы уже это обсудили.-Уорнер повернулся к двери и взглянул на грудку коробок, сваленных на полу.-Я принесу оставшиеся вещи и разберу их.

— Нет! — Это излишне резкое и категоричное возражение заставило мужчину повернуться. — Я... я хотела сказать, в них трудно разобраться постороннему, и... и будет лучше, если я сделаю все сама. Эти вещи...-смущенно добавила девушка, — ...они очень личные.

— Как интересно! Секреты? Уж не тайного ли агента я скрываю в своем доме? Какой же ты все-таки чудной ребенок, Белинда.

Филипп вышел, оставив Линду разбираться в себе, в нем и в этих ненароком брошенных насмешливых словах. Она вовсе не ребенок, и, черт возьми, он прекрасно это знает!

Линда услышала звук приближающихся шагов, что заставило ее принять выражение упрямой решимости. В комнату вошел Филипп и аккуратно поставил коробки у стены, там же сложил и вещи, принесенные раньше.

— Мы ведь не хотим, чтобы ты споткнулась о них ночью, правда?-сказал он, придав голосу преувеличенно заботливую интонацию. Добрый дядюшка печется о пользе малышки-племянницы. Когда он взглянул на Линду, в его глазах плясали веселые чертики. Не к добру подобное веселье... Надо взять инициативу в свои руки.

— Пожалуйста, не называйте меня Белинда. — Слова прозвучали скорее как просьба, а Линда очень хотела произнести их более небрежно и в то же время внушительно, но не получилось.

— Обещаю, -сказал он.-Но при одном условии: если ты перестанешь вести себя как бездомный ребенок, униженный чьим-то покровительством. Твой отец жил в этом доме. Его дочь всегда здесь желанный гость.

— Но я совсем вас не знаю. Мой приезд выглядит просто нахальством. Я... я хочу сказать, что мы не родственники. Я вам не племянница.

— В этом ты абсолютно права. И все же не будем отрицать и того, что мы далеко не посторонние друг другу люди. Хотя между нами и нет кровной связи. Твой отец много значил для меня — больше, чем ты можешь себе представить.? И я позабочусь о его дочери, даже если больная гостья с загадочным багажом имеет на этот счет!

свое мнение. Разве писатель может устоять перед соблазном узнать ее получше? Великолепный образчик для изучения, вдобавок еще этот нежный румянец...

Дверь за ним закрылась прежде, чем Линда смогла что-либо ответить. Нежный румянец? Да

она покраснела от смущения и от злости, в конце концов! Глаза у этого человека как у кошки! Девушка обиженно откинулась на подушки.

Линда провела в постели целых два дня и за это время ни разу не видела Филиппа. Салли ухаживала за ней очень заботливо. Но вечерами по окончании рабочего дня служанка отправлялась домой. А хозяин ни разу не зашел, чтобы пожелать гостье спокойной ночи или хотя бы поинтересоваться «здоровьем больной. Ну что ж, лучшей иллюстрации его отношения к ней не придумаешь... Игнорирует-и все тут!

Правда, шкаф он все-таки принес. В этот момент Линда принимала душ, и их встреча не состоялась. Удивительно, но Уорнер не забыл про ее просьбу. Однако после этого он не зашел и не спросил, все ли в порядке.

На третий день Линда проснулась рано. Чувствовала она себя намного лучше, чем прежде. Покой и отличная стряпня Салли сделали свое дело. Так что сегодня можно немного погулять. Девушка как раз спускалась вниз, когда входная дверь открылась и в холл вошел Филипп в джинсах и черном свитере. Через плечо свисало влажное полотенце. Живительно, он явно только что искупался в море. В такой-то холод! Да и море казалось беспокойным.

— Доброе утро, Линда. — Губы Филиппа тронула улыбка. Он бросил полотенце на спинку стула. — Надеюсь, тебе лучше?

— Да, спасибо. — Девушка продолжала его рассматривать и неожиданно выпалила то, что совершенно не хотела произносить: -Неужели вы купались! — В ее голосе соединились удивление, осуждение и недовольство. Уорнер удивленно поднял бровь.

— Я всегда плаваю перед завтраком. Давняя привычка. Каждое утро после восхода солнца мы с твоим отцом бежали наперегонки к морю. Только, -серьезным тоном добавил он, -не дай мне Бог застать тебя за подобным занятием. Я знаю здесь все течения. Это побережье очень опасно для новичков.

— Когда немного потеплеет, я тоже буду купаться, -заявила девушка, не в силах оторвать взгляд от его блестящих черных волос. Все-таки этот Уорнер-необычайно привлекательный мужчина.

• — Пошли завтракать!-Филипп направился напрямиком в столовую. Линда побрела за ним, машинально подобрав по пути мокрое полотенце. Он крайне небрежен с вещами, подумала девушка, заметив, что полотенце оставило белесое пятно на блестящей темной полированной поверхности стула.

— Позволь спросить, что ты намерена с ним делать?-Филипп остановился, чтобы открыть перед Линдой дверь, и когда девушка подняла глаза, то увидела, что он выразительно уставился на полотенце.

— Оно влажное. Может испортить дерево.

Стулья ведь старинные и...

— Ты совершишь большую ошибку, если попытаешься изменить меня или мой образ жизни, Линда Бекли!-Твердая рука взяла девушку за подбородок и повернула ее лицо к свету. — Если я хочу бросить влажное полотенце, я его бросаю. Салли собирает эти полотенца годами. Вскоре ты обнаружишь, как много у меня скверных привычек. Не обращай на них внимания. Я

абсолютно не собираюсь с ними расставаться.

В фиалковых глазах зажегся недобрый огонек. Однако Линда понимала, что будет неразумно давать выход своим эмоциям, даже если этого очень хочется.

— Прошу прощения. Я действовала чисто машинально. Обыкновенная женская страсть к порядку. В будущем я постараюсь не докучать вам.

Филипп прищурился. Человек явно заметил и возмущенные интонации в ее голосе, и пылающие щеки. Он учтиво пропустил Линду вперед, попутно забрав у нее полотенце.

— Твое «машинально» может плохо подействовать на Салли, -не без издевки в голосе заметил Филипп. — Если полотенца не окажется в холле, она, чего доброго, вообразит, что я утонул.

— Хорошо! Я положу его обратно!-Линда резко повернулась к нему, и только тут заметила веселеньких чертиков в янтарных глазах.

— Ну и темперамент, -заметил Филипп. — Не пойму только откуда. Джон был очень уравновешенным человеком, а твоя мать-вообще была холодна как айсберг.

В столовую вошла Салли и поставила на стол поднос с завтраком, а уходя, без каких-либо комментариев забрала с собой злосчастное полотенце.

— Что ты собираешься сегодня делать?

Снова этот насмешливый покровительственных тон! Она подняла глаза, стараясь выразить взглядом предельную холодность.

— Для начала разберу свои вещи. А затем буду корпеть над учебниками, готовиться к экзаменам. Мне нужно многое наверстать.

— Не переусердствуй. Не забывай, что ты больна.-Филипп говорил вполне серьезно. Линда кивнула, ей и самой не улыбалось снова оказаться прикованной к постели.-А как ты собираешься меня называть?

Ну вот и прозвучал вопрос, которого она ждала и боялась. Хотелось бы самой знать ответ. До сих пор ей удавалось избегать прямого обращения.

— Вы мне не дядя, .. — начала Линда нерешительно.

— Согласен, -заметил Филипп. — Это мы уже выяснили. Тебе не кажется, что постоянно обращаться ко мне на «вы» довольно затруднительно? Может, будешь звать меня по имени и перейдешь на «ты»? Большинство людей справляются — с этим не так уж плохо.

Линда с трудом переводила дыхание. Глупо, конечно, но почему-то казалось: стоит ей назвать его по имени, как она окажется в невыгодном положении. Хотя, с другой стороны, человек прав: нелепо, живя в одном доме, все время использовать официальный способ общения.

Вспомнилась отвратительная фамильярность Мэдж Фри. Нет, она, Линда, никогда не сможет назвать его Филом.

— Да, Филипп, -почти прошептала девушка и украдкой взглянула на мужчину. Тот не произнес ни слова. Просто смотрел на нее со странной улыбкой.

— Меня редко так называют в моем доме, — наконец сказал он.

— Ну не Филом же?.. — с трудом выговорила Линда.

— Вот уж этого не надо. Мне нравится, когда ты произносишь имя Филипп своим чудным хрипловатым голосом. Давай на этом и остановимся, хорошо?

Линда кивнула и вернулась к завтраку. Что вы там, мистер, наговорили про голос? Прежде никто не замечал, что у мисс Бекли «чудный хрипловатый голос», мысленно отметила Линда.

— Пока ты лежала больная в постели, я думал о тебе, — вдруг ни с того ни с сего заявил Филипп. Девушка почувствовала, как екнуло сердце.

— Д-да?-Линда старалась не выдать своего беспокойства.

— Я знал, что тебе требуется помощь. Но что с тобой случилось, толком и не представлял. Твоя подруга Эмили обрисовала все в чрезвычайно мрачном свете. Что же все-таки произошло на самом деле?

Линда прикусила губу и взглянула на мужчину. Филипп выглядел вполне миролюбиво, даже доброжелательно. Неужели прямо сейчас придется вытаскивать на свет Божий все свои проблемы? Однако объяснений избежать все равно не удастся. Так лучше уж сразу с этим покончить.

— Все началось, когда арендодатели решили снести наш дом, -медленно произнесла Линда. Филипп слушал внимательно. Даже отложил вилку и нож. Девушке показалось поначалу, что уголки его губ слегка приподнялись, но нет, он не засмеялся, и Линда осторожно продолжила: — Они решили устроить на месте дома автостоянку. Вот так. Нас попросту выкидывали на улицу.

— Бедняжки, -пробормотал Уорнер.-Итак, ты оказалась выброшенной на улицу.

— Это еще полбеды. Почти одновременно я потеряла работу. По сокращению штатов, — торопливо проговорила Линда. Удивление Уорнера возрастало.-Я не смогла найти себе другую работу, моя подруга стала подрабатывать медсестрой по вызову на дом. Скоро у нее, возможно, все изменится к лучшему. Эмили выходит замуж. А у меня-ни дома, ни работы и никаких перспектив на будущее. Тут обрушилась еще беда-моя болезнь.

Картина вырисовывалась довольно мрачная. Филипп откинулся на спинку стула. Его глаза пристально смотрели на девушку. Хоть и чувствовалось во взгляде кроме явного интереса еще и сочувствие, но было бы гораздо лучше, если бы он отвел свой взгляд.

— Беда не приходит одна, -глубокомысленно заявил Филипп.-А сейчас у тебя, видимо, такое чувство, что все твои несчастья уже позади?

— Надеюсь, что так. Раньше удача никогда меня не подводила, -заявила Линда.

— Нельзя во всем полагаться только на себя и на удачу, -мягко прервал ее Филипп. — Когда несчастья на пороге, нужно опираться на семью.

— Глупо искать то, чего нет. Мне и одной неплохо. Во всяком случае, я всегда могла сама о себе позаботиться.

— Уверен, что могла, -спокойно согласился он. — Но бывают времена, когда помощь других просто необходима. Знай на будущее: здесь ты можешь чувствовать себя в безопасности.

— С-спасибо тебе.-Девушка еще раз быстро взглянула на собеседника, но не поймала ответного взгляда. Мужчина смотрел в окно, прямо на море. На его лице застыло странное выражение. Удивительный он все-таки человек! Поражает его таинственная, зачаровывающая красота.

После завтрака Линда поднялась в свою комнату, но не смогла заставить себя заняться чем-нибудь полезным. Она стояла у окна, завороченная видом водной стихии. Море казалось таким необузданным, таким свободным. Этот старый дом тоже таил в себе неведомые силы. Но стоит признаться самой себе: как бы ни было ей здесь поначалу тревожно и неудобно, тем не менее у нее появилось неповторимое ощущение собственного дома. Ощущение надежности тылов. Здесь жил когда-то отец. Здесь правила домом бабушка. Раньше не возникало потребности копаться в прошлом своей семьи. Сейчас прошлое само постоянно заявляло о себе.

Линда направилась в сад, простиравшийся вплоть до крайней оконечности мыса. Должно быть, летом сад, разбитый с большим вкусом, выглядит очень живописно. Высокая живая изгородь, огибающая дом со всех сторон, защищала газоны и клумбы от порывов ветра. Ничего не скажешь-впечатляющее, красивое зрелище!

Море притягивало к себе подобно магниту. Вскоре Линда уже стояла на краю обрыва. Ветер трепал ее короткие золотистые кудри. Как околдованная, смотрела девушка на безбрежные морские просторы, холодные и серые даже при сегодняшней ясной погоде, белые гребешки волн переливались в солнечных лучах. Теперь понятно, почему Филипп предостерегал от купания-было слышно, как пенящиеся волны яростно ударяются о прибрежные камни.

Линда приблизилась к самому краю скалы, чтобы получше разглядеть побережье, но предупредительный окрик и сильная рука, схватившая ее за локоть, заставили ее остановиться.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — Линда обернулась и спокойно посмотрела в напряженное, искаженное гневом лицо Филиппа.

— Осматриваю окрестности.-Она не понимала причины его злости.

— Ты стоишь на самом краю мыса. Если бы я не пошел вслед за тобой, не знаю, что могло бы произойти.

— Я не просила тебя идти за мной, -возразила девушка. Ну вот! Возник как черт из шкатулки, и сразу куда девалось только что возникшее прекрасное чувство родственной принадлежности к этому краю.

— По-твоему, мне следовало подождать, когда ты упадешь с обрыва?-взбеленный Уорнер. Линда высвободилась из хватки его сильных рук и повернулась к дому. Вечно все испортит!

— Может быть, будет лучше, если я вернусь в Бирмингем? Быть помехой-не лучшая участь. Я вовсе не хотела отрывать тебя от работы...

— Ты очень похожа на свою бабушку-мату Джона.-Филипп помолчал, а потом тихо добавил: — Она упала с обрыва почти на том самом месте, где я нашел тебя.

Линда резко вскинула голову. В ее глазах застыл испуг.

— Она погибла? Папина мама упала с этого обрыва?

— Да. — Филипп выглядел мрачнее тучи. На скулах проступили желваки. Он повел девушку к дому. — Твоя бабушка очень много значила для меня. Она была солнечным лучиком в этом мрачном доме. Заклинаю: не ходи туда больше, Линда!

Глава третья

Филипп отпустил Линду, а сам странной походкой, напоминающей поступь раненого зверя, направился к дому. У девушки совершенно пропало желание изучать окрестности. В янтарных глазах Уорнера сквозила такая опустошенность. Если воспоминания о приемной матери, погибшей здесь много лет назад, так уж больно ранят человека, почему же он продолжает жить в этом доме? Что все-таки держит хозяина Дома призраков в этих краях?

Неужели он действительно живет здесь назло? Назло чему? Кому? Определенно, этот мужчина абсолютно непостижим. Линда вернулась в свою комнату и принялась разбирать вещи, сваленные в беспорядке на пушистом голубом ковре. Неспешная, однообразная работа постепенно вытеснила печальные мысли. Вскоре девушка расставила на полках свои учебники и другие книги развесила одежду в шкафу и заполнила бельем ящики комода. Еще немного-и она закончит. Надо было спросить Филиппа, во сколько он обедает. Линда вздохнула и достала из чемодана фотографию родителей. Усевшись на ковер, она внимательно стала разглядывать ее. Действительно, золотистые волосы-это от отца. Тот, правда, был немного посветлее. А глаза-яркие, большие, синие или, как называют окружающие, фиалковые-уж точно от него. Лицо матери поражало красотой и холодностью. Грустно в этом признаваться, но, к сожалению, их дочь, глядя на лица родителей, не чувствовала ни теплоты, ни боли утраты. Разве что вернулось чувство одиночества, знакомое, изматывающее душу чувство.

Невозможно представить ее отца рядом с Филиппом в этом доме. Между ними-двенадцать лет разницы. Какие отношения связывали их? Все казалось таким таинственным, странным. Вряд ли удастся докопаться до сути дела. Так что лучше обуздать свое любопытство и не совать нос в чужие дела.

Когда Линда спускалась к обеду, она размышляла о том же-о своем прошлом и прошлом этого дома. В таком большом старинном доме обязательно должны быть фамильные портреты. А их почему-то нет. Линда обошла почти все комнаты, но ничто в них не напоминало о прежних обитателях Дома призраков.

А Филипп? Вот уж кто прямо создан для полноты мрачноватой картины. Какой странный, многоликий, непростой человек! Он одновременно и пугал, и заинтриговывал, и притягивал к себе. Ну и шут с ним! Главное-постараться затаи ться и набраться терпения. Только так и удастся более или менее спокойно дожить до сентября. Только до сентября, а там-свобода. Пара банальных благодарственных фраз-и поминай, как звали.

Линда вошла в столовую и увидела Филиппа. Очевидно, он по-прежнему не в духе. Стоит, держа бокал с виски, и смотрит своим тревожащим душу взглядом. Причем в этом изучающем взгляде девушка не заметила ни капли приветливости. Что опять не так?

Линда, надо сказать, приложила немало усилий, чтобы выглядеть сегодня как можно лучше. Надела темно-синее платье с белой отделкой. Оно, возможно, немного коротковато, но что поделаешь-мода. К тому же она прекрасно знала, что сине-белая гамма потрясающе идет к ее глазам. И над прической тоже поработала-короткие золотые кудри выглядят как иллюстрация из рекламного проспекта, посвященного французским шампуням. Так что он не имел никакого

права стоять в углу и неодобрительно смотреть на нее как на какую-то уродину.

— Что будешь пить?-наконец поинтересовался Филипп.

Щеки девушки запылали от злости и смущения. Даже тон, которым он задал вопрос, раздражал. Уорнер наверняка предложит ей лимонад. Что еще пьют юные глупышки? Стоит предвосхитить его новое издевательство.

— Лимонад, пожалуйста, -заявила она и прямо посмотрела в глаза насмешнику. Черные брови удивленно поползли вверх. Губы искривились в прежней ухмылочке.

— Бросаешь вызов? — насмешливо заметил Филипп. — Я оказался прав. Ты ничуть не похожа на покладистого Джона.

— У меня был выбор. Кое-что я унаследовала от матери, -резко парировала девушка. Ухмылка исчезла с его лица.

— Ее раздражительность была иного рода, — резко отозвался Уорнер.-Не могу сказать, что когда-либо находил твою мать забавной. — Он протянул девушке бокал. Вместо лимонада ей предлагался превосходный вишневый ликер. Линда не смогла прокомментировать его жест, потому что в это время вошла Салли и подала обед.

Они сели за стол.

Возможно, именно воспоминания о ее матери заставили Филиппа снова помрачнеть. Линда лихорадочно пыталась придумать нейтральную тему для разговора.

— Мне очень понравился этот старый дом, — рискнула девушка, оглядывая столовую, декорированную в восточном стиле.

— Он принадлежит моей семье уже несколько столетий, -коротко сказал Филипп. — Я думал, Джон рассказывал тебе.

— Нет, не рассказывал. Папа редко упоминал об этом периоде своей жизни. Его разговоры в основном крутились вокруг последних раскопок, находок, ближайших планов.-Что-то в голосе Линды заставило собеседника присмотреться к ней повнимательнее.

— Ты принимала участие в таких разговорах?

— Возможно, и принимала бы, если бы дали шанс. Папа разговаривал только с мамой. Они были погружены исключительно друг в друга.

— Ты хочешь сказать, в свою работу?-сухо поправил Уорнер. — Трудно представить, что Изабель могла увлечься человеком.

— Ты рисуешь ее в слишком холодных тонах, — возразила Линда. То обстоятельство, что он говорил истинную правду, не имело никакого значения. Дочь почувствовала, что в данной ситуации обязана защитить мать.

— Хочешь сказать, я не прав?-гнул свою линию Филипп.-Ты помнишь, чтобы твоя мать хоть раз приласкала тебя, поиграла со своей единственной дочерью? Насколько я знаю, тебя отправили в школу в пять лет и предоставили самой себе. Есть что возразить?

— Ты... ты не знал их, -пробормотала Линда. Возразить действительно было нечего. Но очень

не хотелось соглашаться с ним, а тем более поддаваться жалости к самой себе. Жестоко со стороны Уорнера беречь старые раны. Свою боль дочь Джона и Изабель запрятала глубоко-глубоко много лет назад. И отлично научилась справляться с жизнью. — Вообще-то я говорила о доме.

— Дом-ничто без его обитателей. Особенно этот дом. — Филипп откинулся назад, созерцая насыщенный цвет содержимого своего бокала. — Мой отец ценил свою крепость превыше других ценностей. А мне всегда казалось, что люди, жившие здесь, больше походили на призраков. Отец упорно изживал в себе все добрые, человеческие чувства и эмоции. Уорнер взглянул на девушку и неожиданно усмехнулся. — Ты не выжила бы здесь, Линда Бекли. Мой отец учинил бы тебе приличную взбучку только за один твой вызывающий вид.

— Ты... ты не любил его? — спросила Линда. Жесткие нотки, проскользнувшие в его голосе, удивили. Девушка признавала, что равнодушна к своим родителям-так же, впрочем, как и они к ней, — но уж если быть до конца честной, она не испытывала к ним такой неприязни, какую выражал сейчас к своим родителям ее собеседник. — Я ненавижу его, — откровенно признался Филипп. — Мне было пять лет, когда умерла мать. И все-таки я помню ее. Помню бледное лицо, вечный страх загнанного зверька в глазах. Оглядываясь назад, я понимаю, почему мама прожила так мало. Даже ради меня она не хотела жить.

— Твой отец женился вновь-на папиной маме...

— Да, причем в год смерти моей матери.

И как будто солнце заглянуло в дом. Твоя бабушка была яркой, красивой-как ты. Такие же блестящие волосы, такие же изумительные глаза. В ее сердце нашлось место и для меня. На какое-то время жизнь снова стала прекрасной. Я всюду следовал за старшим братом, а он с удивительным терпением выносил мои проказы. Я поклонялся Джону как герою и обожал твою бабушку. — Что... что же произошло? — тихо спросила Линда.

Почему Филипп вдруг решил довериться ей, рассказав о своей жизни? Он производил впечатление самоуверенного, негибнющего человека, а теперь горечь, звучащая в его голосе, неожиданно обнажила ранимую душу, тщательно скрываемую боль — Да ничего особенного. Мой отец долго не выдержал. Он женился на твоей бабушке, потому что за домом должна была присматривать женщина. Он терпеть не мог песен и смеха, ненавижу, когда кто-то вмешивался в его жизнь. Его раздражали вечно болтающиеся под ногами мальчишки. Джон поступил в университет, меня отправили в закрытую школу. Этот дом превратился в склеп, как отцу, видимо, и хотелось. Его новая жена оказалась на положении прислуги. Когда я изредка приезжал домой из школы, то с трудом узнавал ее. А несколько лет спустя она упала со скалы.

Надо же, какие странные вещи открываются! От услышанного по спине побежали мурашки. Ведь речь идет о совсем недавнем прошлом, а кажется, что рассказ касается средневековых событий.

— Почему же ты не избавишься от дома, с которым связано так много печальных воспоминаний? — наконец решила спросить девушка. Филипп мрачно усмехнулся.

— Может быть, я хочу позлить отца, — ответил он.

— Он же умер. Ты уже ничего ему не докажешь, — заметила Линда.

— Неужели? Тогда почему ты в свое время сбежала в Бирмингем, вместо того чтобы поступить в университет? Кого ты хотела позлить? Кому показать свою обиду? И почему сейчас

начинаешь все сначала?

— Я хотела идти своим путем, -решительно заявила Линда.-Во всяком случае, никогда не поздно изменить свое решение. Я получила кое — какой жизненный опыт и ни о чем сейчас не жалею.

— Ты еще ребенок, -сухо произнес Филипп.-К сожалению, твой жизненный опыт дорого тебе обошелся. Я мог бы обвинить в этом Джона, но понимаю, что не имею на это никакого права. Если бы на его пути встретилась добрая, сердечная, любящая женщина, все сложилось бы по-другому, я в этом абсолютно уверен.

В который раз он пытается осудить ее мать! Линда импульсивно, не подумав, кинулась отплатить ему той же монетой. В памяти возник холодный красивый образ Доминик Уорнер.

— И ты сумел найти себе именно такую женщину?-спросила она.

Его глаза недобро сверкнули. Что на нее нашло? Зачем вообще ей вздумалось затронуть эту скользкую тему? В конце концов, еще неизвестно, какой на самом деле была Доминик. Возможно, он все еще оплакивает ее.

— Прости, -быстро опомнилась девушка и добавила, чувствуя на себе холодный взгляд: — Это непростительно с моей стороны-касаться такой личной темы.

— Око за око, я отлично все понял, — заверил Уорнер.-Признаюсь, я просто не ожидал, что ты отреагируешь так быстро. Давай лучше не будем трогать наших родственников.

Линда кивнула в знак согласия и сделала большой глоток вина. Пожалуй, весь разговор можно истолковать как желание человека напомнить, что она здесь не у себя дома. Он прав. Строптивая гостья живет здесь из милости-его милости.

Они закончили обед и уже пили кофе, когда Линда наконец-то собралась с духом и попросила разрешения позвонить в Бирмингем. Ей не хотелось терять связь с друзьями.

— Считаю, что телефон твой, — великодушно разрешил Филипп. — Звони, когда захочешь. Тебе, наверное, нужно поговорить со своим парнем?

Как бы лучше ответить на его вопрос? Вообще-то она собиралась позвонить Эмили, хотя с Дэйвом тоже неплохо было бы поболтать. В любом случае совершенно не хотелось посвящать Филиппа в подробности личной жизни.

— Да, действительно.-Ответ прозвучал довольно искренне.

— Пригласи его сюда, -предложил гостеприимный хозяин, за что оставалось лишь поблагодарить его, стараясь не выразить своего удивления.

В янтарных глазах Филиппа вновь заиграли искорки смеха.

Линда отправилась спать, чувствуя, что сегодняшний день запомнит надолго. С этим самоуверенным типом нужно держать язык за зубами. Силы слишком неравны.

Утром она позвонит Эмили, а вечером, возможно, -Дэйву.

Линда проснулась от яркого солнечного света. Теплые лучи проникали в комнату даже сквозь

плотно задернутые шторы. Спускаясь к завтраку, девушка услышала радостный голос Салли. Казалось, хорошая погода заметно улучшила ее настроение. Служанка болтала без умолку, и что удивительно-в присутствии хозяина.

— Отличная пасха будет в этом году, уж поверьте мне на слово, -предсказывала Салли. Вообще-то, обратите внимание, на пасху всегда стоит хорошая погода. Мистер Роберт сможет гулять на свежем воздухе, когда приедет домой на каникулы.

— Думаю, там у него тоже все в порядке со свежим воздухом, -заметил Филипп.-Я слышал прогноз погоды-сухо и ясно.

— Но не так, как здесь, -настаивала Салли. Ее лицо расплылось в улыбке.-Вы заберете его сегодня?

— Завтра, -уточнил Уорнер.

— Тогда я успею испечь пшеничные лепешки, -засуетилась Салли.

Линда тихонько сидела, предполагая, что кто-нибудь соизволит сказать ей, о чем все-таки ведется разговор. Филипп, казалось, не был расположен к беседе, и девушка молча приступила к завтраку, не осмеливаясь проявить любопытство.

— Не хочу надоедать своими расспросами, прозвучал холодный ответ. — До сих пор это не слишком хорошо у меня получалось. Впредь постараюсь держаться подальше от твоих семейных тайн.

— Вам придется пересмотреть свою точку зрения, мисс Бекли, — язвительно протянул Уорнер.- Нравится тебе или нет, но ты-часть этой семьи, а завтра к нам присоединится еще один ее член. Роберт приедет домой из школы.

— Невероятно, -пробормотал мужчина. — Впервые вижу нелюбопытную женщину. Ты старательно притворяешься, что знаешь, о чем идет речь, но на самом деле просто не решаешься спросить.

— Роберт?-Линда медленно подняла взгляд, не рискуя проявить слишком большой интерес, но ответ Филиппа согнал холодную вежливую маску с ее лица.

— Роберт, -повторил он. — Мой сын. Линде в голову даже не приходило, что у него может быть ребенок. Девушка уставилась на собеседника в немом изумлении, абсолютно не зная, что сказать. И поскольку тот и не думал приходить ей на помощь, она собралась с духом и поинтересовалась возрастом Роберта.

— Ему восемь. — Выражение строгого лица едва заметно изменилось. Пожалуй, взгляд стал потеплее.

— Тогда я... я хотела бы с ним познакомиться. Надеюсь, он не станет возражать против моего присутствия в этом доме.

— Не станет, -заверил ее Филипп. — Роберт очень воспитанный маленький джентльмен.

Тогда почему он не живет дома с отцом? Есть еще и Мэдж Фри, подумала Линда. Уж эту-то женщину новость о приезде Роберта явно не обрадует. Гъраздо сложнее крутить роман в присутствии маленького мальчика, чем в. присутствии молодой девушки.

Линда усмехнулась. Действительно забавно — ее приезд нарушил планы Мэдж. Вероятно, эта леди рассчитывала появляться в доме после ухода домой Салли. А теперь, должно быть, и такой вариант отпадает.

Чуть позже Линда решила выпить чашечку чая и спустилась в холл. Сложившаяся ситуация по-прежнему забавляла ее. Девушка все еще предавалась своим злорадным размышлениям когда через залитый солнцем холл внезапно заметила Филиппа-он стоял в дверях кабинета и внимательно наблюдал за ней. Линда резко остановилась. Было такое впечатление, что Уорнер легко прочел нескромные мысли, роящиеся в ее голове.

— Ч... что?.. — виновато спросила девушка.

— Ничего.-Выражение его лица не изменилось, Линде стало неуютно под столь пристальным взглядом.-Я заметил, как ты спускаешься вниз. Солнечные лучи вытворяли совершенно поразительные вещи с твоими волосами. Не забывай, я ведь писатель. Мне ли не знать, какой обманчивой может быть внешность.

Лицо Линды залила краска смущения. Девушка издала неопределенный звук и направилась к кухне, стремясь избежать возможных осложнений.

— Кстати, -негромко добавил Филипп.-Сегодня вечером мы обедаем не дома. Салли может уйти пораньше. В Карон Порте есть отличный ресторанчик. Он принадлежит мужу Мэдж Фри. Точнее, они оба управляют им. Местечко довольно приятное.

И что из того?-мрачно подумала Линда, Утвердительно кивнув, девушка юркнула на кухню, совершенно уверенная в том, что он послал ей вслед свою обычную недобрую усмешку. Как он сразу заговорил о Мэдж! Ну и дела! Уже в который раз она убеждается, что Филипп умеет читать чужие мысли. Совпадение? Не слишком ли много совпадений?

— Сегодня вечером вы сможете уйти пораньше, Салли. Мы будем обедать в другом месте, — выпалила Линда, вбегая на кухню.

— Правда, дорогая? Как хорошо. Если вы абсолютно в этом уверены, я начинаю строить свои личные планы.

— Ну, мистер Уорнер сам сказал мне. Не думаю, чтобы он шутил, но лучше уточните еще раз.

Пока Салли ходила, чтобы удостовериться в приятной вести, девушка спокойно попила чаю. У нее не было сомнений в том, что Филипп сделал свое предложение внезапно, угадав, какие зловерные мысли крутятся в голове надоедливой гостьи. Он, вероятно, хочет наглядно продемонстрировать, что будет жить по-прежнему, одобряет она его поведение или нет. Линда, естественно, не одобряла. У Мэдж есть муж, а они крутят роман прямо у него под носом. Как это все некрасиво! Жаль обманутого беднягу.

Ну что ж. Попытаемся сегодня вечером выглядеть как можно лучше, решила Линда. Пока позволяет время, нужно самым тщательным образом подобрать туалет. Мисс Бекли назло миссис Фри будет одета изысканно и элегантно, но в то же время молодежно и современно. Необходимо подчеркнуть и возраст, и опыт. Неизвестно, какого рода заведение держат супруги Фри, но это и неважно. Будем исходить из того, что ресторан достаточно респектабельный. Мэдж, которая, казалось, способна выглядеть безупречно даже в ванной, нужно составить достойную конкуренцию.

Линда приняла душ и вылила на себя изрядную порцию духов. Она всегда предпочитала легкие, цветочные ароматы и любила, чтобы запах держался подольше. Уложить волосы в красивую прическу представляло определенные трудности. Если уж солнечные лучики, играя в них, так заморозили мистера Уорнера, надо постараться, чтобы и электрический свет производил тот же эффект. Рядом с Мэдж Фри нельзя выглядеть подростком.

Блузку надо погладить. И Линда прямо в халате бросилась на кухню, чтобы попросить у Салли утюг. Приходилось постоянно следить за дверью, чтобы Филипп, выйдя, не застал ее врасплох. Тот не вышел. Однако на обратном пути неприятная встреча все-таки состоялась. Салли собралась домой, и хозяин вышел из кабинета, чтобы попрощаться с прислугой. Вот тут-то они едва не столкнулись. Линда, притворившись, что не заметила его, быстро взбежала по ступенькам, прежде чем тот смог что-либо сказать.

— Ты свободна на сегодня, Салли, — произнес Филипп. — Я поеду за Робертом завтра утром.

— Я буду здесь с первыми лучами солнца, сэр. Сегодня я испекла его любимые домашние булочки. Мистер Роберт никогда не мог от них отказаться.

— Я тоже, Салли, — засмеялся Филипп. — Ты непревзойденная 'кулинарка, а сегодня просто и неотразима-источаешь такой потрясающий аромат.

— Господь с вами, сэр, — добродушно рассмеялась Салли. — Это духи мисс Бекли.

Линда не решилась слушать дальше. Влетела в свою спальню и плотно закрыла дверь. Щеки пылали от стыда. Неужели она переусердствовала с духами? Может быть, ему понравился аромат? Но с той же вероятностью можно предположить обратное. Впрочем, в любом случае времени на повторный душ не оставалось. Уорнер, судя по всему, был уже готов к выходу.

Линда быстро оделась. Еще пара минут, и она успокоится, придет в себя. Так не хотелось появляться в холле с пылающими щеками. Спешка совершенно ни к чему.

Узкие, шоколадного цвета брюки выглядели очень элегантно. Bluзку такого же цвета девушка подпоясала золотистым ремешком, удачно подчеркнув тонкую талию. Запястья украсила золотыми браслетами, подаренными ей отцом. Туфли золотистого цвета на высоких каблуках завершали благородный ансамбль. Победа элегантно над излишней молодостью! Теперь Линда выглядела по крайней мере лет на тридцать. Улыбнувшись своему отражению в зеркале, девушка сняла с вешалки светлый плащ. Однако она не собиралась надевать его-это испортило бы все впечатление. Сегодня известный писатель выступит в роли лица, сопровождающего кинозвезду, снявшуюся в экранизации его романа. Конечно, она не актриса, но почему бы не попробовать себя в этой роли?

В холле не слышалось ни звука, и Линда, спускаясь вниз, решила немного порепетировать. Размеренным шагом величественно прошествовала по лестнице, наблюдая, как тонкая рука плавно скользит по полированным перилам, а золотые браслеты мерцают в полумраке. Не так уж это сложно, а почти как в кино. Девушка подняла взгляд и увидела Филиппа, стоявшего внизу лестницы. Он явно не понял ее игры, но, слава Богу, ничего не высказал на этот счет.

Вполне возможно, что он наблюдал за ней все время, пока она входила в роль. Есть от чего растеряться...

— Мм... я готова. — Она произнесла именно то, что должна была произнести светская львица, но голосом не сумела выразить эту светскость-замешательство Филиппа несколько выбило ее из колеи.

— Вижу. — Филипп не пошевелился, и Линде пришлось продолжить свой величественный спуск, пока они наконец не оказались лицом к лицу. Она стояла ступенькой выше, что, с одной стороны, давало ей некий композиционный перевес, но с другой стороны, она оказалась почти на одном уровне с мужчиной, что было по крайней мере непривычно. Два блестящих глаза будто пригвоздили ее к месту. — Ты сегодня просто обворожительна. — Комплимент был сказан тихим, но вполне серьезным голосом. — Это большая честь сопровождать такую женщину. Будь я потрусливей-боялся бы завистников.

Линда сумела пробормотать слова благодарности. Казалось бы, наслаждайся триумфом, а вместо этого-чувство неуверенности и стыда, будто она как ребенок совершила какую-то глупую шалость.

Линда прикусила губу, надеясь, что Уорнер не догадался, какие дерзкие планы она хотела воплотить сегодня в жизнь. Разумеется, сейчас уже не до планов. Если муж Мэдж Фри настолько глуп, что не замечает того, что творится у него под носом, возможно, он и заслуживает своей участи. В любом случае в данный момент она всецело на стороне Уорнера.

Выйдя из дома, Линда замороженно остановилась, любуясь окружающим великолепием.

— Пошли. Ты можешь замерзнуть в такой тонкой блузке, — сказал Филипп, взяв девушку под руку.

— Разве это не прекрасно, — я имею в виду эту ночь. Сад, такой спокойный и таинственный, море, мерцающее серебром и волнуемое. В жизни не видела ничего красивее.

— Не забывай, что красота обманчива, — посчитал необходимым заметить Уорнер. Его взгляд уловил, с каким упоением Линда смотрит на освещенный луной сад. — А порой и опасна.

Девушка кивнула и направилась к машине.

— Я знаю. Я прочла все твои книги.

— Неужели? Уорнер улыбнулся и открыл перед ней дверцу. — Очень лестно. Простое любопытство, или ты любишь этот жанр?

— И то, и другое, — откровенно призналась Линда, усаживаясь поудобнее. — Первую книгу я купила исключительно из любопытства, а потом втянулась.

Писатель выглядел довольным. Он рассмеялся, обошел машину и сел на водительское кресло.

— Ты помнила меня по своим детским впечатлениям?

— Расплывчато. В памяти отложилось только чувство страха перед тобой. Хотя, возможно, этому виной слова моей матери. Она называла тебя пиратом.

Осторожно! — приказала себе Линда. Еще чуть-чуть, и ты снова попадешь в затруднительное положение. Держи себя в руках! Ведь не хотела говорить об этом, а проболталась.

Взглянув на Уорнера, девушка заметила, что тот улыбается.

— Ну, меня называли и похлеще. Извини если испугал тебя.

— Теперь я достаточно взрослая, чтобы не поддаваться детским страхам, — заметила Линда, довольная, что ее непредсказуемый собеседник не рассердился.

— Да, конечно, -тихо согласился он.-Однако стоит запомнить: опасность подстерегает нас везде-особенно, если ищешь ее.

О чем это он? Что имеет в виду?-задумалась Линда.

Оставив машину, они направились к маленькому ресторанчику. Яркий свет лился из его окон на мощенную булыжником дорогу.

— Здесь бывает многолюдно, особенно поздним вечером. Забот у супругов Фри, надо думать, хватает. Заведение Мэдж и Джека пользуется большой популярностью. Летом даже трудно найти свободный столик.

Но уж наверное, для тебя-то таких трудностей не существует!-подумала Линда. Мэдж наверняка об этом позаботится. Значит, ее мужа зовут Джек. Интересно, как он выглядит, этот несчастный Джек Фри? Вряд ли столь же привлекателен, как Уорнер. Поэтому, видно, ему и не повезло. Но все-таки это непорядочно-крутить любовь, не стесняясь близости обманутого мужа.

Внезапной волной накатило раздражение, и девушка неохотно поплелась следом за Уорнером.

— Давай побыстрее, -поторопил он. — Надеюсь, ты не собираешься попасть под машину. Если кто-нибудь собьет тебя, я сотру того в порошок.

— Здесь камни, — стала оправдываться Линда.-А я на высоких каблуках.

— Вижу, -сказал Филипп. — Ты как-то заметно старше стала с того момента, как металась по дому с выглаженной блузкой, до того, как вальяжно спустилась по лестнице.

Линда вспыхнула, вспомнив замечание насчет духов.

— Еще одно усилие-и мы наконец преодолеем эту каменистую дорогу. — Он взял девушку за руку. Линда вдруг с ужасом осознала, что на столь близком расстоянии ее духи, чего доброго, доведут Уорнера до обморока.

— Мне жаль, что аромат духов такой сильный, -тихо произнесла огорченная девушка. Филипп изумленно уставился на нее.

— Вы восхитительно эксцентричны, мисс Бек — ли. А вот духи ваши очаровательны.

Ах, какой он вежливый! Ах, как он снисходителен! Конечно — известный писатель, творец! Ему проще вести словесные баталии. «Восхитительно эксцентрична!» Это значит, он считает ее экстравагантной дурочкой, а она и словами и поступками лишь подтверждает это мнение.

— Спасибо, -холодно произнесла Линда.

— О, не смотри на провинцию свысока — здесь тоже люди имеют представление о духах, — заметил Уорнер. — Не только о взбитых сливках и пшеничных лепешках.

Последние слова окончательно расстроили Линду. Ей в корректной форме дали понять, что она бестактна и глупа. На ее счастье, они уже подошли к ярко светящейся стеклянной двери, и девушка оказалась внутри, прежде чем успела сморозить очередную глупость.

Глава четвертая

Обстановка ресторанчика никак не соответствовала картине, нарисованной воображением Линды. На деле все, кроме приятной тихой музыки, оказалось творением ее богатой фантазии. Столики освещались светильниками под маленькими красивыми абажурами. Две небольшие уютные комнаты соединялись проходом с тяжелым сводом потолка. Ну просто семнадцатый век!

Длинная изогнутая стойка бара была сделана из старого, хорошо отполированного дерева, а мужчина, стоявший за ней, отнюдь не выглядел расстроенным-высокий симпатичный брюнет с серыми глазами. Линда сразу признала в нем хозяина, Джека Фри. Грусти на его лице не замечалось. Джек улыбнулся Филиппу и обогнул стойку, чтобы поприветствовать новых посетителей.

Мэдж поблизости не было видно. Неужели миссис Фри в белом фартуке и поварском колпаке готовит еду на кухне?-подумала Линда. Идея занятная. Линда гордо вздернула подбородок и послала приближающемуся Джеку ослепительную улыбку.

— Наслышан о вас, мисс Бекли. Мэдж уже рассказала мне о племяннице Филя Белинде.

— Берегись, — предупредил Филипп. — Когда юная леди злится, то может и укусить. Лучше зови ее просто Линдой и запомни: она мне не племянница. — Он осмотрел полупустой зал. — Мы зайдем столик вон у того окна, если он, конечно, не занят. Линда сможет оттуда видеть пристань. Она обожает море.

Уорнер повернулся, взял девушку за руку и повел к выбранному столику.

— Что будете пить?-спросил Джек.

— Шерри. Мне сухой, милой даме-послаще. Снова эти опекунские нотки! Есть от чего возмутиться! Ну хоть бы ради приличия поинтересовался, что предпочла бы «милая дама»...

Конечно, если бы Уорнер не говорил таким менторским тоном и если бы он не подчеркивал своего превосходства, Линда не стала бы забивать себе голову мятежными мыслями. Он не дал девушке возможности поболтать с Джеком Фри-просто схватил за руку и увел в сторону.

— Садись здесь. — Уорнер подвинул девушке стул, вновь лишая ее какого бы то ни было выбора. Линда элегантно, насколько позволял плащ, который она все еще сжимала в руках, скользнула на сиденье. — Я избавлю тебя от него. — Уорнер забрал плащ. — А почему ты не оделась, на улице ведь не слишком тепло?

— Он не сочетается с остальным гардеробом, — пробормотала Линда, краснея под пристальным взглядом кошачьих глаз.

— Ты произвела бы большее впечатление, сняв плащ здесь, — заметил Уорнер, насмешливо глядя на нее сверху вниз — Я не ставила себе такой цели — производить впечатление, — решительно заявила Линда остро чувствуя, как горячо пылают щеки под немигающим золотистым взглядом.

— Но Джек, насколько я понял, уже попался, -не без ехидства в голосе заметил Уорнер. — Смотри внимательно, когда он принесет нам выпивку, — он от тебя уже голову потерял.

— Ты говоришь какую-то жуткую ерунду! — задохнулась от возмущения Линда. — Джек воспитанный человек. Он отнесся ко мне дружелюбно, поскольку считал, что ты и я-родственники. — Конечно!-Филипп сделал театральный жест. — И как я сам не додумался? Это

же так просто.-Он направился к вешалке.

Да что он, в конце концов, себе позволяет? Этот человек специально ставит ее в неловкое положение. Возможно, это продуманный ход? — возмутилась мысленно Линда. Ему надо, чтобы она сидела тихо как мышка, когда ему выпадет случай переговорить с Мэдж. Если так, то вы разгаданы, мистер Уорнер! Вот и хорошо-по крайней мере, от чувства обиды и смущения не осталось и следа. Вернулась былая уверенность. В таком настроении можно и поговорить. В глазах Линды светилась решимость. Она огляделась вокруг и увидела Филиппа, как ни в чем не бывало беседующего с Джеком.

Какой цинизм! Может, Джек ничего не знает про их шашни или он уже смирился со своей участью? Какие все-таки мужчины лицемеры. Лишь Дэйв Курон составляет приятное исключение. Наверное, все-таки лучше ограничить круг общения ровесниками. С ними Линда чувствовала себя увереннее. Не так, как с Уорнером. Этот то добр и приветлив, то разъярен и непримирим, к тому же наделен способностью читать чужие мысли и высмеивать людей. Интересно, а как он ведет себя с сыном?

— Школа Роберта далеко отсюда?-спросила Линда чуть позже. Они потягивали вино и ожидали, когда принесут заказ.

— Не очень. У тебя будет возможность самой это увидеть. Завтра я беру тебя с собой.

Ну, вот опять этот безапелляционный тон! Черт, что за человек!

— С твоей стороны очень любезно предложить мне эту поездку, -холодно начала девушка, — но я не уверена, что...

— Сознайся, ты умираешь от любопытства. Опасно подавлять в себе желания. Кроме того, — добавил Филипп, чтобы немного смягчить резкость своих слов: он заметил, что девушка обиделась, — у тебя будет возможность увидеть западную часть страны и познакомиться с Робертом до его возвращения домой.

Ну вот это уже другой разговор. Линда согласно кивнула и пробормотала слова благодарности. В этот мѐмент принесли обед. Мэдж Фри, собственной персоной, во всем блеске своего великолепия появилась у их столика. Подобно коршуну, падающему с небес на добычу, Мэдж набросилась на Уорнера.

— Дорогой! Ты привел сюда свою племянницу! Она фамильярно положила руку ему на плечо.

Линда чуть не задохнулась от злости, сама даже испугалась собственной бурной реакции. Надо сдерживать себя!

— Нет, нет, она мне не племянница, — поправил Уорнер тоном, не терпящим возражений. Будь добра, запомни это, Мэдж. Ты ввела Джека в заблуждение.

— Ну, в определенном смысле вы все равно родственники. Это так утомительно объяснять каждому, что у тебя был сводный брат, а Белинда-его дочь. Намного проще сказать, что она — твоя племянница.

— А я думаю, что будет намного проще разрешить людям жить своей собственной жизнью, — резко оборвал ее Уорнер. — Этот повышенный интерес нам ни к чему. В противном случае мы будем обедать дома.

Линда с удивлением взглянула на него. Ага, человек явно потерял терпение. Непонятно, правда, почему. Она опустила глаза и попыталась сосредоточить свое внимание на еде.

Видимо, им не суждено побыть наедине. Почти тотчас появился Джек, проверяя, все ли в порядке. Ясно как день: он следит за своей женой.

— Как нашей очаровательной гостье понравилась закуска? — спросил Джек таким сладким голосом, что зубы свело от злости.

— Спроси ее сам. Она отлично понимает по-английски, — насмешливый ответ Филиппа заставил Линду вспыхнуть. Мэдж удовлетворенно улыбнулась.

— Мне понравилось, — вспомнив слова Уорнера, девушка постаралась придать голосу чуть хриловатое звучание. — Я удивилась, когда Филипп предложил мне поужинать вне дома. Салли готовит превосходно. Но я не упускаю возможности узнать что-нибудь новенькое. А вообще-то заказ делал Филипп. — В ее голосе зазвучала желаемая хрипотца, когда девушка произнесла имя своего спутника. Приятно отметить: то, что нравилось Уорнеру, у Мэдж вызывало обратную реакцию. А вот Джек посмотрел на гостью с насмешливой снисходительностью, как на ребенка. Неужели все мужчины старше тридцати ведут себя как заботливые папаши?

Уорнер продолжал есть, поглядывая на девушку из-под темных бровей. Что касается Джека, то его симпатия к ней казалась Линде лишь проявлением гостеприимства. Она тщетно пыталась найти на его лице следы жестоких подозрений или тяжких раздумий. Чего не было-того не было.

— Вы сами готовите? — спросила девушка, любезно улыбаясь Мэдж.

— Ни в коем случае! — Вопрос поставил миссис Фри на место, что почему-то порадовало Джека — тот, уходя, тихонько смеялся себе под нос.

Неплохо для начала. Один-ноль в ее пользу. Линда с удовольствием вернулась к еде. Мэдж переключила свое внимание на другую пару. Линда искоса наблюдала за ней. Тем временем Филипп, отложив нож и вилку, внимательно посмотрел на девушку.

— Ты что-то спланировала заранее или это твой обычный стиль вести застольные беседы?

Его голос звучал, казалось, равнодушно, но в нем угадывались едва заметные нотки раздражения. Девушка упрямо вздернула подбородок, показывая, что готова отбить словесную атаку — Разве я что-то не так сказала? Когда со мной заговаривают, я, как правило, поддерживаю разговор.

— Ах, вот как! Вынужден заметить: вы вели себя бестактно, мисс Бекли. Хотелось бы послушать, что вы скажете в свое оправдание.

— Они мне не нравятся! Оба! — Не имело смысла ходить вокруг да около. На лице Линды застыла маска холодного безразличия.

— Ты и не обязана любить их, — заметил Филипп. — Супруги Фри мои друзья.

— Оба? — вырвалось у Линды. О, каким взглядом он ее наградил! Самый заклятый враг и то не мог бы смотреть так уничтожающе. Если бы Линда была слабонервной, то немедленно выбежала бы вон из ресторана. Она осталась там, где сидела.

— Не вмешивайся в мои дела! — Сейчас его голос больше походил на рычание.

— М-меня не интересуют твои дела. — Девушка с трудом удержалась от соблазна добавить еще что-нибудь-выражение его глаз было таким, что стоило поостеречься и держать язык за зубами.

— Искренне надеюсь, что так! Жизнь потечет своим чередом и после того, как ты уедешь отсюда и уютненько устроишься в своем университете. А сейчас ты ходишь по лезвию ножа.

Последняя реплика положила конец разговору, у Линды сразу же пропал аппетит. Сама во всем виновата! Какого черта лезла, куда тебя не просят!

Личная жизнь Филиппа, конечно же, никоим образом ее не касается. Его любовницами могут быть хоть все женщины мира. Это не ее дело.

Закончив обед, они подошли к стойке бара. Филипп заказал еще выпить: себе и ей.

— Мне, пожалуйста, не надо, — прошептала девушка, боясь отказом еще больше обидеть своего спутника.

Филипп никак не среагировал на ее слова, но когда подали выпивку, Линда с облегчением вздохнула: в ее бокале был апельсиновый сок. Видимо, за шквалом собственных переживаний она не заметила, что Уорнер поменял заказ.

Как бы то ни было, Филипп явно решил ее проучить. Он втянулся в разговор со знакомыми, оставив девушку в одиночестве. Та старалась казаться равнодушной, особенно когда ловила на себе взгляды Джека. Мэдж в тот момент вся отдалась беседе, хохоча и отпуская шуточки. При этом непрерывно поглядывала на Филиппа.

— Ты не хочешь представить нам свою подругу? Это кто-то из присутствующих женщин не смог сдержать любопытства, но прежде чем Уорнер собрался с ответом, раздался голос Мэдж: — Линда Бекли. Гостя в доме Фила. — В этих словах прозвучало столько яда, такое желание унижить, что девушка вынуждена была признать: миссис Фри сравняла счет. А Уорнер даже и не подумал прийти ей на помощь. Казалось, он столь же наслаждался этим выпадом, как и сама Мэдж. Лицо Линды запылало.

— Мы мм... в некотором роде родствен... — начала было она.

— Но только в прошлом, — поправил Филипп достаточно громко, чтобы его услышали. — Просто замечательно, что Линда приехала погостить. Салли так дрожит над ней.

— Кто бы отказался! — вставил Джек, и хотя Линда не видела, как восприняла Мэдж слова мужа, ей захотелось быть за тысячу миль отсюда.

Постепенно девушка втянулась в общий разговор. Повышенное внимание к ее персоне было тягостно. Позже она не смогла вспомнить ни единого слова из довольно оживленной беседы. Когда появился Уорнер и подал ей плащ, девушка осознала, что в своем нервном напряжении близка к истерике.

— Нам пора идти, — сказал он.

— Скоро увидимся, Линда, — уверенно и громко произнес Джек. Его жена зло посмотрела на обоих. Она определенно не хотела терять внимания мужа, хоть и отдавала свое Уорнеру.

— Пожелай всем спокойной ночи, Линда. — Филипп приобнял девушку за плечи, силой руки заставив обернуться к бару. Огонек любопытства в глазах присутствующих вспыхнул с новой силой. Линда постаралась растянуть губы в некое подобие улыбки и произнесла то, что требовалось.

— Вот и умница, -тихо прошептал он. — Еще пара выходов в свет, и тобой можно будет гордиться.

Не снимая своей руки с ее плеча, мужчина повел девушку к выходу. Терпения ей хватило как раз до того момента, как они вышли на мощенную бульжником аллею, где стояла машина. Она резко вырвалась и свирепо посмотрела на своего спутника. Ее глаза потемнели от ярости.

— Ты находишь забавным так унижать меня? — набросилась Линда на Филиппа. — Думаю, ты веселился от души, наблюдая за всем происходящим.

— Вовсе нет, — холодно ответил он. — Мне было интересно, поймешь ли ты, как легко рождаются слухи.

— Не имею понятия, о чем ты говоришь.

Линда прекрасно поняла, что хотел сказать Филипп. Она вела себя как последняя идиотка, и Уорнер решил отплатить той же монетой. Злость и обида сжигали девушку. Но судьба по-своему хранила Линду. Скользящая мостовая приготовила ей западню: она оступилась и потеряла равновесие.

Слабый крик сорвался с губ девушки, и в тот же миг стальные руки подхватили ее, приподняв над землей.

— Поставь меня на место!-завопила она, с ненавистью глядя на Филиппа.

— Чтоб ты подвернула ногу? Ты уже достаточно провалялась в постели, когда приехала. У Салли полно других дел. — Он прошел несколько метров и опустил наконец Линду возле машину.

— Я не поеду в твой Дом призраков! — заявила она. — Переночую где-нибудь в деревне, а утром вернусь в Бирмингем!

— Ты определенно помешалась.-Филипп открыл дверь машины и силой заставил ее сесть на переднее сиденье. — С меня более чем достаточно одного вечера, проведенного в твоей невыносимой компании.-Уорнер сел рядом, захлопнул дверь и завел мотор. — Еще одно слово, и я отшлепаю тебя по попке. — Накал злости в голосе придавал его словам правдоподобие.

— Ты не посмеешь! Закон...

— И все люди, сидящие в ресторане, будут уверены, что ты сама во всем виновата. Я же всем своим видом покажу, что это еще мягкое наказание.

Такая первобытная логика кого угодно напугает.

— Они воспримут все как шутку.

— Сомневаюсь.

— Мэдж, надеюсь, скажет правду, — выпалила Линда.

— Мэдж? Миссис Фри не придет к тебе на помощь, детка. Не забывай, что именно Мэдж пустила слух о нас. Это ее устраивает. По некоторым причинам.

— Догадываюсь, по каким! И ты знаешь! вскричала Линда.

Филипп согласно кивнул.

— Знаю. А теперь, если ты хоть немного помолчишь, я буду тебе крайне признателен.

Оба хранили молчание, пока машина не остановилась возле дома. Филипп посмотрел на девушку и небрежно заметил: — Конечно, зная Мэдж и ее характер, можно предположить, что вся округа в курсе, что я присматриваю за своей маленькой племянницей. Так что никто, вероятно, не обратил особого внимания на ее выпад. К тому же Салли, как известно, взяла тебя под свое покровительство. Думаю, твоя репутация по-прежнему чиста как снег.

Линда посмотрела на мужчину. Противоречивые чувства переполняли ее. Сейчас он говорит нормально, взвешенно и даже не напоминает того человека, который намеренно обижал ее, и только потому, что, видите ли, она позволила себе нелестно отозваться о его так называемых друзьях. Он едва ли не упивался ее унижением, а вот теперь сам же бросается утешать собственную жертву.

— Ты... ты ничтожный!..-Линда резко повернулась к нему и замахнулась для удара, но Филипп успел схватить поднятые кулачки, прежде чем те достигли цели.

— Линда, Линда! — вскричал он с наигранным отчаянием. — Видимо, мне придется потратить немало времени, чтобы укротить тебя. Иначе ты будешь плохо влиять на Роберта. Завтра тебе придется вести себя гораздо тише.

— И не подумаю!-Линда сумела наконец вырваться из его рук и выскочила из машины. — Я не поеду с тобой завтра за Робертом, а когда вы вернетесь, я буду уже далеко отсюда!

Она влетела в дом, заметив, что дверь оставалась незапертой. Писатель чертов!-ругалась она мысленно. У тебя и книги такие же, как ты сам, — не до конца понятные, тревожащие, мрачноватые и тем не менее интересные. Только законченный мерзавец мог написать такое.

Решение принято: завтра она соберет вещи и вернется в Бирмингем. Можно принять милость от кого угодно, но не от этого человека. Филипп Уорнер способен довести до сумасшедшего дома. И почему ей нужно терпеть подобное? Дудки!

На следующее утро Линда стояла у окна и любовалась морскими просторами. Какой чудесный день! Бурное вчера море сейчас почти успокоилось, переливаясь всеми оттенками голубого цвета-от прозрачного на гребнях волн до глубокого синего тона у их подножия. Светло-зеленая листва рододендронов, неподвижные ветви деревьев заключили перемирие с ветром. Здесь в самом деле необыкновенно красиво.

В Бирмингеме все будет по-другому. Что ожидает ее в городе? Подруга сейчас живет в общежитии для медсестер, скоро она выйдет замуж.

Когда Линда последний раз звонила ей, то поняла, что у той все в порядке. Дэйв, по всей видимости, тоже счастлив, доволен своей жизнью и успехами. Если она вернется, то сделает хуже только себе. Жилья нет, денег тоже. Ее сбережений хватит не больше чем на полгода.

Возможно, ее заявление об отъезде — Филиппу как долгожданный подарок, и если сейчас она переменит решение, то, может быть, разрушит его надежды. Несколько секунд девушка в раздумье ходила по комнате, а затем решительно выпрямилась. Лучше встретиться с Филиппом и покончить разом со всеми недоразумениями. После ее вчерашнего отвратительного поведения она не удивится, если Филипп предложит ей собрать вещи и отправиться восвояси. И кто бы решился осудить его за это?

Насколько было бы проще, если бы сводный брат ее отца оказался ворчливым пожилым джентльменом, на лице которого запечатлелись пережитые годы. Сводным дядюшкам и положено быть такими. А ей, как обычно, не повезло. Судьба свела ее с красавцем мистером Уорнером. Впрочем, может быть, она и вправду ведет себя подобно капризному ребенку?

Когда Линда вошла в столовую, Уорнер уже завтракал. Радостного приветствия не последовало, что было неудивительно, но грустно. Пару секунд он внимательно разглядывал гостью, а затем встал и пододвинул ей стул.

— Доброе утро, — сдерживая дыхание, пролепетала она. — Прости за опоздание.

— Разве ты опоздала? Я и не заметил. — Он опустился на свой стул и продолжил завтрак. — Мы можем не спешить. Роберт освободится не раньше ланча.

— Роберт?—Линда с недоумением взглянула на Уорнера. Неужели он забыл, что она вчера наговорила? Она же сегодня уезжает!

— Роберт, -подтвердил Филипп. — Мы заберем его сегодня утром. Надеюсь, ты не забыла?

— Я... я... но я сказала, что уеду...—Линда с отчаянием взглянула на равнодушного собеседника— тот как ни в чем не бывало продолжал свою трапезу.

— Ну и хорошо, что изменила свое решение, — заметил он. — Так что наш план остается в силе.

— Как... как ты узнал, что я изменила решение? — поинтересовалась Линда. Он поднял голову, и когда девушка увидела выражение его глаз, она пожалела, что задала свой вопрос.

— Интуиция, -спокойно ответил Филипп. — Ты пришла завтракать как обычно, но не с обиженным лицом, а с угрюмым. Из чего я делаю вывод, что мы вернулись к тому, с чего начали.

— У меня вовсе не угрюмое лицо, -запротестовала Линда и быстро опустила взгляд в тарелку, заметив в его глазах нечто, предвещавшее бурю. — Я воспитанный человек. И поскольку я здесь гость, то...

— У тебя еще к тому же и обеспокоенное лицо, -тихо продолжил он, проигнорировав все объяснения. — Я в который уже раз прощаю тебя! Ты останешься здесь до сентября. Этим утром мы забираем Роберта. Это уже решено, и тут нет предмета для спора. В любом случае постарайся не портить мне сегодняшний день приступами своего дурного настроения.

— Я не ребенок и не идиотка!—не выдержала Линда. Он ведет себя как терпеливый папаша или врач-психиатр. Это просто выводит ее из себя.

— Ты невыносима. Твои промахи-результат молодости и неопытности. Заканчивай завтрак и поехали.

Линда сумела сдержаться на этот раз. Но надолго ли хватит ее выдержки? Что ее больше раздражает: сам Филипп или его покровительственный тон? В любом случае ее терпению тоже может наступить конец.

Но в общем-то, надо признаться, хорошо, что вчерашние планы поменялись. После завтрака они уехали из дома и направились к деревне. Линда оглянулась на Дом привидений. Какой величественный вид у этого каменного красавца, высившегося на самом берегу моря! Первый раз, когда девушка увидела его, он не произвел на нее такого впечатления. Теперь же дом казался замком ее грез.

Линда никогда даже и предположить не могла, что место, где жил ее отец, так приворожит ее. Возможно, это чувство каким-то таинственным образом передалось через книги Уорнера: его стиль, его слог, его сюжеты находили в ней отзвук. Она тяжело вздохнула. Филипп посмотрел в ее сторону и, заметив, куда направлен ее взгляд, тихо произнес: — Если будешь хорошо себя вести, я, возможно, подарю тебе этот дом.-Линда, уловив напряжение в его голосе, повернулась к нему.

— Не говори ерунды!

— Ну почему же? Джон жил здесь. Если бы все сложилось несколько иначе, это был бы его дом в такой же степени, как и мой.

— Не думаю. Это дом твоего отца.

— И матери Джона, -продолжал настаивать Филипп.-Замужество принесло ей одни несчастья.

' — Если тебе здесь не нравится, тогда почему, черт возьми, ты не уедешь отсюда, не продашь этот проклятый дом, не сожжешь его, в конце концов? Ты же ненавидишь эти места! Не понимаю, почему ты решил здесь жить. И не говори мне, пожалуйста, что хочешь отомстить отцу, потому что я все равно не поверю. Ты слишком умен, чтобы выдумывать такие глупые вещи.

Линда сердито посмотрела на своего спутника. Странный его взгляд не предвещал ничего хорошего. Снова, значит, наболтала лишнего! В который раз поставила себя в неловкое положение. Ох уж этот ее характер!

— Ты всегда вмешиваешься в жизнь других людей или просто решила меня доконать?-сухо поинтересовался Филипп. — Не представляю, как твой парень живет в Бирмингеме без твоих указаний.

— Он... он очень самостоятельный, — поспешно заверила Линда, пытаясь воскресить в памяти образ Дэйва. — Мы с ним очень похожи. У нас много общего.

— Повезло, -язвительно протянул Филипп. — Иначе ты постоянно ходила бы с синяками. Я было поверил, что ты исправилась... Давай расставим все по своим местам. Держись подальше от моих дел. Это приказ.

— Мне не нравится твоя позиция, и Роберт...-Линда задохнулась от страха — Филипп резко затормозил прямо посреди дороги и в бешенстве повернулся к ней.

— Не вмешивай сюда моего сына! Я терплю тебя здесь только ради Джона. Но если ты скажешь или сделаешь что-нибудь, что расстроит Роберта, сам лично отвезу тебя в Бирмингем и передам твоему парню вместе со всеми твоими коробками и ящиками. Ты слышишь,

Белинда?

— Слышу. — От ярости, сверкавшей в его глазах, у Линды по спине побежали мурашки. Филипп снова назвал ее ненавистным именем, но в такой момент даже помыслить нельзя о споре с ним. Фраза, которую она так неудачно начала, должна была закончиться мыслью о том, что в данной ситуации ее отъезд-лучший выход.

Линда погрузилась в безрадостные мысли. Справедливости ради, надо признать, что во всех неприятностях она винила только себя. Живет здесь без году неделя и уже указывает хозяину, как ему поступать.

Глава пятая

Линда с интересом наблюдала за меняющимся ландшафтом. Чужие, непривычные пейзажи, угнетавшие девушку в первые дни, теперь стали ближе, теплее. И она больше не ощущала себя чужестранкой в незнакомом краю.

Из глубин подсознания возник образ бабушки. Рыжие кудри трепал свежий морской ветер, юбка раздувалась как парус. Женщина с бледным измученным лицом напряженно всматривалась в серо-зеленые волны. Этот четкий образ буквально преследовал. Так же, как дом. Дом призраков. Стоящий на скале, сейчас он казался созданным причудой воображения.

Линда сердито фыркнула и заставила себя вернуться в настоящее. Филипп мрачен, полон раздумий. Молчит. Лицо застыло как мраморный барельеф, золотистые глаза щурятся от солнца.

Девушка бросила в сторону Уорнера обиженный взгляд. Тот как будто почувствовал ее настроение.

— Давай заключим перемирие, прежде чем встретим Роберта, — холодно предложил он. — Мальчику не понравится, если за ним приедут два каменных столба.

— Извини, что вмешалась в твои дела. Это больше не повторится.

— Будем считать, я тебе поверил. — Сквозь деланное равнодушие проглядывала насмешка. — Воспользуемся случаем и выпьем кофе в ближайшей деревушке. Филипп притормозил возле небольшой старинной гостиницы, фасад которой оживляли темные просмоленные бочонки с яркими весенними цветами.

— Подозрительное место, — отважилась Линда поделиться своим впечатлением. Ее спутник откровенно расхохотался.

— Тем не менее довольно приличное, — успокоил он. — В давние дни люди обходили его стороной, но сейчас здесь безопасно. Будь уверена.

— Контрабандисты? — В широко раскрытых глазах девушки застыло ожидание чего-то необычного, таинственного.

— Хозяин может много о них порассказать. Репутация злачного местечка привлекает туристов и владелец гостиницы всячески поддерживает ее. Его заведение расположено как раз на трассе, по которой контрабандисты уносили от побережья свой незаконный товар. Так что эти истории смахивают на правду.

— Не может быть?! — Фиалковые глаза девушки округлились в изумлении. Филипп приобнял ее за плечи и повел к крыльцу.

— Ты готова поверить всему, что окутано романтическим ореолом.

Уорнер взял девушку за руку. Придется войти в гостиницу и выпить обещанный кофе. Снова он над ней подшучивает. Это же ясно, как день. Горячий темперамент Линды требовал принять бой. Однако прикосновение сильной теплой руки к ее ладони действовало расслабляюще. Девушка взглянула на их сцепленные руки и почувствовала, как ее щеки начинают пламенеть.

Руки Дэйва никогда не дарили такого ощущения защищенности, какое она испытывала сейчас. Прикосновение Филиппа пробудило неведомый ранее сумасшедший импульс-сжать пальцами его ладонь и увидеть улыбку на его губах. Искушение успешно было преодолено. Как странно отзывается в ней его близость! Оказывается, она уже успела привязаться к этому неординарному человеку. Стоит ли удивляться, что даже такая женщина, как Мэдж, готова стать его рабой.

Как и было обещано, их встретил сам хозяин, и пока они пили кофе, тот потчевал гостей историями из далекого прошлого. Кровавые и совершенно невероятные, они так увлекли, что девушка забыла обо всем на свете. Лишь насмешливый взгляд Филиппа немного отрезвил ее.

— Кажется, настроение улучшилось?—повеселев заметил он, когда они вышли на солнечный свет. — Хорошо, что мы здесь остановились.

— Добрая половина этих историй-чистая выдумка, — уверенно заявила Линда. — Но такого великолепного рассказчика я прежде не встречала. Его истории, да еще в таком исполнении, доставили мне огромное удовольствие.

— Напомни мне об этом перед сном, пожалуйста, —протянул Уорнер. — Я буду укладывать тебя в постель и рассказывать сказочки.

— От твоих историй у меня пробегает мороз по коже, — заявила девушка, с трудом преодолевая желание взбунтоваться против этого отвратительного насмешливо-покровительственного тона.

Филипп наигранно вздохнул.

— Как ужасно, —произнес он с театральным пафосом.—Только начну думать, что нравлюсь, как вдруг вижу: все, что я делаю, заставляет тебя дрожать от страха.

— Я имею в виду твои чертовы романы... Я хочу сказать, книги... то есть...—Линда не нашла нужного слова и взглянула на него. Филипп стоял, придерживая для нее открытую дверцу, и улыбался. Девушка покраснела до корней волос и скрылась в салоне машины. Снова проигран очередной раунд словесного боя.

— Наверное, будет лучше, если я помолчу, — пробормотала она.

— Во всяком случае-безопаснее, —дружески согласился он.—Хотя не слишком весело. Думаю тебе предстоит стать героиней моей следующей книги.

Только этого еще не хватало! Его героини ведут себя порой довольно рискованно.

— Я недостаточно интересна, чтобы стать персонажем твоих писаний, — фыркнула Линда.

Филипп быстро взглянул на нее.

— Ну я бы не был так категоричен. По-своему ты очень даже интересна.

Всю оставшуюся дорогу Филипп не сказал ни слова. Линда тоже. Она пыталась вникнуть в только что услышанное, но безуспешно. Девушка по — прежнему была далека от разгадки и в тот момент, когда они подъехали к высоким каменным стенам. — Мы на месте, - тихо сообщил Уорнер. — Это школа Роберта. — Он свернул в сторону железных ворот. При виде огромного здания, просматривающегося сквозь деревья большого парка, у девушки от тоскливого сочувствия к неизвестному ей маленькому человечку засосало под ложечкой. Несомненно, в прошлом этот величественный дом принадлежал какому-нибудь аристократу. Теперь же сам вид и атмосфера ассоциировались только со школой. Гбы Линды непроизвольно сжались.

Не то, чтобы это здание напоминало ее школу, в которой прошло столько лет, наполненных обидой и одиночеством. Спокойствие, царящее вокруг, роскошный парк, богатый дом-все это могло соответствовать только дорогой закрытой школе. Но будь она хоть двадцать раз дорогой, это в принципе ничего не меняет-здесь все равно дети лишены родительской ласки и внимания. Сердце Линды обливало кровью, когда она представляла себе мальчика, который не по своей воле повторяет ее судьбу. Как мог Филипп оставить его здесь?

— Ну? Что ты думаешь о школе?-Мужчина смотрел внимательно, явно желая угадать ее реакцию.

— Большая, -спокойно заметила девушка. Как бы то ни было, она уже на стороне Роберта, даже если он окажется маленьким озлобившимся существом.

— И это все, что ты можешь сказать? — В голосе, которым были сказаны эти слова, угадывалось раздражение.

— Да, это все, что я могу сказать! — в сердцах воскликнула Линда.

Ну и пусть он снова раздражается и дуется. Зато она не покривила душой. Когда они въехали на автостоянку возле школы, Филипп вышел и прислонился к машине, не обращая на спутницу никакого внимания. Вероятно, ему не разрешалось входить в здание, кроме как в специально отведенные дни. Это так типично для интерната. Роберт, должно быть, замкнутый и раздражительный ребенок. Линда и сама могла быть точно такой же, если бы не ее вечная готовность к мятежу и непокорности.

Как только ученики вышли на улицу и побежали к автостоянке, Линда открыла дверь и вышла из машины, чтобы встать рядом с Филиппом. Если возвращение Роберта домой вдруг окажется для мальчика разочарованием, в этом уж точно не будет ее вины. Уорнер продолжал игнорировать ее присутствие, и так длилось до тех пор, пока мальчик с изумительными белокурыми волосами не показался из-за угла.

Ребенок улыбнулся, в его взгляде промелькнуло любопытство. И наконец он понял, что Линда тоже приехала его встречать.

— Роберт, -тихо произнес Филипп. Девушка ошеломленно покачала головой. Господи, бедное дитя! Тоже мне — встреча отца с сыном! Она взглянула на Филиппа, затем на Роберта, пытаясь уловить хоть какое-нибудь сходство. Невероятно — они ни капли не похожи.

— Какие... какие чудесные волосы, -с запинкой выговорила Линда. Есть надежда, что Филипп отменил свой бойкот.

— В точности как у его матери, — в голосе отца звучала нежность. — Доминик, как ты, наверное, помнишь, была блондинкой.

Линда помнила. Она помнила все слишком хорошо и наконец поняла, почему Роберта отправили в школу. Уорнер по-прежнему очень сильно любит свою покойную жену. Настолько сильно, что не в силах перенести присутствие в доме сына, как две капли воды похожего на мать. Рана слишком глубока и еще не затянулась. Поэтому Роберту и пришлось уехать.

Линда почувствовала себя подавленной и удрученной. На душе было прескверно. Девушка смотрела на мальчика, а видела Доминик Уорнер. Но как только сын Филиппа подошел поближе, стало ясно, что это веселый, открытый, искренний человек, который явно соскучился по отцу. Но в глазах Роберта можно было прочесть не только радость от долгожданной встречи. В них нашли свое место и тоска и затаенная обида. А как же иначе? Это непереносимая печать ребенка, лишенного нормального детства.

Да какое имеет значение, как Филипп относится к Доминик? Та мертва. А Роберт жив и вынужден страдать неизвестно за что. Надо положить этому конец. Линда уже и рот открыла, но тут сильная мужская рука словно стальные наручники сдавила ее запястье.

— Подумай, как ты должна встретить своего младшего кузена, мисс Бекли, — холодно предостерег Уорнер.

— Он мне не... Я не!.. — в смятении начала было Линда, но еще сильнее стала хватка его пальцев. Голос звучал тихо и ровно: — Запомни, твое присутствие ничего не должно изменить в его жизни. Только попробуй вмешаться.

Линда вырвала свою руку и, энергично потирая ее, раздраженно фыркнула. Неплохо с его стороны-лишний раз напомнить свои условия. Она взглянула на мужчину, но получила в ответ лишь приподнятую черную бровь да ледяной взгляд. Затем его глаза вернулись к Роберту. Мальчик спешил, подгоняемый крайним любопытством.

— Ты Линда!-заявил он, его яркие голубые глаза изучали ее лицо и волосы. — Ты приехала погостить к нам. Папа написал мне, поэтому я не удивился. Ты красивая. Твои волосы похожи на огонь.

— Возможно, они и сделаны из огня, — насмешливо пробормотал Филипп. — А теперь поехали, — громко добавил он.

Линда взяла себя в руки и приветливо улыбнулась малышу.

— Я пересяду на заднее сиденье, — предложила она. — Тогда ты сможешь сесть рядом с папой и...

— О, мне нравится сидеть сзади, — серьезно ответил мальчик.-Там больше места, чтобы поиграть.

— Святая правда, -сухо подтвердил Филипп. — Простите, юная леди, но вам придется потерпеть меня еще немного. — Он открыл перед девушкой дверь. Небольшая усмешка застыла на его губах, суровый предостерегающий взгляд не давал возможности ответить на вызов. Ну что ж. вероятно, в колоде мистера писателя больше козырей, чем она думала. Кто бы мог подумать что он переписывается с сыном?

Роберт перекинулся с отцом парой фраз и уткнулся в комиксы. Он ничего не сказал, пока они

мчались по дороге к дому. Казалось, в поведении мальчика не было ничего необычного, вот только не было и особых проявлений близости между отцом и сыном. Выражение глаз мальчика, не давало Линде покоя. Она знала, что не ошиблась ребенок чувствует себя несчастным. И нечего мудрить здесь над разгадкой: причина тому — школа Наконец мальчик отложил комиксы и наклонился вперед, чтобы привлечь внимание отца.

— Мы заедем куда-нибудь перекусить?

— Разве я осмелюсь поступить иначе? Перекусить так перекусить. Хотя Салли испекла тебе любимые пирожки, как только узнала о твоём приезде. Ладно, я не возражаю, если мы слегка заморим червячка. Остановимся где обычно, хорошо?

— Хорошо, — Роберт окинул лея назад и улыбнулся.

Сколько интересного можно узнать за одну поездку. Теперь понятно, почему присутствие молоденькой гостьи в Доме привидений раздражает Мэдж. Ей не нужны дополнительные помехи. И без того до сих пор все ее стрелы летели мимо. Сердце Уорнера по-прежнему принадлежит покойной жене. Линда вздохнула и посмотрела в окно.

— Выше нос! Что это за вздохи?-тихо спросил Филипп. — Мы с Робертом обещаем не быть тебе в тягость. А если ты будешь хорошо себя вести, я разрешу тебе поиграть с ним, когда мы остановимся перекусить.

— Я не ребенок, Филипп, -серьезно сказала девушка, глядя на его надменный профиль. — Я давно выросла.

— Знаю. Твой чудный хрипловатый голос постоянно напоминает мне об этом.-Золотистый взгляд скользнул по ее лицу. — Наверное, я просто прирожденный мучитель.

Машина остановилась возле небольшого загородного дома. На вид-обыкновенный коттедж, но по ряду признаков можно было угадать, что это — кафе, где подают чай, булочки с джемом и сэндвичи. Отчего же Роберт вдруг так оживился?

Все стало ясно, когда мальчик выпрыгнул из машины и открыл для нее дверь.

— Пошли, Линда, — нетерпеливо подгонял он. — Это отличное место. Я хочу показать тебе кое-что.

Мальчик схватил ее за руку и потащил из машины. Она с опаской посмотрела на Филиппа. Тот наблюдал за ними, улыбаясь.

— Веселитесь, дети, — насмешливо разрешил он.-Я закажу чай и булочки, когда вы наиграетесь.

— Не обращай внимания, — посоветовал девушке Роберт, ведя ее вдоль высокой живой изгороди, отмечающей границы парка. — Папа любит дразнить. Это значит, что ты ему нравишься. Если нет, он не станет дразнить. Он может быть очень противным, когда захочет.

— Даже с тобой? — осторожно полюбопытствовала Линда.

Мальчик рассмеялся.

— Конечно нет! Он же мой папа. Хотя я тоже не всегда могу поступать по-своему, — тихо

добавил он, погрузив на минутку. Линда отметила это про себя. Легко понять, чего хочет Роберт и в чем ему отказано. Он хочет жить дома, а ответ всегда отрицательный. Ну, это мы еще посмотрим!

То, что увидела Линда, когда они обогнули изгородь, выветрило грустные мысли из ее головы. Она словно попала в сказочное царство, где чувствовала себя Гулливером в стране лилипутов. — Это миниатюрный город. Я мог бы провести здесь целый день. Это моя любимая остановка, -радостно объяснил Роберт.

Ну надо же! Церковь как настоящая, дома, речушка и дорога-все как на самом деле. Искусно выполненная имитация городка прошлого столетия. Вскоре они ползали на четвереньках, заглядывая в дома. Из стенда, стоящего на миниатюрной площади, девушка узнала, что город построен прадедушкой нынешнего хозяина. Он трудился над ним двадцать лет, что не удивило ее, поскольку все вокруг — от красной черепицы на крышах до часов с боем на церковной башне-было точной уменьшенной копией города.

— Здесь не хватает только людей, -сказал Роберт. — Я всегда представляю себе, как гуляю по улицам города, захожу в дома, в магазины.

По-моему, никто не знает, существовал ли такой город на самом деле, или его выдумали. Когда мы с папой путешествуем, то всегда сравниваем другие города с этим, но пока еще не нашли похожего. Однажды нам показалось, что мы нашли что — то очень похожее, но все равно не тот-нет замка.

— Разве папа гуляет здесь с тобой?-спросила Линда. Мальчик взглянул на нее как-то очень по-взрослому, почти с жалостью, словно девушка сморозила что-то уж очень глупое.

— Конечно, — серьезно ответил ребенок и смущенно полюбопытствовал: — А тебе нравится мой папа?

— Он... он очень добр ко мне.-Линда ушла от прямого ответа. Непонятное волнение охватило ее. — Он разрешил мне остаться до сентября.

Нравится ли ей Филипп? Еще как нравится! Отрицать это просто бессмысленно.

— А потом что?-спросил Роберт, сидя на корточках и внимательно, снизу вверх, глядя на нее.

— Э... потом я уеду учиться, -неуверенно начала Линда. — Когда я была... была помоложе, то пошла работать, а не учиться. Теперь я хочу поступить в университет. Занятия начнутся в сентябре.

— Не могу представить, что кто-то добровольно хочет учиться, — пробормотал Роберт. — Там же будут тобой командовать.

— Только не мной! — многозначительно заявила девушка. В его ясных голубых глазенках снова засветилась улыбка.

— Надеюсь, что нет. — Мальчик повернул голову и стал беззастенчиво разглядывать гостью. — у тебя почти что красные волосы. В доме есть большая картина, похожая на тебя. Правда, я не знаю, где она сейчас.

— Портрет?-заинтересовалась Линда. Должно быть, это портрет папиной мамы. Вот бы взглянуть на женщину, на которую она так похожа.

Мальчик кивнул.

— Я помню, он висел в доме еще до того, как меня отправили в школу. — Роберт насупился, и сразу захотелось хоть как-то развеселить его.

— Давай поищем картину, — заговорщически предложила Линда. Мальчик сразу же заинтересовался.

— Хорошо! Мы это сделаем в день, когда пойдет дождь, — согласился он. — Мы будем искать ее на чердаке вечером в дождливую погоду, прямо как в книгах. Давай заключим договор.

Они серьезно пожали друг другу руки. А когда Линда подняла голову, то увидела, что Филипп наблюдает за ними. Выражение его лица понять было невозможно.

— Чай готов, — провозгласил он.

Линда поднялась, стряхнула травинки, прилипшие к джинсам. Роберт вприпрыжку помчался вперед.

— Что вы задумали? — осторожно поинтересовался Филипп.

— Ничего!-Девушка посмотрела на него широко раскрытыми невинными глазами. Мужчина недоверчиво скользнул взглядом по ее лицу, и в очередной раз его губы скривились в усмешке. Он взял Линду за руку. Хорошо, что хоть перестал на нее глазеть.

— За тобой трудно уследить. Тебе не кажется, что ты требуешь слишком много внимания?

— У тебя достаточно других дел, Филипп.

Освободи себя хотя бы от контроля за мной, быстро нашлась с ответом Линда.

Мужская рука крепко сжала ее пальцы. А в голосе угадывалась улыбчивая снисходительность.

— Поверь мне, я пытаюсь не обращать на тебя внимания, но ничего не получается. И хотел бы, да не могу! Должно быть, во всем виноваты твои огненные волосы — я как тот мотылек, который инстинктивно летит к пламени.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать, — твердо заявила девушка. Знал бы этот человек, как тяжело ей далась эта твердость. Предательская дрожь прошла по всему телу.

— Это потому, что ты слишком молода, чтобы понять меня, — ответил Филипп и театрально вздохнул. — Что мне теперь делать-один с двумя детьми на руках?

— Прекрати! — закричала Линда, в ее глазах сверкнула едва ли не ярость. А тот неожиданно своей рукой мягко прикоснулся к ее пылающему гневом лицу и нежно провел пальцами по щеке.

— Я пытаюсь, поверь. Но ты даже представить себе не можешь, как это трудно, — прошептал он.

Неожиданный доверительный тон смущал больше, чем привычная резкость. Девушка обрадовалась, когда они наконец подошли к кафе, где их нетерпеливо ждал Роберт. Что хотел сказать ей этот непредсказуемый человек? Как растолковать его признание? Хотя одно Линда поняла: ей нравятся прикосновения Филиппа. Пожалуй, именно сейчас следует серьезно

задуматься о возвращении в Бирмингем.

— Ты что-то побледнела, Линда, — заметил Роберт, искоса поглядывая на девушку.

— Э... значит, совесть у меня нечиста, — нашлась она. Мальчик улыбнулся, поняв, что с ним шутят, и вбежал в кафе. Линда вознамерилась последовать за ним, однако Уорнер задержал ее. Он запустил пальцы в короткие рыжие кудри.

— Неужели? Насчет совести-это правда? — хмуро поинтересовался мужчина.

— Господи! Конечно же нет!-Линда попыталась вырваться, но тщетно — цепкие пальцы продолжали держать ее.

— Тогда с чего бы эта бледность? — Он откинул голову девушки назад и взглянул сверху вниз на ее лицо. Их взгляды встретились. Ах, какие же все-таки у него прекрасные глаза! Даже в гневе они хороши. Сверкающее золото, сокровище инков... А смуглое его лицо — отчужденное, худощавое, красивое лицо аскета!-Линда! — На этот раз в тоне угадывалось предостережение. Да, она забылась и выдала себя собственным взглядом. Так нельзя смотреть на мужчину! Тот все заметил, все разгадал, отсюда и этот резкий тон.

Линда ринулась было в полумрак кафе, но прежде чем она подошла к Роберту, пальцы Филиппа вновь сомкнулись на ее руке.

Как было бы хорошо сейчас снова услышать насмешку в его голосе. Но нет, совсем другим тоном он проговорил: — Ты в порядке, Линда? Она кивнула, послав ему слабую улыбку. Теперь уж точно спасти ее может только срочное возвращение в Бирмингем. Но, во-первых, у нее нет денег. Во-вторых, если она уедет, то не сможет претворить в жизнь один очень важный проект. А Роберт — стоящее вложение душевного капитала.

Через несколько дней Линда поняла, что поладить с Робертом очень легко. Его присутствие оказало ей неоценимую услугу. Начать с того, что теперь не было возможности оставаться наедине с хозяином дома. Обед подавали раньше, а мальчику разрешали ложиться попозже. Ребенок стал оживленным, разговорчивым, веселым, так что, по всей видимости, был счастлив. Однако иногда в его ясных голубых глазенках угадывалась прежняя печаль.

— В школе тебя зовут Роберт?-однажды спросила его девушка. Они гуляли в саду.

— Только учителя. Ребята зовут меня Робби • — во всяком случае, мои друзья. А ребята постарше — Уорнер.

Линда усмехнулась. Как все это знакомо!

— Хочешь, я буду звать тебя Робби?-спросила она. Мальчик посмотрел на нее с улыбкой.

— Хочу. Папа всегда зовет меня Робертом, а мне больше нравится просто Робби. Если ты станешь называть меня так, может, и он передумает.

Вечером позвонила Эмили и сообщила потрясающую новость.

— Мы решили пожениться в конце месяца, — заявила она. — Клайв может получить работу в больнице на севере, и было бы глупо откладывать свадьбу. Основная мебель у нас уже есть, на остальное подкопим, когда поженимся.

— Это же в конце следующей недели! — ошеломленно вскричала Линда. — Я по-прежнему подруга невесты?

— Конечно. Твое платье почти готово. Надеюсь, ты не набрала в весе на деревенских булочках? Я отдала те мерки, которые мы сняли еще до твоего отъезда.

— Не беспокойся, я в него влезу. Проблема в другом-как уехать отсюда, — озабоченно проговорила Линда.

Проблем, собственно, больше: первая-как вернуться в Бирмингем и вторая-где остановиться там.

— А что, если тебе приехать вместе с Уорнером?-предложила Эмили.-Умираю, как хочу посмотреть на него.

— Он очень занят, — последовал быстрый ответ. — Мистер Уорнер сейчас работает над новой книгой.-Я приеду поездом. У меня пока есть кое-какие сбережения. — Они на самом деле, есть, но очень скудные. Положив трубку телефона, Линда задумалась. Не замечая ничего вокруг, девушка пересекла холл и чуть не налетела на Филиппа.

— Что-нибудь случилось? Она быстро затрясла головой.

— Ничего. Звонила Эмили. Она выходит замуж раньше, чем ожидалось. А я-подруга невесты. Мне придется поехать в Бирмингем. Свадьба состоится в-конце следующей недели. — Филипп продолжал молча смотреть на нее. — Э... мое платье уже готово.

— Пойдем в кабинет, -спокойно приказал он.-Мне следовало сделать кое-что сразу же, как ты приехала, но то одно, то другое-и эта мысль выскочила у меня из головы.

— Какая мысль?-Линда нерешительно остановилась в дверном проеме, пока хозяин шел к своему столу.

— Заходи. Я не кусаюсь. — Он выразительно посмотрел на девушку. Та прошла вперед с явной неохотой. Его кабинет-святая святых, место, где он создает свои книги. Владение писателя, куда посторонним вход воспрещен.

Сейчас он смотрел на нее, проявляя явное нетерпение.

— Будь добра, перестань так пугаться! — в высказанной просьбе прозвучали раздраженные нотки. — Как же ты умеешь все усложнять! При взгляде на тебя можно подумать, что я пригласил человека, чтобы учинить ему разнос. А хотел я тебя видеть вот для чего: я собирался открыть на твое имя банковский счет ко дню твоего приезда. Но уж извини, за делами как-то забыл об этом.

— У меня есть банковский счет, спасибо, -с несколькими чопорными интонациями в голосе сказала девушка. Ни в коем случае нельзя позволять Уорнеру давать ей деньги. И так-то тяжело сознавать себя приживалкой, пользующейся барской милостью. Нет, нет, не хватало еще жить на его подаяние. Этого ни в коем случае допустить нельзя!

— Есть свой счет? Прекрасно, -сухо выразил свое одобрение Уорнер. — А теперь ответь, много ли на нем денег?

— Достаточно.-Линда избегала его взгляда, а когда молчание затянулось, пробормотала: — Это

очень благородно с твоей стороны поинтересоваться... побеспокоиться, но...

— Тебе никогда не приходило в голову, что во всех случаях жизни можно быть просто любезной?—холодно спросил Филипп. — Странная манера всегда делать из мухи слона. Обыкновенное событие превращается тобой в явление века. Мы оба прекрасно знаем, что если бы ситуация не была такой безнадежной, ты ни за что на свете не приехала бы сюда. Так? Если бы ты могла позаботиться о себе самостоятельно, то осталась бы в Бирмингеме и сняла бы другую квартиру. Нетрудно сообразить, что ты не сделала этого из-за отсутствия денег. Я же предлагаю тебе финансовую поддержку.

— Нет! — Линда твердо взглянула на мужчину.—Ты приютил меня здесь против своей воли. Я ведь для тебя посторонний человек, даже не родственница. Мне хватит того, что я имею, и...

— А как ты собираешься добраться до Бирмингема? И где будешь жить до свадьбы? Остановишься у своего парня? Вряд ли ты способна решиться на подобное, иначе ты не приехала бы сюда.

— Он просил моей руки, — с вызовом в голосе заявила Линда. Черная бровь Уорнера скептически поползла вверх.

— И что же ты? Видимо, посчитала положительный ответ слишком большой платой за возможность как-то дотянуть до сентября?

— Я сама решаю, что мне делать со своей жизнью. Я собираюсь учиться, а... а замужество пока не входит в мои планы.

Линда направилась к двери, спасаясь от дальнейших расспросов. Ее начинала тряссти нервная дрожь, слезы подступили к глазам. Попробуй тут оставаться любезной! Ей всегда приходилось самой бороться за место под солнцем. И тут уж не до светских манер Гвава шестая Уорнер настиг ее у самой двери. Вспышка раздражения у него, похоже, погасла.

— Ну хорошо, Линда. Я все понимаю, но все-таки постарайся не упрямиться. Давай на время оставим вопрос о деньгах.

— Спасибо, -только и сумела ответить девушка Филипп схватил ее за плечи и повернул лицом к себе.

— Я отвезу тебя в город. Мне так или иначе надо поехать туда, я возьму тебя с собой. Что молчишь? Судя по всему, ты и сейчас ищешь ловушки, для тебя специально расставленные? Если ничего не обнаружишь, то позволь мне сопровождать тебя в этой поездке.

— Мне нужно успеть туда до свадьбы, чтобы примерить платье. А еще мне придется решить, что делать дальше, — с волнением добавила Линда.

— Нет проблем. Мы забросим Роберта в школу и сразу же поедem.

В среду? Как, оказывается, все просто. Только где же ей там, в Бирмингеме, остановиться? Впрочем, об этом пусть беспокоится Эмили.

— Хорошо, хорошо, спасибо.

Филипп продолжал смотреть на девушку сверху вниз, а его длинные пальцы медленно скользнули по ее худеньким плечам. Он делал это почти бессознательно. Все то же теплое,

странно волнующее чувство охватило Линду. Она опустила глаза и вновь ощутила холодок, побежавший по спине при звуках его низкого голоса.

— В тебе столько таинственности, — мягко проговорил мужчина. — С тобой никогда не знаешь, что произойдет в следующий момент.

— Пока ты все про меня не выяснил, я, пожалуй, пойду, — отозвалась девушка. Пальцы Филиппа на мгновение замерли, а потом он вдруг опустил руки и открыл перед гостьей дверь.

— Я выясню. Во всяком случае, попытаюсь узнать, кто ты. Или источник света, освещающий тьму, или же источник постоянного раздражения? Но кем бы ты ни была, ты обрушилась на этот дом словно удар молнии и внесла смятение в мою жизнь и душу.

Линда поспешила выйти из комнаты. Что он имел в виду?

Все случилось гораздо раньше, чем Линда могла даже предположить. На следующее утро она обнаружила Роберта, совершенно несчастного и потерянного. Изрядно помучившись, девушка выяснила наконец, в чем дело: мальчик не хотел возвращаться в школу.

— Почему?-осторожно поинтересовалась Линда. Мысль о том, как разозлится Филипп, узнав о ее новом вторжении в его личную жизнь, заставила подавить в себе желание сделать заявление типа «я так и думала!».

— У меня плохо получаются упражнения по физкультуре, -признался Роберт.

— Они не получаются у большинства людей, -убедительно заявила девушка. — Зато у них получается что-нибудь другое.

— И у меня тоже, — уныло пробормотал мальчик.-У меня здорово идет рисование, и я ничего не имею против физкультуры. Я делаю что могу.

— Ну вот видишь!-Линда действительно обрадовалась, поздравляя себя с успешным ведением беседы. Главное-логика и здравый смысл.

— Делал, пока не появился мистер Купер. — Голос мальчика звучал едва слышно. — Сделаешь что-то не так, и он начинает кричать на всю площадку.

Учитель называется! Имеет дело с сиротой, потерявшим мать, и такое себе позволяет!

— Может быть, он боится, что ученики его не услышат? Учителя физкультуры вообще не умеют тихо разговаривать. Такие уж они...

— Но он кричит на меня, — возмутился Роберт.-Я чувствую себя тупицей.

Это была более чем убедительная причина, чтобы заставить Уорнера перевести сына в школу поближе к дому.

— А давно у вас этот учитель?-осторожно поинтересовалась Линда.

— Три недели.

— Ну, тогда он просто хочет показать, как хорошо знает свой предмет, -успокоила девушка.- Дай ему время, Робби. Вполне вероятно, что он окажется отличным парнем.

— Может быть, — Роберт шмыгнул носом и отвернулся. — Пойдем вниз, на пляж. Запустим воздушного змея, хорошо?

Вообще-то она планировала немного поработать над книгами. Но идея замечательная. Не оставлять же Робби сейчас одного! Ведь мальчик так ей верит. Интересно, почему он не рассказал обо всем отцу?

Все, казалось бы, сделала правильно. Откуда же тогда это чувство вины? Уже давно закончился обед. Робби отправился спать. А она продолжает мучиться безотчетными тревожными раздумьями.

Какая беспокойная ночь! По радио обещали дождь еще с утра, но только сейчас, когда сгустились мрачные сумерки и подул холодный пронизывающий ветер, с неба хлынула водяная лавина. Струи выбивали по оконным карнизам оглушительный ритмичный стук.

Заниматься учебой при таком шуме совершенно невыносимо. Невозможно сосредоточиться, когда вокруг бушует стихия. К тому же эти мысли о несчастном маленьком мальчике... Тогда уж лучше спуститься в гостиную. Филипп, наверное, работает в своем кабинете. Что тебе важнее. — мысленно спросила Линда: единственный ребенок или очередная книга?

После приезда сына Филипп совсем замкнулся в себе. Почему? Напрашивалось такое объяснение: Робби-живое напоминание о Доминик, и его образ возвращает боль былой утраты. Но ведь дело касается судьбы маленького мальчика.

Он такой ранимый.

Линда вздохнула и уткнулась лицом в мягкую обивку кушетки. Лучше бы было вообще никогда не приезжать сюда. Отныне она уже никогда не сможет забыть дом на берегу и Филиппа Уорнера.

Послышался легкий шорох, девушка резко подняла голову и встретила глазами с хозяином дома. Он стоял в дверном проеме на пороге своего кабинета.

— Какой горестный вздох... У тебя проблемы?

— Проблемы? Да нет, все в порядке, — отозвалась Линда.

— А, значит, учишься вздыхать на тот случай, если они появятся? Понятно... — Вновь на лице мужчины появилось прежнее скептическое выражение, а губы насмешливо изогнулись.

— У кого проблемы, так это у Робби, — высказалась наконец Линда, совершенно забыв о своем твердом намерении заниматься только своими делами.

— Я не понимаю, о ком идет речь, — холодно заметил собеседник.

Ах, он, видите ли, не знает, о ком речь! Просто зло берет!

— Роберту нравится, когда его зовут Робби, — заявила Линда со всей возможной надменностью в позе, голосе и выражении лица, на какую только была способна. — Друзья называют его именно так.

— Прекрасно, — заметил Филипп и подошел ближе, предварительно плотно закрыв за собой дверь кабинета.

Дурное предзнаменование! Вся храбрость Линды вдруг куда-то исчезла.

— Ну, если у моего сына есть имя, которое ему нравится, и он считает тебя своим другом, то о каких же еще проблемах может идти речь?

Он шел прямо на Линду, плавно, не спеша, с грацией большого кота. В комнате горели лишь две лампы, и золотистые глаза Филиппа таинственно блестели в их приглушенном свете.

— Почему... почему бы тебе не спросить у него?—торопливо заговорила девушка. — Он все — таки твой сын.

— Но я спрашиваю тебя. — Интонации его голоса приобрели некоторую мягкость.—Ты сидишь здесь, погрузившись в себя, вздыхаешь. И, естественно, я хочу знать почему.

— Он не любит школу!—выпалила девушка срывающимся голосом.—Там над ним издеваются.

— Хулиганы?—Темные брови Уорнера сердито сдвинулись. Линда нетерпеливо замотала головой.

— Нет, с ребятами все в порядке. Все дело в новом учителе физкультуры. Похоже, он считает Робби тупицей. Этот мистер постоянно кричит на мальчика, заставляя его чувствовать свою неполноценность .

— Вероятно, разговаривать по-другому он не умеет, —холодно отозвался Филипп.—Насколько я помню, учителя физкультуры всегда выкрикивают свои указания, если не используют свисток.

— Все не так просто. Что же это за указания, которые мальчика ставят в унижительное положение?

— Роберт не несчастен, — решительно заявил Уорнер.

— Откуда тебе знать? Ты безвылазно сидишь в своем кабинете. А он несчастен, оттого что ему придется возвращаться в школу.

— Перестань!—резко оборвал Филипп.—Тебя это не касается.

— Хорошо, я перестану, — взорвалась девушка.—Но только потом не вини никого, кроме себя, в том, что ты теряешь связь с сыном. Если бы вы с ним были более близки, Робби пошел бы к тебе, а не ко мне. И хоть я здесь человек посторонний, мне хорошо известно, что творится в душе мальчика. Будет хуже, если Робби замкнется в себе. Живешь, ничего не замечая вокруг. Ты совершенно непробиваем!

— Замолчи!

Вид у него в этот момент был такой, что Линде хотелось одного — убежать, скрыться. Но она осталась там, где стояла. Он не терпит никаких возражений! А разгневанный Филипп тем временем подошел, сжал сильными руками плечи своей несчастной оппонентки и встряхнул так, будто надеялся одним этим жестом образумить ее и заставить поменять ненужные ему показания.

Однако, кажется, не только тяга к справедливости руководила им. С чего бы ему так крепко прижимать к себе «адвоката» сына? Та только беспомощно барахталась в его железных объятиях.

— Значит, я непробиваем?-переспросил Филипп.-Да у меня другого выхода нет! Я должен быть таким, чтобы находиться с тобой в одном доме.

— Я уеду!-простонала Линда, изо всех сил пытаюсь вырваться.

— Нет, не уедешь. Ты останешься, но будешь вести себя нормально. Ты, кажется, говорила, что нужна Робби. Так вот, Белинда, тебе придется стать более покладистой.

Линда открыла было рот, чтобы воспротивиться употреблению ненавистного имени, но... Губы Филиппа прильнули к ее губам, что, естественно, совершенно изменило дислокацию противоборствующих сторон.

Линду охватил безотчетный страх, когда она всем телом ощутила опасную близость разгоряченного мужского тела. Этого не должно быть, обреченно подумала девушка. И тем не менее застыла, не двигаясь, не предпринимая попыток к сопротивлению.

Даже в своей нарастающей панике девушка интуитивно чувствовала, что он сам себя презирает за собственную невоздержанность. И остановила его лишь смиренная податливость женского тела. Линду целовали не первый раз, но никогда еще поцелуй не был таким «взрослым», а близость мужчины такой обжигающей.

Когда они целовались с Дэйвом, это казалось очень забавным, и обычно все заканчивалось смехом. Сейчас Линде было не до шуток. Она успела почувствовать острый вкус настоящего поцелуя и будто вся растворилась в этом. Такого никогда раньше с ней не бывало.

Еще секунду Филипп сжимал дрожащее тело девушки, но потом со стоном выпустил ее, осторожно отстранил от себя — Не жди извинений, — услышался его низкий голос. Синевалковые глаза в изумлении расширились.-Ты вмешалась в то, во что не имела права вмешиваться, да еще устроила мне нагоняй. Пойми, что ты здесь временный человек. Вот возьмешь бросишь все и уедешь. Похоже, ты подружилась с Робби и, может быть, даже будешь ему писать. Но ты не сможешь изменить ' ни мою, ни его жизнь. Запомни это и сделай соответствующие выводы.

Минуту потрясенная Линда смотрела на него, чувствуя, как разрастается в ней непонятно откуда взявшаяся боль. Человек намеренно хочет ее ранить, он просто задался целью обидеть ее так, чтобы разом положить конец их отношениям.

— Я понимаю тебя, Филипп Уорнер, и постараюсь сделать для себя необходимые выводы, — еле слышно проговорила она, -Тебе не следует волноваться: временный жилец уйдет из твоего дома и из твоей жизни раньше, чем ты предполагаешь.

Сказала и вышла из комнаты, надеясь только на то, что со стороны не заметно, как дрожат ее колени. Взбежала по лестнице наверх, закрылась в своей комнате и остановилась у зеркала, удивленная тем, что не плачет. Странно, ведь этот беспардонный, красивый, самоуверенный, умный человек обращается с ней так, как никто и никогда не обращался. Были бы сейчас слезы-может быть, хоть стало бы немного легче на душе...

Девушка неуверенно кивнула своему отражению, и зеркало услужливо предоставило ей убедиться, до чего могут довести эти необычные чувства, теснящиеся в груди, и эти фантастические ощущения, рожденные первым в ее жизни настоящим поцелуем.

Как могла она поддаться его обаянию, как позволила своему телу подобную слабость! Красавица, ты что, с ума сошла? Ты не способна управлять собой, своими эмоциями? Бежать!

Немедленно бежать отсюда!

Надо продумать план действий. На свадьбе будет много народа и надо этим воспользоваться, чтобы вызнаться, где можно временно поселиться. Будет жилье-найдется и работа. Как-нибудь тогда удастся продержаться до сентября.

Какая же все-таки глупость! Есть деньги, оставленные родителями, а она без гроша в кармане. Как бы все-таки воспользоваться этими деньгами? Когда-то Линда поклялась не притрагиваться к наследству, но теперь детская обида прошла и надо бы отказаться от глупых принципов. Дождь все еще стучал по окнам, и где-то внизу бушевало море. Линда печально опустила голову и побрела к постели. Не следует забывать, что бабушка была здесь несчастна. Может быть, Уорнер так же жесток и бесчувствен, как его отец. Нет. Вовсе нет. Его глаза, его губы так часто улыбались. Слишком часто для жестокого и бесчувственного человека. Он до сих пор тоскует по жене. Этот простой факт объясняет все. И его холодное отношение к гостю, в частности. У мистера Уорнера и мисс Бекли несовместимость характеров. Им не ужиться под одной крышей. К тому же она, противная мисс Бекли, с ее постоянным желанием вмешиваться в чужие дела, только ухудшает ситуацию.

На следующий день, к большому огорчению Линды, погода не изменилась. Так хотелось вырваться из дома, пойти прогуляться, хотя бы спуститься к деревне. Может быть, и Робби составил бы ей компанию. Гордый хозяин не вышел к завтраку. Он избегает встреч именно с ней, Линдой. Впрочем, на Филиппа это совсем непохоже. Он скорее предпочел бы сидеть и сверлить ее мрачным взглядом, наказывая за вчерашние преступления. Свое-то поведение он никогда предосудительным не посчитает.

Но, как бы то ни было, Линда чувствовала себя потерянной и усталой. Слишком усталой, чтобы сидеть в своей комнате над книгами.

Около полудня послышался робкий стук в дверь, и в комнату заглянул Робби. Девушка улыбнулась в ответ на его широкую улыбку, приглашая мальчика войти. !

— Что ты сегодня делаешь, Линда? — поинтересовался он. — Помнишь, мы хотели в какой — нибудь дождливый день поискать на чердаке картину?

— Ах, да! Может быть, сначала стоит спросить у папы?

Веселое личико Робби сразу же помрачнело.

— Линда, ну пожалуйста. Я же здесь живу. И значит, могу делать все, что захочу, если это не опасно. Папа всегда так говорит! — решительно заявил мальчик.

Ну что ж, поверим папе, поверим ребенку — оставалось только дать свое согласие. Однако, путешествуя по дому, Линда все время опасливо оглядывалась через плечо, пока наконец Робби не подвел ее к маленькой дверце, ведущей на чердак.

Сквозь крошечные окошки едва пробивался слабый свет тусклого дня, еле-еле освещая огромное помещение размером во весь этаж.

Мальчишка нетерпеливо топтался на месте, готовый сию минуту приступить к поискам.

— Здесь столько интересных вещей! Посмотри! — В его руках уже оказалась медная подозрная труба. — А что, если она принадлежала пирату или контрабандисту? Как ты думаешь, в Доме призраков жили контрабандисты?

— Не похоже, — отозвалась Линда. — Для них этот дом слишком хорош. Давай поищем портрет и пойдем отсюда.

Еще не хватало, чтобы Филипп застал их здесь!

В углу чердака теснились какие-то тени. Немного воображения, и в причудливом сочетании блеклого света и тьмы можно легко угадать мрачные фигуры предков Уорнеров с суровыми лицами.

— Ты трусиха! — взвизгнул Робби, взглянув на лицо девушки, и этот крик вернул ее к действительности.

— Нет, конечно! Впрочем, я предпочла бы побыстрее уйти отсюда-у меня много дел. Так где этот портрет?

Однако вскоре мальчишка заразил Линду энтузиазмом кладоискательства. Про портрет бабушки оба забыли. Из ящиков и коробок они с азартом настоящих археологов то и дело извлекали любопытные предметы. Большинству из них было уже немало лет, что привело изыскателей в полный восторг.

Робби взобрался на большой ящик, чтобы посмотреть на море через подозрную трубу. Линда тем временем обнаружила старый деревянный стеллаж, заполненный картинами. Да, это, видимо, были искомые портреты семейства Уорнеров, тщательно упакованные и аккуратно уложенные. Линда осторожно развязала узел первого чехла.

Большинство картин оказались старинными полотнами, которые, похоже, представляли немалую ценность. Но лишь одно заставило сердце девушки забиться сильнее.

Женщина на картине была поразительно красива. Все те же необычного цвета-сине-фиалковые — глаза и блестящие рыжие волосы. Неизвестный художник изобразил ее счастливой, полной жизни. Она сидела на камне, и у ее ног волны разбивались о прибрежные валуны на тысячи мелких брызг.

Прекрасная картина. Несмотря на то, что Линда никогда не видела свою бабушку, рассказ Филиппа о ней глубоко запал ей в душу, и непрошеные слезы подступили к глазам.

— Анна!

От неожиданности Линда вздрогнула. Она резко обернулась и увидела Филиппа, смотрящего на изображение женщины, которую он обожал.

— Анна Бекли, ставшая впоследствии Анной Уорнер.

— Она была очень красивой, — прошептала Линда.

— Как ты, — спокойно согласился Филипп. — Не знаю, почему Джон отдал тебя в частную школу, а не взял с собой. Он очень любил свою мать.

— Люди иногда совершают странные поступки, — решила ответить девушка, беспокойно

глядя на него снизу вверх.

Может быть, отец потому и отдалил от себя дочь, что та была поразительно похожа на его мать? Не хотелось постоянного напоминания о пережитой боли. Уж Уорнер-то должен это понять. Разве он сам не отвез Робби подальше от дома по той же причине?

— Вот именно! — неожиданно резко отозвался Филипп на ее замечание о странных поступках яудей. На мгновение его взгляд помрачнел, но потом лицо озарилось улыбкой. — Не смотри на меня как загнанный зверек, Линда. Я умею держать себя в руках. То, что произошло прошлым вечером, не есть продолжение моих многочисленных недостатков. Знаю, порой я бываю грубоват, вспыльчив, но ведь не это тебя тогда испугало, так ведь?

— Я... я уже почти забыла прошлый вечер, — смиренно солгала Линда. — Я волновалась за Робби, Ему действительно можно сюда приходить? Собственно, я согласилась сюда пойти лишь из-за этой картины. Робби... он сказал, что на чердаке есть портрет, очень похожий на меня. И я вспомнила, ты говорил...

— Ты действительно напоминаешь мне красавицу Анну, свою бабушку, — подхватил мужчина. — Значит, я так понял, поискам конец. И что ты теперь собираешься делать?

— Мне надо заниматься, иначе сентябрь застанет меня врасплох.

— Не смею тебя задерживать.

Он развернулся и направился к сыну. Линда провожала его расстроенным взглядом. Этот человек отлично знает, как причинить ей боль. Вконец расстроенная девушка медленно спустилась к себе в комнату и закрылась там на весь остаток дня.

Вечером все встретились за столом. Это была сущая пытка: Филипп холоден и исключительно вежлив, присутствие Робби лишь усугубляло общую неловкость. Девушка чувствовала себя очень неудобно.

Но всему приходит конец, и этой пытке — тоже.

Когда Линда вернулась в свою комнату, она почувствовала: что-то здесь изменилось. Она остановилась в дверях, оглядывая знакомый интерьер, и вдруг он неожиданности у нее перехватило дыхание. На стене, как раз напротив кровати, висел тот замечательный портрет! Только Филипп мог повесить его. Что двигало им? Какие чувства человек испытывал и какие хотел этим своим поступком подарить ей, Линде?

Как бы то ни было, а она благодарна ему за такой красивый жест. Девушка продолжала рассматривать знакомые черты юной Анны, когда на пороге комнаты возникла мужская фигура. С легкой улыбкой на лице, прислонившись плечом к дверному косяку, стоял Филипп Уорнер собственной персоной.

— Леди Белинде понравилось?-прозвучал в тишине комнаты его низкий голос. Линда смотрела на Филиппа, не имея сил скрыть свою радость.

— Конечно! Можно, он повисит здесь до моего отъезда?-спросила она.

— Ты можешь оставить портрет себе, — спокойно отозвался Уорнер. — Если уж кому-то он и должен принадлежать, как только тебе. Портрет достался Джону, а теперь он по праву твой.

— Вот как все грустно вышло в наших семьях, -тихо проговорила Линда. — Жаль, что ничего уже нельзя изменить.

— Да, конечно, — печально согласился собеседник. Он вдруг повернул девушку к себе, глядя ей в глаза. — Ты, моя сказочная маленькая Линда, возродила жизнь в Доме призраков, но ты тоже уйдешь отсюда, как тот корабль, что зашел на время в порт и снова держит курс к неизведанным берегам. Тут уж ничего нельзя изменить.

— Я понимаю, что ты чувствуешь... — заговорила Линда, но мужчина печально усмехнулся и нежно приподнял двумя пальцами ее подбородок.

— Сомневаюсь. Очередной плод твоего пылкого воображения. Не надо...

— Вмешиваться?-перебила она. Филипп рассмеялся.

— Я хотел сказать, не надо забивать свою рыжую головку мыслями об Уорнерах. За них не волнуйся-род очень крепкий.

— А Робби? Как с ним будет?

— Время покажет, -спокойно ответил мужчина.-Ложись спать. И почаще смотри на свою красавицу-бабушку. Не забывай, что ее жизнь была бы совсем иной, не появилась она в этих краях. Такие легкие рыжие создания не находят общего языка с пиратами.

Когда он вышел, девушка присела на краешек кровати и вновь подняла глаза к портрету. Теперь он стал ее фамильной реликвией, которая поможет ей почувствовать свою связь с прошлым. Кстати, Филипп для нее тоже все еще остается человеком из прошлого. Мисс Бекли пока не чувствует внутренней готовности встретиться с ним в настоящем. Общего будущего у них нет и не может быть. Он ведь сам сказал, что ее пребывание здесь-дело временное. Сказал без всякого сожаления, совершенно не заботясь о том, как она отнесется к его словам. Остается неразгаданным, тот странный поцелуй... Она, Линда, делает вид, будто вообще ничего не было. Уорнер же едва ли не раскаивается в том, что произошло. Но ведь произошло же! Случилось нечто такое, что самым невероятным образом перевернуло ее жизнь.

Глава седьмая

В среду Робби возвращался в школу. Линда собрала минимальный набор вещей, которые ей потребуются в Бирмингеме, ведь Уорнер уедет из города, как только закончит там свои дела, так что сюда ей придется добираться одной.

Робби старался выглядеть веселым, хотя особой радости, похоже, не испытывал. Как только машина остановилась у школы, он, пользуясь тем, что отец выгружал чемоданы, с видом заговорщика наклонился к Линде.

— Ну так есть у тебя какой-то план?-зашептал мальчик, опасливо оглядываясь на Филиппа.

— Какой план?-испуганно переспросила девушка.

— Насчет школы! — напомнил Робби. — Я-то был уверен, что ты уговоришь папу перевести меня в другую школу. — На лице его отразилось такое искреннее огорчение, что Линда задумчиво прикусила губу.

— Ты действительно хочешь уехать отсюда? Ну и хорошо... — Господи, на какие лукавые

ухищрения ей приходится-чадти ради Филиппа!

— Я могу остаться здесь, если так надо, — тихо произнес мальчуган, и это положило конец колебаниям Линды. Она протянула Робби свою руку и неловко чмокнула его в щеку.

— Предоставь все мне, — шепнула девушка ему на ухо.—У меня, кажется, действительно есть отличный план.

— Вот здорово! — Робби широко улыбнулся, и в этот момент подошел Филипп.

— О чем это вы секретничали? — любопытствовал он, когда, оставив мальчика, они отъехали от ворот школы. — Что вы еще задумали?

— Мм... да так, -замялась девушка.-Просто я сказала, что Робби еще застанет меня, когда приедет на пасхальные каникулы. Он очень обрадовался.

— Естественно.-Филипп бросил в ее сторону скептический взгляд и проворчал, не слишком впрочем, сердито: — Для человека, испытавшего столько горя, вы слишком любите опасности леди Белинда.

— Ты же обещал не называть меня этим дурацким именем! — возмутилась девушка. Филипп пожал плечами.

— Это произошло случайно, не сердись. Я писатель. И у меня бурное воображение. Я часто представляю себе, что ты-леди из прошлого: яркие волосы, ниспадающие глубокими складками одежды и сияющие фиалковые глаза. Пожалуй, такой образ украсит одну из моих книг.

Линда успокоилась. Идея не так уж и плоха. Даже ненавистное имя в устах Уорнера сейчас прозвучало почти романтично-леди Белинда среди серых валунов на берегу бушующего моря. Эту сцену невозможно представить без Дома призраков. Без этого дома она бы навсегда осталась просто Линда, человек без прошлого и будущего.

Но вряд ли речь идет о действительном писательском замысле. Удивительно интересные книги Уорнера неизменно оказывались в числе бестселлеров, но в них не было и тени романтики, как не было ее в самом авторе-лишь жесткий, холодный интеллект.

Ну и пусть интеллектуальный насмешник сам решает свои проблемы. У нее собственных забот хватает. Впереди свадьба подруги, предстоит много суеты, радостных приготовлений. Но где ей, Линде Бекли, жить в эти суматошные дни?

Странно, но особой радости при въезде в Бирмингем Линда не испытывала. Она совсем отвыкла от городского шума, многолюдья. Филипп молча ведет машину и не обращает на свою спутницу ни малейшего внимания. Вот сейчас он спросит, где ее высадить. И что ему ответить? Остается назвать лишь адрес больницы, где работает Эмили, больше на ум ничего не приходит.

Но Филипп молчал, и Линда сидела тихой мышкой, пока он наконец не остановил машину у газона роскошного дома на одной из центральных улиц.

— Что это?-изумленно выдохнула девушка, когда он распахнул перед ней дверцу машины.

— Мой городской приют, — усмехнулся Уорнер. — Когда Роберт в школе, а шум моря начинает меня раздражать, я удираю сюда.

— Понятно...

— Пока мы в Бирмингеме, проживем здесь. Так хоть я смогу за тобой присматривать.

— Не забывай, — строго напомнила девушка, — я давно присматриваю за собой сама.

— Ну разумеется, — успокоил Филипп. — Придется все-таки поступиться малой толикой самостоятельности. Другого выхода у тебя нет. Теперь ты со мной.

И хотелось бы в этот момент ответить гордым отказом, но ведь надо рассуждать трезво: на какое-то время предложение Уорнера решит все проблемы. Линда покорно позволила Филиппу проводить себя в дом. Здесь было очень тихо, и хоть несколько минут назад она сетовала на громкий шум города, полное отсутствие шума даже в какой-то мере встревожило ее.

— Здесь что-то уж очень тихо, — заметила она.

— Дай мне несколько минут-и я создам такой уровень шума, какой необходим тебе для отдыха.

— Я хотела сказать... — смутилась девушка, чувствуя, что краснеет. Филипп остановил ее на полу фразе.

— Понимаю, что тебя смущает. Объясняю: мистер Уорнер самостоятельно выяснил, что мисс Бекли негде остановиться, и предлагает юной леди достойное пристанище. Мистер Уорнер заверяет, что у него нет никаких скрытых намерений, он горит желанием защитить бедную одинокую девушку. Все понятно? Выше нос, мисс Бекли! Я сам отвезу тебя куда надо. Если не смогу — возьмешь такси. Ты будешь готовиться к свадьбе, а я-заниматься своими делами. А потом мы вместе вернемся в дом наших милых призраков. Только и всего.

По его словам все выходило очень просто. Но Линда все же ощущала некоторую неловкость.

— Ты вовсе не обязан делать это для меня... — начала она, но Филипп лишь недовольно повел бровью.

— Думаешь, только ты одна можешь вмешиваться в чужие проблемы?-сухо заметил он. — Вопрос решен! Я сейчас принесу багаж.

Водворенная в свою комнату, Линда осознала, что действительно все получилось очень удачно. Филипп потом отвезет ее обратно-тоже хорошо. На душе у нее было необыкновенно легко, и после ужина, приводя в порядок свои вещи, она поймала себя на том, что поет. Давненько подобного с ней не бывало.

У счастья есть и свои трудности-к такому выводу пришла Линда, когда, ворочаясь с боку на бок, она никак не могла заснуть. Не оставляла ее мысль о том, что она наедине с Уорнером в его доме. Здесь все не так, как в Доме призраков — более интимно, что ли.

Сон все не шел к ней. Нет, чашка чая сейчас просто необходима. Накинув халат, Линда отправилась на поиски кухни.

А Филипп, похоже, и не собирался ложиться спать. Когда девушка проскользнула в гостиную, он читал.

— Можно, я приготовлю себе чашку чая? — спросила она, когда мужчина поднял на нее удивленные глаза.

— Конечно, и мне тоже.

— Какой ты любишь?

— Горячий и слабо заваренный, -последовал ответ.

Издевается? Девушка с негодованием уперла руки в бока.

— Ты любишь жидкий чай?

— Наконец-то настало время узнать, что я люблю, — недовольным тоном заметил Филипп. — Начиная с чая. Я люблю очень горячий, не очень крепкий, немного молока и два кусочка сахара.

— А это не вредно для зубов?-пробормотала Линда. В ответ он расхохотался, обнажая два ряда крепких белых зубов. Девушка пулей вылетела в кухню и принялась искать чайник и чашки. Почему она все время болтает какие-то глупости? Наверное, Филипп не раз уже мысленно обзывал ее дурочкой. Дурочка и есть.

Уорнер невозмутимо продолжал читать. Чашку с чаем, которую Линда дрожащей рукой протянула, он взял очень осторожно и поставил на журнальный столик, а сам откинулся на спинку Дивана.

— Садись, рыжая хулиганка, и расскажи мне об этой свадьбе.

— Почему ты меня так называешь?-Что-то Филипп в подозрительно хорошем настроении.

Не к добру...

— Такой уж у тебя цвет волос! — Он театрально вздохнул. — Снова я тебя дразню. Если можешь, прости ты мне мое занудство. А теперь расскажи о свадьбе. Я ведь совсем ничего не знаю о твоих друзьях.

Да, действительно, это так. Они больше спорили о ее жизни, о ее взглядах и поступках, чем просто разговаривали. А вот сегодня все иначе. Уорнер предельно внимателен, иногда чуть насмешливо любезен. Так хорошо быть рядом с ним! От чая блаженное тепло разлилось по всему телу. Девушка устроилась поудобнее и начала свой рассказ об Эмили и ее женихе и об их планах. Филипп слушал очень внимательно, лишь изредка задавая вопросы. Казалось, ему действительно интересно.

— А как насчет твоего приятеля?-неожиданно спросил он.-Как его зовут? Дэйв? Он будет на свадьбе?

— Да, конечно. По крайней мере, я надеюсь, что будет. Поддержка Дэйва мне бы не помешала.

— Тебе нужна поддержка?

Девушка подняла глаза от чашки и наткнулась на пристальный взгляд прищуренных глаз.

— Обычно нет. Но в последнее время...

— Я могу пойти с тобой, -заявил он. Линда откликнулась на его предложение с гораздо большим пылом, чем ожидала от себя.

— Ты действительно хочешь туда пойти? Я могла бы попросить Эмили, она с удовольствием пригласит знаменитого Филиппа Уорнера.

— Нет, спасибо, — сухо поблагодарил тот. — Я найду, чем заняться.

— Ну что ж, очередная неудачная попытка с моей стороны быть любезной, — заметила девушка, поднимаясь из кресла.

— Я и не думал напрашиваться на приглашение, — тихо ответил Филипп и усадил ее рядом с собой на диван. — Не убегай. Здесь так уютно. Неужели я снова неловко задел твои чувства?

— Это не имеет никакого значения. — Линда уставилась на свои длинные босые ноги. Изящный халатик едва прикрывал колени. — Если ты думаешь, что я пытаюсь распоряжаться твоим временем, то это не так.

— Похоже, мы оба постоянно пытаемся распоряжаться друг другом, — заметил Филипп. — А мне, поверь, совершенно не хочется вмешиваться в чужие жизни. В своей бы разобраться...

Горькие интонации прозвучали в его голосе. Ясно, о чем он. Снова воспоминания о Доминик! Человек все еще тоскует по покойной жене.

— Рано или поздно твоя боль утихнет, — поспешила высказаться Линда. — Я знаю, ты все еще скорбишь... Но, честное слово, со стороны моих ребят это был бы лишь дружеский жест.

— Допустим. А что, если я настроен вовсе не дружески? — спокойно возразил мужчина. — Может быть, мне хочется хорошенько встряхнуть этого Дэйва. Не думаю, что он достаточно взрослый, чтобы достойно снести поражение.

Линда в недоумении уставилась на него. Она не совсем явно понимала, о чем тот говорит, но ее сердце тревожно забилося. И снова промелькнула мысль, что она совсем не пара этому мрачноватому необычному человеку.

Он бросил взгляд на ноги девушки, и губы медленно расплылись в улыбке.

— У тебя очень симпатичные пальчики, — мягко произнес он. — Хорошо, что ты не собираешься идти на эту свадьбу босиком. Никто и не взглянул бы на невесту, а я не находил бы себе места.

Линда издала странный глухой звук. Так вырвались наружу одновременно страх и возбуждение. Слова мужчины потемнели, проникая пристальным взглядом в глубину синевато-фиалковых глаз — Ниспадающие складки одежды, сияющие глаза и сказочные волосы. Вы потрясающе выглядите, леди Белинда. Не хватает лишь Дома призраков и шума прибора.

А «леди Белинда» не могла ни говорить, ни двигаться, и когда Филипп обнял ее, она мягко, с готовностью подалась всем телом ему навстречу. У него перехватило дыхание, а прищуренные глаза вспыхнули золотым огнем. Он прижимал девушку к себе, неотрывно глядя в ее лицо.

— Я очень опасен, Линда, — серьезно заявил мужчина. — Ты даже не можешь представить насколько.

Она молчала, пристально глядя в его удивительные глаза-глубокие, золотистые, обрамленные черными ресницами. Теплая рука Филиппа нежно гладила щеку девушки.

— Ты вошла в мои мысли, Линда, — мягко произнес он. — В мои дела и в мою жизнь. Как это

могло произойти?

Она не успела даже задуматься над его словами, потому что его губы прильнули к ее губам.

Линда не сопротивлялась. Она ведь так часто мечтала, чтобы в поцелуе Филиппа было побольше нежности. Вот как сейчас.

Мир сказочным вихрем кружился вокруг, девушка парила в облаках наслаждения. Его губы становились все настойчивей, и Линда со вздохом приоткрыла рот, подчиняясь этому немому требованию. Повиновение казалось естественным движением души и тела.

Как невыносимо приятны эти сильные мужские объятия! Его пальцы мягко проникли в копну золотистых кудрей, когда он покрывал поцелуями ее лицо. Линда обвила руками шею Филиппа. И на какой-то миг ей показалось, что он тоже готов погрузиться в пучину страсти. Все крепче становились его объятия. Наслаждение от близости податливого женского тела захватило его целиком. Но вдруг он резко отстранил, усилием воли победив свой страстный порыв. Почему? Зачем он в такой момент пытается усмирить себя?

— Я намного старше тебя, — хрипло заговорил Уорнер. — Мне кажется, ты не подозревала, что каждый раз, когда я видел тебя, ты была так желанна, что я еле сдерживал себя. Я как мог боролся с собой, а это иногда оборачивалось грубостью, бестактностью. Он осторожно снял с себя руки девушки и отодвинулся. — Господи! Я ожидал увидеть ребенка, когда приглашал тебя в свой дом. Сумасшедший!

Ничего обидней придумать он не мог. Ведь только что она, Линда, сидела мечтательная, разгоряченная, потрясенная собственным порывом. И вот он снова начал свою песню. Девушка с трудом поднялась на ноги.

— Я никогда не просила меня приглашать, — тихо проговорила она. — Я никогда не просила тебя... целовать меня снова.

Филипп грустно усмехнулся, глядя на нее снизу вверх.

— Все зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «просила», — заметил он. — Достаточно твоего присутствия. Мужчине хватит одного взгляда, чтобы стремиться заключить тебя в объятия. Неужели ты не знаешь еще своей магической силы? Разве ты не проверила это с Дэйвом, когда тот целовал тебя?

Линда направилась к двери, стараясь исчезнуть как можно быстрее. Ну что за человек! Неужели ему доставляет удовольствие так больно ранить ее словами?

— Да, Дэйв целовал меня, — резко заявила она. — Тебя интересует моя реакция? Я смеялась и ничего не могла с собой поделать. Ни одна клеточка тела не отзывалась на его поцелуй. Мне было просто смешно.

— Линда! — Ироническое выражение сошло с его лица. Он попытался остановить девушку. Та, тем не менее, решительно направлялась к выходу. С нее довольно! Она не желает никаких извинений, не желает слышать, что сама спровоцировала его излишние вольности.

— Спокойной ночи, — холодно бросила Линда через плечо. Филипп проворчал что-то и плюхнулся снова на диван. Он явно был недоволен собой, что принесло ей некоторое удовлетворение. По крайней мере, человек чувствует себя виноватым. А вот что чувствует она? Одно можно сказать: никогда раньше не приходилось ей испытывать ничего подобного.

Линда легла в постель, натянула на голову одеяло. Но сон не шел. Слишком сильное возбуждение пришлось пережить, слишком страстные желания продолжали переполнять ее. Уорнеру-то что? Для него это лишь очередной эксперимент, легкая неудача на пути любовных побед. Или все не так?

Но что случилось, то случилось. Надо только сделать для себя нужные выводы. Ясно одно: теперь ей ни под каким видом нельзя возвращаться вместе с ним. Остается надеяться, что среди знакомых Эмили найдется кто-нибудь, кто согласится приютить нежданную гостью на несколько месяцев.

И еще. Непременно надо обратиться к адвокату по поводу наследства. Должен же найтись какой-то обходной путь, чтобы получить хотя бы часть своих денег. Ведь средства предназначены для учебы, а подготовка к поступлению в университет разве не подходит под эту статью?

Длительное сосуществование с Уорнером — значит, надолго оставаться одинокой и несчастной. За короткий срок этот человек стал значить для нее слишком много!

Спала Линда на удивление хорошо. Проснулась легко. Но тут произошло нечто невероятное: разбудил ее, как выяснилось, своим вторжением Уорнер. Он вошел в комнату с чашкой чая. Вид у него был абсолютно спокойный, чего нельзя было сказать про нее.

— Который час? — поборов смущение, наконец вымолвила она.

— Восемь. В десять часов у меня встреча, но сначала я смог бы отвезти тебя куда нужно.

Предложение неожиданное, и не сразу нашлись слова для достойного ответа.

— Спасибо. Пожалуй, не надо. Точное время встречи с Эмили не оговорено. Так что лучше я возьму такси.

— Как хочешь, — помрачнел Филипп. — Если ты собиралась встретиться со своим приятелем, он может сюда позвонить.

— Я не знаю, какие сегодня планы у Дэйва, — сердито ответила Линда. — Мне просто надо кое-куда съездить.

— Хорошо. Я отвезу тебя сам или вызову такси. — Она молча кивнула, а Филипп, немного поколебавшись, добавил: — Что касается прошлой ночи...

— Я не хочу об этом говорить, — оборвала его девушка. — Обоюдная ошибка! К вечеру, надеюсь, все забудется, тем более что предстоит встреча с друзьями...

— Не сомневаюсь! — Уорнер резко повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Ну что ж! Пожалуй, она вела себя вполне достойно. Этот раунд она выиграла. Но что дала ей победа? «Все забудется»... Как же! Нет, не суждено ей забыть вечер их прерванной близости. Но зачем Филиппу знать об ее истинных чувствах?

Линда быстро привела себя в порядок и пошла завтракать. Аппетит пропал, да и Филипп, похоже, ел нехотя. Победил вариант с такси. Очень уж не хотелось, чтобы Уорнер догадался о том, что ею предпринимается попытка заполучить родительские деньги.

К великой радости Линды, встреча с адвокатом показала, что дела обстоят не так уж и плохо.

— Если бы вы рассказали мне все раньше, — неодобрительно глядя на девушку, заметил адвокат, — я бы смог оградить вас от, видимо, не очень приятного пребывания в чужом доме. Деньги предназначены для вашего образования. Поскольку вы поступаете в университет и имеете все необходимые документы, я не вижу никаких препятствия к получению наследства. Теперь этот вопрос находится исключительно в компетенции банка. Я сегодня же позвоню туда и узнаю, что можно сделать. Потребуется некоторое время, но я свяжусь с вами. Номер телефона мистера Уорнера найду в справочнике...

— Нет! — выпалила Линда. — Лучше я сама свяжусь с вами.

Если честно, ей так не хотелось рвать эту чуть наметившуюся связь с Уорнером. Пребывание в «чужом доме» не было неприятным. Оно совершенно изменило всю ее жизнь. С получением же денег пропадет последняя возможность остаться с ним. Конечно, рано или поздно ей придется уехать из Дома призраков. Но даже страшно подумать, что скоро настанет момент, когда ей надо будет сообщить Уорнеру о своем отъезде.

Встреча с Эмили окунула девушку в волну предсвадебных хлопот. Разговорам подруг'не было конца. Эмили хотела знать все о Доме призраков, о Филиппе Уорнере. Когда речь зашла об их совместной поездке в Бирмингем и теперешнем месте жительства Линды, подруга одарила ее многозначительным взглядом.

— Кажется, мы находимся у начала бурного романа, — пропела она с нескрываемым интересом.

Линда почувствовала, как ее щеки заливаются краской.

— Какие глупости! Филипп, он... он намного старше меня.

— Сколько же ему?

— Кажется, тридцать четыре.

— Тридцать четыре? Господи, дорогая, да ведь это же прекрасный возраст. Молодой зрелый мужчина и юная красавица! Тебе же почти двадцать три.

— А Уорнер считает, что десять лет — очень большая разница. — Необдуманный ответ не столько снял подозрения подруги, сколько укрепил их.

— Вот как! Ну что ж, жаль, если он так считает... — с преувеличенным сочувствием в голосе произнесла Эмили.

Линда укорила себя за то, что зря разоткровенничалась. Да и говорить, собственно, не о чем. Ну, поцеловали ее пару раз, а она сразу же вознеслась под облака. Следует, вероятно, благодарить судьбу за то, что Филипп не позволил себе зайти слишком далеко с дочерью Джона.

— Сегодня вечером мы ужинаем с Клайвом и Дэйвом, — объявила Эмили, пристально глядя на опечаленную подругу.

Вот и хорошо. По крайней мере один вечер можно отдохнуть от лицемерия рассерженного Уорнера. И ему и ей нужна передышка.

Было уже поздно, когда Дэйв и Эмили с Клайвом привезли Линду к дому Уорнера. И лишь в этот момент девушка вспомнила, что у нее нет ключа от входной двери. Клайва это обстоятельство ничуть не смутило.

— Без проблем! Если твоего важного родственника нет дома, можешь переночевать у меня. Есть отдельная от меня комната.

В машине раздался дружный хохот. Линда помахала друзьям рукой и направилась к парадному входу. В окнах горел свет, что не оставляло сомнений-хозяин дома.

Филипп открыл дверь, как только отъехала машина. Он снова был не в настроении. Более того — еле скрывал свое раздражение.

— Где ты была? Отсутствовала целый день, а я даже понятия не имею, где тебя искать!

Линда лишь ошеломленно смотрела на него. Ей ни на минуту не приходило в голову, что она должна перед ним отчитываться. До встречи с Уорнером никто и не требовал от нее отчета. Да и с какой стати ей предлагается в чем-то оправдываться? И тем не менее она попыталась оправдаться.

— Я же говорила, что должна примерить свое платье к свадьбе. И еще мне надо было съездить кое-куда.

— Неужели ты весь день примеряла платье и наносила свой загадочный визит? Где ты ела? Почему мне не позвонила?

Линда выпрямилась и смело взглянула ему в лицо. Оно не предвещало ничего хорошего. Но надо же дать человеку понять, что мисс Бекли будет делать то, что ей вздумается.

— Я провела почти весь день с Эмили, — спокойно сообщила Линда. — А вечером мы вчетвером ужинали в ресторане. Оттуда они и привезли меня сюда.

— Я слышал!-выпалил Филипп. — Сомневаюсь, что среди вас был кто-нибудь, кто способен нормально вести машину. — Он шагнул к девушке и схватил ее за руку — та инстинктивно отпрянула.-Я согласен оберегать вас, мисс Бекли, но вот на что я не согласен, так это тратить время на беспокойство о вас. Поэтому извольте сообщать мне, куда вы направляетесь и когда вернетесь!

— Отвечаю категорическим отказом! — В глазах Линды сверкнули искры гнева. — Мне стоило большого труда освободиться от ненужной опеки, и передайте мистеру Уорнеру-мисс Бекли не собирается никому подчиняться. Сегодня четверг. Завтра я проведу целый день с Эмили, готовясь к ее свадьбе. Церемония состоится в субботу. Если мистер Уорнер думает, что мисс Бекли будет названивать ему целый день, сообщая, где она находится, то он глубоко заблуждается!

Филипп оторопело уставился на девушку, та попыталась освободить свою руку, но безуспешно. Уж не собирается ли он провести в холле всю ночь? Филипп, тяжело вздохнув, видимо, решил ретироваться. Иначе бы не сказал то, что сказал: — Хорошо. Думаю, после долгого заточения в Доме призраков тебе особенно хочется свободы.

Но говорил он все равно таким тоном, словно перед ним стоял непослушный ребенок. Линда, почувствовав свое превосходство и в этом раунде, позволила себе гневно заявить: — Я не подросток и не зверек в клетке! Мне не требуется никаких разрешений. У меня, уж извините,

есть личные дела! А что касается заточения в Доме призраков, то, как вам, мистер Уорнер, ни покажется это странным, мне там очень понравилось. Там было ровно столько свободы, сколько мне необходимо. Поймите вы наконец: держат в заточении не стены, а люди-люди, которые думают, что могут диктовать свою волю.

— Такие, как я?

— Идея для размышления... — обронила Линда и с гордым видом прошествовала в свою комнату.

На следующий день хозяин дома оставил свою гостью в совершенном одиночестве. Линда обнаружила на кухонном столе записку и ключ. Вот она, желанная самостоятельность!

В тот вечер ее отвозил домой Дэйв. Оставшись с ним наедине, Линда чувствовала себя ужасно неловко. Он хотел подтверждения ее теплых чувств, а она избегала даже прощального поцелуя.

— Ты очень изменилась, -горестно заметил молодой человек. — Прошло так немного времени, а ты стала совершенно другой.

— Ну ты не прав!-запротестовала она, стараясь говорить как можно более легкомысленно.- Конечно, жить в чужом доме-не сахар, но и не вечное испытание. Заверяю: я была, уж поверь, не в аду.

— Ну это как посмотреть... Судя по мужчине, который встречал тебя вчера в дверях, можно в этом и усомниться. Так это и есть великий Филипп Уорнер, который, как мы знаем, тебе вовсе и не родственник?

Да, Дэйв, это действительно он. Мой «не родственник», подумала Линда. А прошлым вечером он очень злился. Будет злиться и сегодня, если увидит ее в этой машине. При этой мысли девушка едва не подпрыгнула на месте: кажется, этот обольстительный пират ревнует. Он ревнует!

Впрочем, может быть, она опять обгоняет события.

— Да, Дэйв, это был Филипп Уорнер, — беззаботно заявила Линда.-Он действительно был разгневан. Я, понимаешь ли, не сказала ему, где и как проведу целый день.

— Он или слишком праведный дядюшка, или ты ему нравишься?-не без подковырки задал свой вопрос Дэйв.

Линда взяла свои вещи и, открыв дверь машины, холодно заявила: — Вот уж не думала, что ты будешь усложнять и без того сложную мою жизнь. У меня так много проблем, что не хватало еще ссориться с друзьями. Уорнера дома не было. Наверное, он приглашен на какой-нибудь званый ужин. Писатели подобного масштаба никогда не остаются без пристального внимания общества.

Скорее всего, он ведет душевные разговоры, смеется с людьми, которых она, вероятно, никогда не встретит. У него важные дела. А она, Линда Бекли, целый день была занята решением чьих-то бытовых проблем-с его точки зрения, занималась всякой ерундой. Печальная истина: она совсем не подходит Филиппу Уорнеру.

Филипп появился лишь на следующее утро. Он вошел, когда Линда уже сидела за завтраком.

— Итак, сегодня великий день? Твой наряд готов?

— Да. Я привезла его прошлым вечером. А через полчаса придут цветы.

— Сегодня мне будет позволено тебя подвезти?—поинтересовался он. Линда кинула в его сторону быстрый взгляд.

— Если тебе, конечно, не трудно, это было бы здорово, потому что платье очень длинное.

— Трудно? Уж, кажется, я дал тебе понять, что всегда готов помочь.

Линда сообщила время венчания и адрес церкви. А теперь наступила пора ее собственных забот, без чего в этот особый день обойтись невозможно. Душистая ванна, маникюр и безуспешные попытки справиться с норовом непослушных вьющихся волос.

Девушка настолько увлеклась приготовлениями, что Уорнер вынужден был ей напомнить, что она может опоздать. Все готово. Оставалось, окинув себя последним взглядом, решиться предстать перед непримиримыми янтарными глазами.

Для платья был выбран шифон нежно-зеленого цвета, что удивительно подходило к рыжим волосам, создавая образ мистической, нереальной, нездешней юной красавицы.

Филипп нетерпеливо расхаживал по комнате, теребя ключи от машины. Когда Линда появилась в дверях, он замер как вкопанный. Похоже, все мысли, угнетавшие его, разом исчезли.

Его золотистый взгляд скользнул по стройной девичьей фигурке в волшебном платье, слегка задержался на нежных кремовых цветах, вплетенных в яркие рыжие кудри, и остановился на испуганных глазах.

— Прекрасное маленькое создание, -тихо произнес Филипп.-Мне действительно жаль невесту.

Тут не сразу и найдешь, что ответить. Сердце отчаянно колотилось. Так хотелось, чтобы этот человек, отбросив свои амбиции, подошел бы и обнял ее. Но это уже могло угрожать самым настоящим обмороком. Красноречивое молчание было выражением их чувств.

— Поехали, — поторопил он. — На дороге скорее всего будут пробки, а я хочу доставить тебя вовремя.

Машина подъехала к церкви, у ворот которой собралась целая толпа. Из нее тут же вынырнул Дэйв и распахнул дверцу перед Линдой, прежде чем именитый водитель успел пошевелиться.

— Ты выглядишь восхитительно, -заявил Дэйв и, мельком глянув на Филиппа, спросил: — Мистер тоже приглашен?—Линда спиной почувствовала, как закипает гнев Уорнера. В тоне Дэйва слышался вызов, а Филипп Уорнер из тех людей, которые не оставляют подобные выпады без внимания.

— Мистер Уорнер слишком занят, — поспешно отозвалась Линда, чем, впрочем, не остановила желания Дэйва обострить ситуацию.

— Вот и отлично! Я сам буду тебя сопровождать.

Какая глупость! Неужели мужчины рискнут сейчас нарушить тот относительный покой, в котором она пребывала? Линда умоляюще взглянула на Уорнера, который смотрел холодным изучающим взглядом, стоя по другую сторону машины.

— Филипп, я сказала тебе, где состоится бая кет... — В голосе Линды слышалась явная тревога, и глаза Уорнера понимающе остановились на ее побледневшем лице.

— Я заеду, не беспокойся, — спокойно отозвался он. — Время я помню.

— Ах, теперь, видимо, так положено-человек собирается болтаться рядом в ожидании тебя? — не без подковырки поинтересовался Дэйв, глядя вслед удаляющейся машине. — Мне-то по простоте душевной казалось, что знаменитый писатель слишком занят для таких хлопот. А может быть, классик считает свое присутствие на скромной свадьбе ниже его достоинства?

— Помолчи!-запротестовала Линда. Ну вот-этот точно ревнует! И ведь наверняка у Дэйва есть парочка постоянных подружек, но посчитал необходимым встать в отвратительную позу мужского принципа-«мое-мое».

Дэйв от ревности явно поглупел. «Скромная свадьба!» Да здесь сотни людей, но, если быть честной, ни один из них не сравнится с Уорнером. Мистер Уорнер выглядел просто великолепно в сером костюме, подчеркивающим черноту волос и смуглость кожи. То, что он красив, -не одна Линда открыла. Но, возможно, только ей ведомо, насколько духовна, органична его красота.

К счастью, у главной подружки невесты была масса всенепременных обязанностей, и на некоторое время внимание девушки сконцентрировалось на них. Час, другой без Уорнера- вполне достаточно, чтобы вновь вернулись спокойствие, здравый смысл. Да что уж там спорить — она, Линда, меняется в присутствии мистера Уорнера. Другое не понятно: как же она, сильная, волевая, хочет бороться с наваждением по имени Филипп Уор — нер и одновременно желает пасть к его ногам.

Торжество состоялось в просторном зале отеля, находящегося неподалеку от дома Эмили. По традиции невеста бросила в публику свой букет, и он угодил прямо в Линду. Следующая невеста? Если правду сказать, мисс Бекли так старалась увернуться от этих цветов, что даже гости это заметили и засмеялись.

За общим весельем и шутками Линда и не углядела, как появился Уорнер.

— И что ты, Линда, теперь собираешься делать?-спросил Клайв.-Теперь нет необходимости возвращаться в твой мрачный Дом призраков. Можешь пожить у меня. Там заплачено за пару месяцев вперед, и пока я буду...

Он говорил довольно громко, и вдруг неожиданно вмешался Дэйв.

— Говори потише, когда обращаешься к мисс Бекли, -с подчеркнутой таинственностью предупредил он.-Только что появился ее «пират».

Шутка почему-то имела успех и была встречена дружным смехом. Линда подняла глаза и увидела Филиппа, который стоял довольно близко. Клайв предостережение умолкнуть, похоже, принял за дополнительный повод повеселиться.

— Я что, не прав?-заявил он.-Наша мисс Бекли может вернуться в Бирмингем к друзьям. За квартиру пока платить не надо. Здесь же лучше, чем в диком месте сосредоточения призраков. Когда-то и Линда хотела к своим друзьям, подальше от опеки Уорнера, но за недолгое время все так переменялось. И теперь даже трудно придумать, что ей сказать в ответ.

— Ну давай, Линда, — нетерпеливо потребовал ответа Дэйв. — Решайся! Тогда мы снова будем вместе. Расстояние отдалило нас друг от друга, но, я уверен, следующая свадьба должна быть нашей.

Вот новости! Линда передернула плечами. Дэйв говорит все специально для Филиппа. От смущения девушка не нашлась, как поудачней среагировать-не то, чтобы ей совсем нечего было сказать, просто возник дополнительный контроль в лице Уорнера. А тот не остался безучастным к предмету разговора молодых людей.

— Линда живет у меня, — холодно констатировал он. — Даже если она соберется жить в Бирмингеме, то к ее услугам мой дом.

Филипп смотрел только на Линду, возвышаясь над всей компанией, а потом твердо, по своей обычной самоуверенной привычке, взял девушку под руку. Мисс Бекли не сопротивлялась.

— В общем-то мистер Уорнер прав, -кинула она, с трудом выговаривая слова. Ее дрожащие губы попытались изобразить улыбку.-Спасибо за все, Клайв. Я и переехать-то не могу — мои вещи остались там.

— Вещи можно перевезти, — сердито выпалил Дэйв. — Когда ты уезжала, я и не представлял, что ты станешь узницей. Я все еще думал, что мы сможем быть вместе.

— Друзья мисс Бекли-мои друзья. Приезжайте все к нам, — елейным тоном высказался Филипп, отчего Дэйв несколько опешил.

— Приехать к вам?-пробормотал он, тупо уставившись на Уорнера. Тот в ответ изобразил тусклую улыбку.

— Конечно, приезжайте. В любое время до сентября. — И, переведя взгляд на Линду, спросил: — Ну, насколько я понимаю, ты уже справилась со своими обязанностями? Тогда мы уедем вслед за новобрачными.

— Но впереди еще целый вечер... — начал Дэйв и получил в ответ холодную улыбку.

— Не для Линды. У пиратов собственные планы. Эти слова заставили не только Дэйва почувствовать неловкость. Неприятно думать, что Уорнер слышал их недавние слова.

Филипп стоял, не выпуская руку девушки из своей, видимо, ожидая, когда она сама скажет, что готова уйти отсюда. Ждать пришлось не так уж долго. Торжества пришли к своему завершению.

— Ну что ж, — не без иронии в голосе сказал Уорнер, вырывая с автостоянки. — Насколько я понимаю, все боролись за ваше внимание, леди Белинда.

— Я ничего такого не заметила, — возразила Линда.

— Разве? Муж Эмили пытался заманить тебя к себе. Дэйв — про этого и говорить не стоит — влюблен по уши. А тут еще и я со своими претензиями... За тебя боролись трое мужчин, двое

из которых едва не подрались.

Что за чушь! Неужели оба готовы были бороться за нее? Уорнер? Этот обычно боролся не за нее, а с ней.

— Ты ведешь себя отвратительно, — заявила Линда, и ее спутник с готовностью закивал, словно подтверждая ее мысль.

— Да, ты права, — согласился он не без иронии в голосе. — Но, пожалуйста, прими во внимание тот факт, что за тобой обязательно надо присматривать.

— Не надо за мной присматривать! — возмутилась Линда.

— Вот как?

Снова возникло тягостное молчание. И так до самого дома Уорнера. Лишь когда они вошли в холл, Филипп решил поинтересоваться: — Ты поедешь с утра в город или хочешь вернуться в Дом призраков?

Озадаченная его поведением, Линда, чтобы оттянуть время, спросила: — Поужинаем?

Уорнер какое-то время изучал ее встревоженное лицо.

— Хорошо. Но сначала покажешь мне, где ты жила раньше. Переоденься во что-нибудь менее соблазнительное и поедем.

С чего бы он стал таким благоразумным? Видимо, сам понял, что сейчас совершенно ни к чему им оставаться одним в этом доме. Пусть будет, как он хочет, — небольшая экскурсия сможет предотвратить бурю.

В общем, оба оказались правы. Прогулка смягчила — напряжение эмоций. У доживающего свой век старого дома они постояли в полном молчании. Район, конечно, выглядел довольно уныло. Уорнер, пожалуй, и не подозревал о существовании подобных кварталов.

— Где ты собираешься жить, когда начнешь учиться? — поинтересовался он, будто заранее пытаясь ее отгородить от встречи с такой нищетой.

— Я подумаю об этом позже.

— Похоже на тебя! — мрачно констатировал Филипп. — Неужели мисс Бекли устраивает дом такого типа? Опомнись, дорогая! На данном этапе, мне кажется, лучше всего тебе остаться в моем городском доме. Я решил на какое-то время опять рвануть в Австралию.

В ответ — молчание. Он собирается уехать! И значит, они больше никогда не увидятся? А как же Робби? Он возьмет мальчика с собой?

— Ты возьмешь Робби с собой? — еле слышно спросила девушка.

— С чего это ты так заботишься о моем сыне?

— Наверное, потому, что он — это я в его возрасте. Без родителей, без семейного тепла... Только я не была такой стойкой, как он. Думала, что была, а на самом деле... — Линда повернулась к окну. — Мне тяжело думать, что Робби несчастен в этой школе...

— Ты успокоишься, если я пообещаю обсудить с тобой этот вопрос?-спросил Филипп. Изумлению Линды не было границ.

— Серьезно? С чего бы это? Я... я ведь уеду, а ты сказал, что...

— Я много чего говорил, -согласился он, — но придется от чего-то отступить. И причина этому-ты!-Уорнер с угрюмой усмешкой взглянул в зеркало заднего обзора и сосредоточился на дороге. — С тобой быть рядом-все равно что жить в одном доме с собственной совестью.

Линда молчала. Разве сразу осмыслишь такую богатую информацию для размышлений? Теперь вдруг она почувствовала себя в чем-то виноватой. Может быть, из-за скрытых от него хлопот с наследством? Но не время сейчас для подобных объяснений. Он же решил уехать, и неизвестно, сколько им осталось пробыть вместе. Надо обязательно использовать оставшийся шанс. Его отъезд-это конец всему.

Они ужинали в маленьком уютном ресторанчике. Филипп сказал, что заходит сюда всякий раз, когда бывает в Бирмингеме. Разговор не клеился. У Линды было такое чувство, что ему так же, как и ей, трудно поддерживать беседу. Что-то изменилось в их отношениях, но что? Из-за чего? Вот он сидит рядом. Не соблазняя-соблазняет, не уговаривая-способен уговорить. Ох, лучше бы, мисс Бекли, тебе никогда не встречать этого мужчину...

Глаза Филиппа встретились с глазами Линды. Она торопливо отвернулась.

— Пойдем, -приказал Уорнер.

Стало понятно: чего-то она не смогла скрыть от него, что-то, помимо ее воли, читалось в лице, глазах, поведении. Однако обошлось. Ни нотаций, ни наставлений на этот вечер запланировано, видимо, не было.

После возвращения в Дом призраков Линда вдруг поняла, что все отныне будет не так, как раньше. Атмосфера в доме совершенно переменялась. Надо предельно сократить срок пребывания здесь, неважно, что до сентября еще далеко.

Но это означало бы, что запланированные дела останутся незавершенными. Главное, не забыть про обещание, данное Робби.

Какое-то время удавалось избегать встреч. Тем более что писатель сразу же по возвращении засел за работу над новым романом. Лишь утреннее плавание неизменно оставалось в режиме его дня. В редкие минуты, когда два обитателя дома встречались за столом, Уорнер был столь вежлив и уклончив, что девушка после такой застольной беседы с огромным облегчением запиралась в своей комнате. Зато продвинулась в учебе-выполнила огромный объем заданий. Сама от себя не ожидала.

Начинало казаться, что по-другому уже и не будет, но в один из вечеров Уорнер заявил: ужинаем в ресторане. Ну что ж, наверное, у него какие-то свои обязательства перед супругами Фри. Надо сказать, что с момента появления Линды Мэдж ни разу не показывалась здесь. Какими бы ни были отношения этой дамы с Уорнером раньше, приезд Линды, несомненно, на них повлиял.

Ресторан так ресторан. Все лучше, чем это затянувшееся одиночество. Надо вести себя так, чтобы Филиппу даже в голову не пришло, будто она, Линда, ревнует его к Мэдж. Лучше оставаться в тени. Но как раз этого-то ей и не удалось.

— О! Прекрасная Белинда!-шумно приветствовал ее мистер Фри, как только они вошли в ресторан. Мэдж стояла у стойки бара, но, едва завидев Филиппа, мгновенно подскочила к нему и повисла на его руке. Линде ничего не оставалось, как только мило беседовать с Джеком Фри.

Тот задавал дурацкие вопросы об их поездке в Бирмингем, позволял себе двусмысленные шуточки. Очень лочему-то развеселило его то обстоятельство, что мисс Бекли была на свадьбе подружкой невесты.

— Вы останавливались в Бирмингеме у друзей?-полюбопытствовала Мэдж.

Вопрос вроде бы адресовался мисс Бекли, но ответить на него поторопился мистер Уорнер: — Как ты, видимо, знаешь, у меня в Бирмингеме есть свой дом, и, естественно, мисс Бекли жила там.

— А как же ее репутация?-с многозначительной ухмылочкой задал вопрос Джек Фри.

— Не смейся! Она же его племянница! — залилась смехом Мэдж. Ледяной взгляд Филиппа несколько снизил накал ее неожиданного и неестественного веселья.

— Линда мне не племянница. Что касается репутации, то с этим все в порядке, не волнуйся. А до людских пересудов нам нет никакого дела.

Так он словесно расправился с Мэдж и Джеком, а для Линды придумал другое наказание — не перебросился с ней ни единым словом. Они уже ехали домой, когда девушка наконец не выдержала этой пытки молчанием.

— Ты сегодня что-то уж слишком сердит, — осторожно начала она. — Похоже, я опять создаю какие-то проблемы.

— Не ругай себя за глупость других людей, — бросил Филипп. А потом тихо добавил: — В моем общении с супругами Фри есть свои подводные камни, о которых ты не знаешь.

Линда промолчала. Надо быть совершенно слепой, чтобы не замечать этих «подводных камней». Мэдж явно равнодушна к Филиппу, а Джек, судя по всему, не пропустит ни одной юбки. Супруги Фри друг друга стоят.

— Держись подальше от Джека Фри, -сказал вдруг Уорнер, чем очень удивил девушку.

— Мы с ним сегодня и увиделись-то второй раз. Я ведь без тебя никуда не хожу. Он мне совсем не нравится. И если честно, они оба мне не нравятся.

В этот раз Филипп не стал напоминать ей, что речь идет о его друзьях. Вместо этого он, помолчав минутку, сказал: — Если ты хочешь куда-нибудь пойти, скажи мне.

— Я... я вполне довольна своей жизнью. После бирмингемской суматохи это просто каникулы.

— Давай прогуляемся по пляжу, — предложил Филипп. — Сегодня не холодно, а ты одета теплее, чем в прошлый наш визит к Мэдж и Джеку.

Линда поджала губы. Он, конечно, не хотел обидеть ее своим замечанием, но ей ли не помнить, какой дурой она чувствовала себя в тот вечер.

Был час прилива, Филипп посчитал нужным успокоить девушку: — В это время суток море забирается на берег дальше всего, но здесь оно всегда спокойно.

— Живя в таком доме, невозможно не знать моря, — заметила она.

— Что верно, то верно. У всех, чья жизнь связана с морем, особое отношение к нему. Пора бы и тебе выучить его причуды.

Он взял девушку за руку. Какое вокруг умиротворение! Лишь прибой тихо шепчет о чем-то своем. Когда Линда попыталась выразить это состояние спокойного соединения с природой, Филипп рассмеялся.

— Спокойствие это обманчиво. Не успеешь оглянуться, как волны вновь разбушуются.

— Я, наверное, побоялась бы остаться здесь ночью одна, -тихо произнесла девушка. — Место как будто специально создано для пиратов.

— По местным преданиям, в этих пещерах когда-то скрывались контрабандисты. Если их призраки существуют, то они именно здесь.

Призраки? В лунную ночь их представлять себе не страшно. Но не успела она об этом подумать, как вдруг из пещеры вылетела какая-то ночная птица. Линда от неожиданности вскрикнула и уткнулась лицом в грудь Филиппу. Сильные руки крепко и нежно обняли ее. Когда она наконец осмелилась поднять глаза, мужчина насмешливо смотрел на нее.

— Дорогая мисс Бекли, -рассмеялся он.-Ты самая странная женщина из всех, кого я знаю. Снова забыл, сколько тебе лет? Порой ты ведешь себя как ребенок.

Она бы с удовольствием унеслась с ним хоть на край света. Как это было бы прекрасно-следовать за любимым человеком, куда бы тот ни позвал. Девушка доверчиво смотрела ему в глаза. С лица Уорнера сошла его насмешливая улыбка.

— Не надо!-резко бросил Филипп, но Линда не отвела взгляда.

— Я же ничего не делаю, -прошептала она. Руки Уорнера сильно сжали хрупкие плечи девушки.

— Нет, делаешь, -хрипло ответил мужчина.-Ты стоишь здесь как невольница-покорная, смиренная, будто ждешь чего-то неотвратимого.

Слова и особенно тон, каким они были высказаны, удивили. Линда попыталась было освободиться из его объятий, но не сумела. Или не захотела? Филипп быстро расстегнул ее пальто и его руки обвили хрупкое податливое тело девушки, а губы приникли к нежному рту в страстном поцелуе.

— Ты как черный бархат, — прошептал он. — Здесь, у моря, теряется реальность. Ничто не имеет значения, кроме тебя, твоих объятий, твоих поцелуев.

Линда не могла сопротивляться его напору. Горячие поцелуи покрывали ее лицо, шею, а она, обхватив руками сильные мужские плечи, радостно отдавалась любовному натиску. Филипп прав: ничто не имеет значения. Реальность исчезла — остался лишь этот короткий миг посреди вечности: лунный свет, шепот моря и этот изумительный мужчина.

Он оторвался от губ Линды, но она вновь потянулась к нему, и Филипп еще сильнее прижал ее к себе, и требовательные губы в который уже раз прильнули к зовущему рту девушки. Ее руки непроизвольно все крепче сжимали сильные мужские плечи, словно она старалась слиться с

ним в единое целое.

Он страстно желал Линду, все его существо трепетало от каждого нового прикосновения к разгоряченному юному телу. И девушка с неистовым пылом отвечала на его поцелуи, возбуждение разливалось в ней огненной лавой. Сердце отчаянно стучало.

Но вдруг Уорнер остановил это полуночное безумие. Не разжимая рук, он отстранил Линду, не давая той возможности дотянуться до него губами.

— Хватит, мисс Бекли, — тихо произнес он. Хватит!

Девушка еле слышно всхлипнула. Горечь и разочарование смешались в этом звуке, что не скрылось от Филиппа.

— Ты ничего такого не сделала, за что должна себя корить, — сказал он. — Я привел тебя сюда. Это была целиком моя идея. Все начал именно я, но теперь пора остановиться.

— Почему? — печально спросила Линда.

— Ты когда-нибудь раньше испытывала такие чувства? — мягко спросил Уорнер и, когда она в ответ покачала головой, взял ее лицо в ладони. — Я так и понял, при первой же нашей встрече. Ты совсем неопытна, и именно поэтому-то мы должны остановиться.

Не успела Линда ничего толком понять, как он уже помогал ей подниматься наверх. Они вошли в дом, и волшебство исчезло.

Девушка стеснялась поднять на него глаза. И, может быть, именно поэтому Филипп, угадав ее состояние, взял ее за руку и повел в гостиную. Линда робко присела на краешек дивана, а тот пошел к бару.

— Выпьем немного бренди, — заявил он, протягивая ей бокал. Немой укор в глазах девушки почему-то развеселил его. Но через секунду, серьезно взглянул ей в лицо, он твердо сказал. — Я должен уехать отсюда.

Она вскинула голову, и, видя ее печальные глаза, мужчина в ответ лишь пожал плечами.

— Черт побери, ты же сама прекрасно знаешь, что мне не остается ничего иного. Так не может продолжаться. С тех пор как ты здесь, я просто потерял себя. Я совершенно пленен всем, что ты делаешь. Я хочу удержать тебя здесь навсегда. Сам себя не узнаю. Живу как лунатик. Ненавижу твоих друзей только за то, что они знают тебя. Одно желание: чтобы ты принадлежала мне одному. Но я не имею на это права, потому что ты дочь Джона.

Линда не смогла сдержать улыбки, хоть внутренняя скованность не отступила.

— Но... но если ты меня любишь... — начала девушка.

— Я сказал, что хочу тебя, — оборвал он. — Хочу спать с тобой, владеть тобой. Но это не любовь, а чисто физиологическое влечение.

Ну не человек, а дьявол какой-то! Увлеч, очаровал, был в шаге от желаемой им близости, сам укротил свою страсть и сам снова заявляет о всепоглощающей силе страсти.

— Тебе незачем уезжать, — дрожащим голосом произнесла Линда. — Уеду я, теперь у меня для этого есть и причина, и возможность. — Филипп хотел что-то сказать, но она жестом пресекла

попытку возражения. -Думаю, что смогу получить деньги, оставленные мне в наследство. В Бирмингеме я виделась со своим адвокатом. Он считает, банк не вправе задерживать выплату денег, потому что я поступаю в университет. За четыре года к капиталу добавились проценты. Так что проблем у меня не будет. Поэтому я вполне могу уехать.

— Нет!-почти закричал взволнованный собеседник и в два шага оказался возле нее. — Категорически возражаю! Здесь намного безопаснее. Возможно, Салли согласится ночевать в доме, и ты сможешь спокойно продолжать свои занятия.-Он вдруг понял, что вновь навязывает свое мнение, но тем не менее уже более спокойным голосом твердо заявил: — Как бы то ни было мне лучше пишется в Бирмингеме. А так я буду знать, где ты и что с тобой.

Линда мгновение оценивающе смотрела на него, потом снова присела на диван. Она не станет вести себя как томящаяся от любви девчонка. Не одному мистеру Уорнеру демонстрировать свои деловые качества, мисс Бекли тоже не лишена жизненной хватки.

— Отлично, -спокойно согласилась она. — Но и у меня есть кое-какие соображения на этот счет, есть и свои планы на будущее. Я поступаю в университет и начинаю новую жизнь, но что будет с Робби? Через месяц он заканчивает учебу.

— К этому времени я вернусь, -пожал плечами Филипп. Судя по всему, до этого мгновения мысль о сыне не слишком тревожила его, а может быть, и вовсе не приходила в голову. — Но если ты хочешь это время тоже побыть в городе...

— Нет, не хочу!-резко заявила девушка. — Я обещала Робби помощь, и ты сказал, что мы это обсудим.

— О Господи!-простонал Филипп, закрыв ладонью глаза. — Я не желаю обсуждать судьбу моего сына в такой момент.

— Хорошо, поговорим на эту тему завтра, — не ослабила напора Линда.

— Завтра я уезжаю, — заявил он. Девушка плотно сжала губы, стараясь подавить слезы, готовые брызнуть из глаз. Она поднялась и решительно двинулась к двери, бросив через плечо: — Значит, найдем минуту для беседы до твоего отъезда.

Уорнер обратил к ней усталое лицо.

— Ты когда-нибудь хоть в чем-нибудь мне уступишь?-с мягкой усмешкой спросил он. Девушка уже была в дверях. Вцепившись пальцами в дверной косяк, она твердо ответила: — Нет! Не уступлю.

Глава девятая

Странно, но прислушиваясь к себе, она вдруг со всей полнотой ощутила свою причастность к дому, в котором безраздельно властвует Уорнер. Почувствовать родство с домом, ну не глупо ли? Именно это ощущение придавало ей силы когда на следующий день после завтрака она отправилась на поиски Уорнера.

Когда Линда постучала в дверь кабинета, Филипп упаковывал книги и бумаги. Подняв голову, он с опаской взглянул на девушку.

— Мы собирались поговорить о Робби, — заявила решительная гостья. Филипп молча усадил ее в кресло, а сам присел на краешек стола.

— Хорошо. — В тоне, во всем его облике чувствовалось напряжение. — Если этого разговора не избежать, давай покончим с ним побыстрее.

— Начнем с того, что это было твоё предложение, — напомнила Линда. — Конечно, меня это не касается, и мне не хотелось бы навязывать своего мнения.

Филипп смотрел на нее со спокойной серьезностью, что было необычно и потому тревожило.

— Тем не менее ты выдвигаешь свои требования, — хмуро заметил он. — Которые я вряд ли стану выполнять.

— Может быть, и станешь, — возразила Линда. — Я тоже дала обещание и уж постараюсь его исполнить.

Уорнер театральным жестом воздел руки к потолку и принялся расхаживать по комнате.

— Господи, ну что мне с тобой делать! Я чертовски мягок с тобой!

Он мягок! Это новость!

— Допустим. Правда, у тебя своеобразное проявление мягкости. Ну хорошо, объясни, почему ты чертовски мягок со мной?

Филипп на секунду остановился в недоумении, а потом плюхнулся в свое кресло и решительно произнес: — Хорошо! Давай поговорим!

— Почему Робби не может учиться в обычной школе рядом с домом? — вопрос был задан спокойным, серьезным тоном. — Я знаю, что сейчас мальчик очень расстроен поведением учителя физкультуры. Было бы гораздо лучше, если бы Робби каждый день ходил в школу и возвращался в свою семью. Ведь он еще такой маленький!

— Все не так-то просто, — проговорил Филипп. — Иногда я уезжаю на день-два. Что ребенок тогда будет делать? Как он вечером доберется домой? Кто за ним присмотрит?

— Салли! И, насколько мне известно, в большинстве школ есть свои автобусы. А Салли его здесь встретит. Ты ведь не все время отсутствуешь.

— А если нет школьного автобуса? — гнул свою линию Уорнер.

— Мы можем найти школу, где он есть. Тогда все остальные вопросы отпадут сами собой...

— Мы? — тихо спросил Филипп. — Ты относишься к своей роли друга Роберта настолько серьезно? — Он смотрел прямо в глаза Линды, и та выдержала этот взгляд.

— Во всяком случае, достаточно серьезно, чтобы ты мог рассчитывать на мою помощь в решении этого вопроса. Вплоть до конца августа.

— Я помню, — проворчал Уорнер, поднимаясь и огибая стол. — Я подумаю об этом. А теперь, если ты не возражаешь, мне необходимо заняться своими делами.

— Когда ты уезжаешь?

И екнуло ее сердце, когда прозвучал небрежный ответ: — Как только отнесу свои вещи в машину. — Девушка молчала, а он смотрел на ее совершенно потерянное лицо. — Судьба не

слишком к нам благосклонна, Линда, -с долей грусти в голосе заметил Уорнер.

— Раз так, тогда надо изменить судьбу! — В ее голосе дрожали слезы. Линда повернулась к двери, но, услышав, как он окликнул ее, не оборачиваясь, остановилась. Только бы не видеть его глаз в такой момент.

— Тебе что-нибудь нужно?-у Линды внутри все сжалось от неожиданной нежности этого низкого голоса.

— Нет, ничего. Я же говорила, что, скорее всего, получу свои деньги.-Она обернулась с горестным вызовом на лице.-Мне тоже надо в Бирмингем. В общем, когда ты вернешься, меня здесь уже не будет.

Какое-то мгновение Филипп оставался серьезным, но потом на его губах заиграла лукавая улыбка. Он подошел к девушке.

— Я почему-то так не думаю. Мне кажется, призраки и шум морских волн удержат тебя здесь.- Уорнер стоял совсем близко. — Готов поспорить, что это так.

— Тогда почему ты не хочешь остаться?-еле слышно спросила Линда. Он нежно взял ее лицо в свои ладони.

— Ты все прекрасно понимаешь, — твердо сказал Филипп.-А теперь иди и позволь мне спокойно собрать вещи. У этого безумия нет будущего. Я не стану совращать дочь Джона.

Он легонько подтолкнул девушку к двери, и та покорно ушла, признавая свое поражение. Впрочем, если быть до конца честной, она и не собиралась побеждать. Филиппа тянет к ней лишь потому, что она поразительно похожа на свою бабушку. Малая заслуга для внучки! На самом деле он продолжает любить Доминик.

Через две недели пришло письмо из банка. Мисс Бекли разрешалось получить деньги в любое удобное для нее время. Для чего достаточно лишь заполнить бланки, что позволит ей открыть собственный счет. Линда и помыслить не могла о такой удаче и немедленно приступила к заполнению необходимых бумаг. Лучше оформить все как можно быстрее. Возвращение хозяина дома ничего не изменит и, возможно, ей придется уехать задолго до конца августа.

Линда была настроена столь решительно, что понесла бланки на деревенскую почту в тот же день, хотя Салли предупреждала ее о надвигающемся шторме.

Небо еще оставалось голубым, да и море шумело лишь чуточку громче обычного. Но в 'воздухе чувствовалось приближение бури.

На полпути к дому Линде пришлось отойти на обочину дороги, чтобы пропустить чью-то машину. Но машина почему-то остановилась. Сквозь приоткрытое окно ухмылялось лицо Джека Фри.

— Потерянная и одинокая?-участливо спросил он, окидывая девушку оценивающим взглядом.

— Ничуть!-резко отозвалась та. — Я ходила на почту и решила прогуляться.

— Почему вы не заходите к нам поужинать? — поинтересовался Джек.

Линда с огорчением отметила, что этот несимпатичный ей человек выходит из машины с

явным намерением продолжить разговор.

— Мистер Уорнер в Лондоне, а меня вполне устраивает стряпня Салли, — заявила она.

— Так вы совсем одна в Доме призраков? — вопрос сопровождался многозначительным взглядом.

— Нет, конечно! Филипп никогда бы этого не допустил. Салли живет в доме до его возвращения.

— Вы должны были дать мне знать. Я сумел бы организовать пару увеселительных прогулок. Например, съездить за покупками в соседний городок. Уорнер, наверное, не берет вас так далеко.

— Мы оба очень заняты, — отрезала Линда, пытаясь принять вид деловой женщины. — Ну, мне пора. До обеда надо еще кое-что успеть.

— Залезайте в машину. Я вас подброшу. Девушка колебалась. Отказаться вроде бы невежливо, но уж очень нехорошее выражение лица у этого господина. И с чего бы ему понадобилось ехать по этой дороге? Она ведет лишь к вересковым зарослям. В это время года мимо Дома призраков почти никто не ездит. Значит, этот человек увидел, как она шла из деревни, и поехал следом.

— Мне очень нравится ходить пешком, — ответила Линда, сопровождая слова лучезарной улыбкой. Но только было собралась продолжить путь, как с неба упали первые холодные капли.

Джек скептически смотрел на нее.

— Вы промокнете до нитки. Дождь, похоже, будет сильный. Садитесь, я довезу вас за считанные секунды.

И впрямь, стоит ли быть такой уж мнительной в отношении мистера Фри? Хоть Филипп и предупреждал держаться от того подальше, но интуиция еще никогда ее не подводила. Что может случиться в это время и так близко от дома? Она села в машину с такой явной неохотой, что это развеселило Джека.

Через несколько минут они были у дома, но как ни услужлив был водитель, он не рискнул въехать во двор, а остановил машину у ворот. Дождь уже лил как из ведра, Линда взялась за ручку дверцы.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила она.

— Подождите минутку. Давайте немного посидим и поболтаем.

Она наклонилась к Линде, и та отпрянула.

— У меня действительно нет времени, — сказала она.

Собеседник нашел ее слова забавными.

— Нам много времени не потребуется.

Его рука обвила шею девушки. Линда поняла: если сейчас не удастся выйти из машины, то дело ее плохо. Она открыла дверцу и едва не выпала на дорогу. — Мисс Бекли! Подождите

минутку! — Джек выскочил из машины, обежал ее и схватил девушку за руки. Линда с силой оттолкнула его. — Дура!-прорычал он. — Не строй из себя невинную девочку.

Джек снова схватил ее, но и на этот раз ей удалось вырваться. Тут, на ее счастье, вдруг послышался звук подъезжающей машины и скрежет тормозов. Помощь пришла в самый неожиданный момент. Линда обернулась, чтобы поблагодарить неизвестного спасителя, и смертельно побледнела, столкнувшись лицом к лицу с Уорнером. Тот был просто в бешенстве.

— Иди в дом! — приказал он, гневно окидывая взглядом девушку.-Ты и так уже промокла.

— Я предлагал подвезти ее до дома, — заговорил Джек.

Мерзавец! Говорит так, будто ничего не произошло, и еще ухмыляется при этом, словно речь идет о какой-то истеричке или того хуже. И что теперь ей делать, если Филипп поверит не ей, а Джеку?

Линда уже не обращала внимания на холодные струи, стекающие по ее лицу. Все что угодно, лишь бы не видеть презрения в знакомых янтарных глазах. Она уже никогда не осмелится взглянуть в лицо Уорнеру. Тот мог подумать все, что угодно. Решит, будто это она заигрывала с Джеком. Линда свернула на тропинку, ведущую к пляжу, не замечая все возрастающего шума моря и усиливающегося ливня.

Это было совсем не похоже на ту памятную прогулку по пляжу с Филиппом. Девушка, наклонив голову, с трудом брела по песку под рев волн. Но до нее не доходил этот ужасающий звук — голова была полна страха и невысказанных вопросов. Почему Филипп вернулся так скоро?

Но как же пугающ этот человек в гневе! Он ведет себя так, еще ничего толком не выяснив, а когда узнает историю из уст Джека? Старый знакомый в большом доверии. Так что вся его ярость обрушится на нее одну.

Линда пришла в себя, лишь когда холодные языки волн стали касаться ног. Куда ее понесло? Забывшись, девушка прошла довольно далеко: знакомый утес остался позади. Пляж окружали высокие скалы, и не было ни одной тропинки наверх. Не видно уже ни Дома призраков, ни сада.

Она с ужасом отпрянула назад, когда огромная бурлящая волна с грохотом ударилась о скалу, которую Линда только что миновала. Девушка оказалась на крошечном пятачке пляжа, со всех сторон окруженная бушующим морем. Она бросилась бежать. Если удастся пробиться назад сквозь волну, то можно будет найти уголок, куда морю не добраться. Пенящиеся волны на мгновение отступили назад. Только бы удержаться на ногах, иначе ей конец.

Небо потемнело, затянулось мрачными тучами. Она бежала все быстрее, высматривая дорогу в тусклом сумеречном свете. Вдруг ее нога, ударившись обо что-то, соскользнула с покрытого водой валуна, и Линда упала, больно ударившись о камни.

Попытка подняться не удалась-слишком сильной оказалась боль в ноге. С усилием приподнялась из ледяной воды и уцепилась за какой-то камень. Большого сделать было невозможно. Слезы смывались струями дождя. Плачь-не плачь, а выхода нет. Ей уже не суждено увидеть Филиппа. И ему будет особенно горько оттого, что она, как и ее бабушка, исчезнет в морской пучине.

Линда дрожала от холода, а волны, казалось, грохотали с удвоенной силой. Слабый крик,

зовущий ее, показался девушке плодом ее воспаленного воображения. Она с усилием вглядывалась во тьму, и вдруг сердце подскочило от радости. Прямо к ней бежал Филипп, и спустя считанные секунды он подхватил на руки уже совсем обессиленное тело девушки.

— Линда! — Уорнер крепко сжал ее в объятиях, уткнувшись лицом в мокрые рыжие волосы. — Благодарение Богу, ты жива. Салли случайно увидела, как ты спускалась к пляжу.

Он прижимал ее к себе так сильно, что трудно было дышать.

— Меня со всех сторон окружали волны, — выдохнула Линда в его плечо, дрожа как осиновый лист.

Он нежно смотрел на девушку, которая, пытаясь согреться от его горячего тела, прижималась все теснее.

— Ну вот-теперь ты знаешь, что такое шторм. Почему ты не пошла домой?

— Не знаю. Я думала, ты очень рассердился. Прости. — Она уткнулась лицом в куртку Филиппа.

— Ничего, -тихо отозвался тот. — Главное, что все кончилось благополучно, дорогая.

Какое блаженство слышать нежность в его голосе. Никогда и никто не называл ее так. И не смотря на холод и ноющую лодыжку, Линда чувствовала себя счастливой. Любимый человек вернулся!

Салли открыла дверь, изумленно взирая на них, промокших и продрогших.

— Она в порядке?-обеспокоенно спросила женщина. Филипп утвердительно кивнул.

— Только немного вывихнула лодыжку. Сделай ей горячего чая, Салли, и можешь собираться домой. Я вернулся, и значит, нет нужды тебе здесь оставаться.

— Отлично, сэр. Мой дом меня уже заждался. Надо позвонить сыну, чтобы он приехал за мной. Для одного вечера слишком много промокших до нитки.

Линда вдруг почувствовала ужасную неловкость, оттого что Филипп держит ее на руках.

— Я могу сама... — заерзала она, но мужчина, не обращая на это внимания, понес ее к лестнице.

— Сначала примешь горячий душ, а .потом мы обсудим, что ты можешь сама, — твердо заявил он.

Уорнер отнес ее в комнату. Странно, сейчас, в тепле уютного помещения, оба почему-то утратили ощущение душевного родства. Там, на каменистом морском берегу, они были ближе друг к другу. Вот и в голосе его прозвучали едва уловимые нотки отчуждения: — Ты сможешь сама принять душ?-спросил он и, когда девушка кивнула в ответ, повернулся к двери.-Я переоденусь и принесу тебе чай. — Уход Филиппа был стремителен, что Линде показалось предвестием надвигающихся неприятностей. Она вошла в ванную и закрыла дверь. Те перь, когда речь уже не идет о спасении ее жизни, он, чего доброго, начнет спасать ее душу. Заботиться о ее моральном облике. С его точки зрения, она вела себя с Джеком неправильно. И сейчас, видимо, именно эти мысли бродят в его голове.

Горячий душ унял наконец дрожь. Боль в лодыжке немного поутихла. Линда не спеша вышла из ванной, промокая полотенцем свои рыжие кудри. И в этот момент на пороге появился Филипп с чашкой чая в руках. Он тоже принял душ и переоделся. Девушка поплотнее запахла полы махрового халата, присела на край кровати и взяла из его рук чашку. Ей стоило большого труда взглянуть Уорнеру в лицо.

— Все в порядке?—спойно спросил он, и, когда Линда молча кивнула, подошел и присел перед ней на корточки. — Давай я посмотрю твою лодыжку.

Он взял ногу девушки в ладони, прежде чем она успела возразить. И стоило Филиппу коснуться ее, как она почувствовала томительную слабость. По всему телу разлилась теплая волна. Это был сильный чувственный сигнал, вызванный одним лишь прикосновением нежных мужских пальцев.

В доме было очень тихо. Шум моря едва слышался. Подъехала машина за Салли, и Линду вдруг охватила непривычная робость. Она бы сейчас не могла объяснить ни себе, ни ему истинную причину своего смущения.

— Уже почти не больно. — Голос ее звучал хриловато.—Я просто поскользнулась на мокром камне.

Филипп поднял на нее глаза и сказал именно то, чего она так боялась.

— Расскажи мне о Джеке Фри.

Девушка тихо поведала ему о том, что случилось. Она не знала, насколько честной и откровенной выглядит в его глазах. Может быть, весь ее рассказ кажется ему фальшивым и неискренним. Глаза Филиппа скользили по ее лицу, в уголке рта слегка подергивался мускул. Человек явно рассержен, и причина тому может быть одна—он не верит ей.

— Это правда! Я не знаю, что он тебе навывдумывал, но...

— У него не было возможности что-либо мне сказать, — мрачно заметил Уорнер и, поднявшись, принялся нетерпеливо расхаживать по комнате.—Я слишком хорошо знаю этого человека, чтобы тратить время на разговоры с ним. В любом случае твоя безопасность гораздо важнее его грязных рассказов.

— Я... я думала, вы друзья, — пробормотала Линда. Уорнер криво улыбнулся.

— Не хочешь ли ты сказать, что подозреваешь, будто у меня интрижка с Мэдж? Ты ведь, недолго думая, решила именно так? Джек не пропускает ни одной юбки, и, мне кажется, Мэдж намеренно намекает на нашу с ней якобы возможную близость в порядке самозащиты. Да, с ее стороны были сделаны кое-какие шаги к сближению. Но я не принял ее лестного предложения. Похоже, ее попытки вызвать в Джеке ревность никак не повлияли на его многочисленные сомнительные связи.

— Я и предположить не могла ничего подобного. Наверное, поэтому я ей и не понравилась, — заметила Линда. Филипп улыбнулся, увидев виноватое выражение ее лица.

— Мэдж никогда не говорила, но, насколько я мог заметить, это действительно так. Ей не особенно приятно, что ты живешь у меня. Мэдж не могла не заметить моего отношения к тебе.

— Может быть, миссис Фри вела бы себя поспокойней, узнай она о том, что если ты ко мне и

неравнодушен, то только потому, что я очень похожа на свою бабушку.

— Что?! — Филипп резко повернулся и уставился на Линду. — Ты что, считаешь меня сумасшедшим? Твоя бабушка умерла, когда я был совсем маленьким! Мои чувства к тебе не имеют никакого отношения к Анне Уорнер.

— Я... я просто подумала...

— Не пора ли тебе начать верить своим собственным глазам? Ты же прекрасно знаешь, почему я уехал отсюда.

— Ты же вернулся, — обескураживающе просто заявила Линда.

— Я не собирался возвращаться и даже оставил все свои вещи в городе. — Руки Филиппа терзали худенькие плечи девушки, его голос срывался. — Но, так или иначе, ты нужна мне, Линда. Сегодня я думал, что потерял тебя.

— Прости, что я тебя так напугала, — прошептала та. Ее глаза застилала слезы, она едва видела бледное лицо Уорнера, который, скользнув ладонями под ворот ее халата, нежно гладил пальцами шелковистую кожу плеч.

— Ты пугаешь меня с того самого дня, когда впервые появилась в этом доме, — взволнованно говорил он. — Слишком молодая, слишком яркая и, к тому же, дочь Джона. Я должен был отпустить тебя обратно в Бирмингем. — Мужчина скользнул ладонями по ее шее легонько касаясь большими пальцами подбородка. — Прекрасно знал, чем это может закончиться, до желания постоянно видеть тебя было сильнее здравого смысла. Я хочу тебя, Линда. И не могу сопротивляться этому желанию.

Филипп жадно припал к губам девушки, и та с готовностью подалась ему навстречу. Она тоже хотела его. Может быть, вся жизнь Линды готовила ее к встрече с этим мужчиной. Ни разу не испытывая сексуального влечения, она была совершенно потрясена глубиной своих чувств к Филиппу.

Тело Линды сейчас уже не подчинялось ни ее воле, ни голосу рассудка. Когда ищущие руки мужчины стянули с нее халат, она с готовностью отдалась теплым ладоням, ласкающим ее. Грудь ее подалась навстречу ему, соски набухли и затвердели. Филипп слегка отстранил девушку, пожирая глазами ее прелестную фигуру. В розовом свете лампы вся она, казалось, светилась нежнейшими золотыми бликами. Лицо мужчины потемнело от желания.

— О Боже! Ты так прекрасна, — простонал он, резким движением стянул с себя рубашку и крепко прижался к Линде своим обнаженным торсом. Рукой он накрыл нежный холмик ее груди, играя большим пальцем с напряженным розовым бутонем соска.

Потом опустил голову и приник к нему губами. Задохнувшись от мучительного восторга, девушка выгнулась всем телом. Желание огненной лавой разливалось по каждой клеточке ее существа, отдаваясь сладостной болью. С губ сорвался стон наслаждения.

— Не останавливай меня, любовь моя, — выдохнул Филипп. — Слишком поздно.

— Я сама не хочу останавливаться, — шепнула Линда и, чувствуя все нарастающую пульсацию его мужского естества, вся раскрылась навстречу ему. Филипп ласкал ее спину, наслаждаясь ощущением близости.

— Поцелуй меня, -простонала девушка. Поцелуй, который стал ответом на ее прорьбу, был таким, что она едва не потеряла сознание от остроты чувственного удовольствия.

Через мгновение Линда что-то тихо прошептала и потянулась к поясу мужских брюк, впившемуся в ее нежную кожу. Разгоряченный мужчина все понял без слов. Не отводя губ, он расстегнул ремень и скинул на ковер остатки одежды, впервые предоставив Линде возможность целиком почувствовать свое сильное возбужденное тело.

Губы Филиппа становились все тверже, все требовательней. Линда обвила его шею руками, и он резко притянул девушку к себе, давая прочувствовать всю силу своего желания. И тут он подхватил ее на руки и опустил на кровать, сразу же накрыв своим мощным телом тело Линды.

Легко скользнув ладонью по ее изящному подбородку, мужчина отыскивал губы пылающим ртом. Губы девушки с готовностью разомкнулись, и обжигающее вторжение его языка отозвалось где-то внизу сладкой болью. По всему телу Линды разливалось блаженное тепло, ей казалось, что она вот-вот умрет от наслаждения.

Она смутно слышала стоны, с трудом осознавая, что эти страстные звуки рвутся из нее самой. Но ей уже хотелось большего. Все тело ее требовало, умоляло о продолжении.

— Линда! Нет, — потрясение прошептал Филипп.-Я никогда не ожидал увидеть тебя такой. Я не могу причинить тебе боль.

— Сейчас! Сейчас! — молила она. — Пожалуйста, Филипп...

Его взгляд разливался по лицу девушки как расплавленное золото, и даже в такой момент Линда поймала себя на том, что любит эту смуглой кожей, этой твердой линией подбородка. Прядь блестящих черных волос упала ему на лоб. Фиалковые глаза девушки расширились в немом изумлении, когда она, наконец, поняла, что все происходящее — явь. Она дрожащими пальцами коснулась любимого лица и прошептала: — Ты так прекрасен, Филипп. Люби меня сейчас. Или я умру.

— Дорогая... — Голос мужчины прозвучал хрипло, как-то по-новому волнующе, и он вошел в сладостную теплую глубину ее тела.

Линда резко вскрикнула, и комната поплыла у нее перед глазами. Тело словно перенеслось в другой мир, погружаясь в невероятный, фантастический экстаз. Все ее существо содрогнулось в сладостном спазме. Смутно, сквозь какую-то дымку она услышала стон наслаждения Филиппа, слившийся с ее неистовым воплем.

Линда не чувствовала ничего, кроме всеобъемлющего счастья. Лишь спустя несколько минут она вдруг заметила, что ее ноги обвили его талию, а Филипп, не разжимая сильных объятий, уткнул лицо в ее грудь. Она откинулась на подушки, чувствуя невероятную томящую слабость. Мужчина осторожно приподнялся, и в этот момент словно исчезли волшебные чары.

Глаза Линды наполнились слезами, которые серебристыми капельками стекали по щекам. Филипп долго смотрел на нее, потом лег рядом, обнял, позволив плакать на своей груди.

— Прости, — тихо прошептала девушка сквозь душившие ее рыдания. — Это не потому что... То есть, ты не сделал мне больно... Я не знаю почему...

— Это у тебя было в первый раз, — мягко произнес Филипп, но Линда знала: дело не только в этом. Просто она любила Филиппа больше, чем даже могла себе представить.

Когда Линда открыла глаза, было раннее утро. Филиппа рядом не оказалось. Она долго лежала, терзаемая всевозможными предчувствиями, восстанавливая в памяти события прошедшей ночи. Ее любимый позволил наконец давно подавляемому желанию вырваться из-под контроля железной воли. Но ведь ничего же, собственно, не изменилось. Он по-прежнему любит Доминик, и даже если он действительно хочет, чтобы Линда осталась в его доме, вряд ли ей удастся смириться с подобной ситуацией, где третьей в любовном треугольнике постоянно присутствует покойная красавица-жена.

Линда любила Филиппа так сильно, что одно лишь напоминание о другой женщине само по себе уже было невыносимо. У него тоже хватило времени подумать, и, возможно, он уже сожалеет об этой ночи. Значит, надо дать понять Филиппу что ее не обескуражит его решение, каким бы оно ни было.

Линда спустилась вниз. Уорнер был на кухне и резко обернулся, когда она вошла. На его лице было именно то выражение, которое девушка с ужасом ожидала увидеть. Человек сожалел о случившемся. Линда глубоко вздохнула и приготовилась играть роль легкомысленной юной леди, которой не так уж и важно, что о ней думают.

— Салли еще не пришла?-беспечным тоном поинтересовалась она.

Филипп снова повернулся к кухонному столу, продолжая начатое дело, и бросил через плечо: — Она не придет сегодня. Кажется, она очень сильно простудилась.

— Как странно.-Линда изо всех сил старалась казаться веселой.-Учитывая, что вчера промокли только мы с тобой.

Уорнер улыбнулся в ответ. Казалось, он был очень благодарен ей за жизнерадостную болтовню. Интересно, как ведут себя другие люди после бурной ночи любви?

— Прошу к столу, — объявил Филипп и поставил перед ней на стол чай и тосты. — Если Салли будет долго отсутствовать, нам придется взять заботу о еде на себя.

— Я вполне прилично умею готовить. — Линда принялась деловито разливать чай.-Хотя скоро меня здесь не будет. Я собиралась поговорить об этом с тобой, когда ты вернешься, но...

— ...События застигли нас врасплох, -напряженно договорил за нее Уорнер.

— Да.-Линда чувствовала, что ее лицо заливается краской. — Пока тебя не было, банк перевел все наследство на мой счет. Они сочли это возможным, потому что я поступаю в университет. Филипп молчал.

— Капитал немного вырос, -торопливо продолжила она.-Теперь я смогу жить на свои средства. Я и понятия не имела, что там так много денег.-Она подняла голову и, столкнувшись с пристальным взглядом Уорнера, не отвела глаз, хотя в такой момент это было очень непросто.- Значит, теперь у меня больше нет необходимости так беззастенчиво пользоваться твоим гостеприимством. Я решила сегодня же вернуться в Бирмингем.

— К чему такая спешка?-резко спросил Филипп, но вопрос не застал ее врасплох. Ответ был приготовлен заранее.

— Мне лучше уехать сейчас. Мы оба знаем, что...-Она смутилась и была рада, что мужчина,

кажется, этого не заметил.

— Ты можешь жить в моем доме, -сухо предложил он. Девушка покачала головой.

— Я не хочу быть в чем-то...

— Связанной со мной?-горько заметил Филипп.

Линда почувствовала легкую досаду. Она ведь делает это не столько для себя, сколько для него. Человек явно сожалеет о минувшей ночи... И потом эта вечная тень Доминик... Даже если Уор — нер, предположим, захочет соединить свою судьбу с мисс Бекли, толку из этого не будет. Призрак другой женщины станет на пути к счастью. Неужели не понятно?

— Позволь мне закончить, -решительно проговорила Линда.-Я лишь хотела сказать что не хочу возлагать на тебя ответственность за мою жизнь. Я давно уже выросла.

— Да, я знаю. После минувшей ночи я могу в этом не сомневаться. — Филипп твердо смотрел на нее. Его прищуренные глаза мерцали как золотистый янтарь. — Стать твоим первым возлюбленным большая честь. Кто будет следующим? Надеюсь, не Дэйв?

— Я не собираюсь продолжать подобный разговор, да еще в таком тоне, — тихо сказала Линда, избегая смотреть на собеседника. Этот человек причиняет ей сейчас такую боль, что самым первым желанием было вскочить и выбежать вон.-Давай постараемся остаться цивилизованными людьми. Рассчитывая на твое понимание, я говорила-и не раз, -что у меня есть свои собственные жизненные планы. Для тебя я была в достаточной степени обузой и больше не хочу ею быть. Отныне полагаюсь только на себя саму и собираюсь вырваться из-под опеки, чтобы больше не мешать твоей жизни.

— Я высоко ценю твою рассудительность. Мне самому отвезти тебя в Бирмингем?-холодно поинтересовался Филипп. Он поднялся, оставив завтрак нетронутым. Поднялась и она.

— Я возьму такси до станции. Когда найду себе жилье, пришлю за вещами.

— Прямо-таки необходимо действовать столь стремительно? Где ты будешь жить во время поисков квартиры?

— Приму предложение Клайва, -спокойно отозвалась девушка.

— Понятно, -произнес Уорнер.-Такое юное создание и с такой жизненной хваткой!

— Моя нелегкая жизнь научила меня умению выживать.

Филипп с мрачноватым видом смотрел на собеседницу, потом печально улыбнулся и одобрительно кивнул.

— Тебе не откажешь в здравомыслии. Из нас двоих ты более рассудительна. Я же позволяя чувствам возобладать над разумом. — Ну что ж, действуй, как считаешь нужным.

Он вышел из кухни и удалился в свой кабинет. Странно, что так тихо закрылась дверь — обычно в досаде Филипп хлопал ею со стуком. Значит, не гнев заставил его прекратить их трудный разговор, Человек переживает, и виной тому она, Линда. Как же все у нее получается нескладно! Не хотела обидеть-обидела. Хотела уберечь от боли, а вышло, что только больнее сделала.

Она быстро поднялась в свою комнату и, бросившись ничком на кровать, разрыдалась. Хорошо хоть он этого не видит. Пусть никогда и не узнает, чего ей стоило принятое ею решение.

Линда тщательно уничтожила следы слез на лице. Жаль, конечно, уезжать отсюда. Вот и Робби будет скучать, когда вернется домой. Но не стоит сейчас думать об этом.

К дому подъехало такси. Линда спустилась и поставила чемоданы у входной двери. Хорошо, что Салли нет дома. Сейчас совсем уж было бы нн к чему видеть ее приветливое и участливое круглое личико.

Линда — замерла в нерешительности у двери кабинета. Это их последнее расставание и надо, чтобы — все выглядело достойно. Она громко постучала, вошла, прежде чем услышала ответ и была совершенно потрясена, увидев Уорнера, неподвижно сидящим в кресле и уставившимся в пространство. Скорее можно было ожидать сердитого взгляда исподлобья, но вместо этого человек взглянул на нее почти приветливо.

— Такси уже здесь, — еле выговорила Линда. — Я сейчас уезжаю, Филипп. Спасибо тебе за все...

— И за прошлую ночь?

— Не надо! Пожалуйста. — Слезы душили ее. Она повернулась к двери. Но ее остановил голос Филиппа:

— Линда, сделай одолжение: прежде чем уйти, произнеси мое имя своим хриловатым голосом.

Уж не смеется ли Уорнер над ней? Слезы застилали ей глаза.

— О, Филипп, — с тихим упреком произнесла девушка и выбежала из дома...

По громкоговорителю объявили, что поезд на Бирмингем опаздывает, но девушка ничего не слышала. Она стояла на продуваемой ветром платформе возле своих чемоданов, пытаясь воссоздать в памяти образ любимого человека. Его глаза, его черные блестящие волосы, твердый мужественный подбородок...

Как он был хорош в ночь их любви! Как неистов и в то же время нежен... И ведь надо же: при расставании попросил произнести его имя. Чего угодно можно было от него ждать-насмешки, ироничного взгляда, обидного слова, но только не этого. Все нарастающая паника не дала ей вовремя разглядеть того, что сейчас казалось очевидным — в его глазах было выражение раненого зверя, ощущение боли. Она должна увидеть Филиппа, должна понять, чем вызвана эта боль. Такси уже уехало, других машин нет. Служащий стоянки не мог понять, чего от него хочет эта печальная юная красавица.

— Но ведь вы только что оттуда!-изумленно воскликнул он, узнав, куда собралась ехать странная пассажирка. Та кивнула, прикусив губу.

— Что-то забыли?-участливо поинтересовался мужчина.

— Да! Можно оставить у вас чемоданы? Я не могу ждать такси. Пойду пешком.

— Это ведь далеко, — служащий явно недоумевал, но, увидев умоляющий взгляд девушки,

потянулся за листком бумаги и потрепанной картой.

— Есть путь покороче, — сообщил он. — Через деревню. Вы отлично прогуляетесь и там сможете взять такси.

Линда быстро передала служащему свои вещи и побежала по дороге. Прошлой ночью Филипп сказал, что она нужна ему. Как же случилось, что все враз рухнуло?

Много раз между ними возникало взаимное влечение, но мужчина всегда отступал. В Бирмингеме он ревновал к Дэйву, выказывал свою власть, но снова отступал. Лишь прошлой ночью, когда думал, что она погибла, его чувства вырвались наружу. А теперь он винит себя во всем. Как глупо считать себя виноватым в том, что она слишком молода, в том, что она дочь Джона, в том, что она его оставила.

Когда Линда преодолела наконец последний подъем и ее взору открылся Дом призраков, она испытала удивительно приятное чувство: она дома! Она вернулась домой. Линда подошла к дому со стороны заднего фасада. Девушка толкнула дверь черного входа. Дверь не поддавалась. Неужели Филипп закрыл на ключ? Вот уж на него не похоже. Или уехал? Линда с силой нажала на створки и наконец шумно вломилась в кухню. Перед ней стоял во всей своей красе Филипп Уорнер. И смотрел так, будто не верил собственным глазам.

— Линда!-хрипло воскликнул он. — Я не слышал, как такси вернулось.

— Я шла пешком.-Линда скользнула взглядом по лицу Уорнера. Никогда еще он не был таким поникшим, печальным и бледным.

— Ты что-то забыла?-спросил Филипп, и девушка кивнула, не отрывая от него глаз.

— Я забыла тебя! Это все равно что быть разорванной на части. Я не могу уехать, Филипп. Даже если ты не хочешь меня, позволь мне остаться... пожалуйста.-Последние слова были сказаны слабым шепотом. Глаза Уорнера потемнели, но он не двинулся с места, лишь тихо произнес: — Боюсь верить своим ушам. Я уже получил удар сегодня утром, и еще раз не вынесу подобного. Переведи дыхание и расскажи мне, что случилось.

— Я хочу быть с тобой, -прошептала Линда. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что она все-таки, возможно, совершает ошибку. — Я не могу жить нигде, кроме этого дома, потому что я нигде больше не буду счастлива.

— Так это дом тебя вернул? Этот проклятый дом! Он-то и тянет тебя сюда.

— Нет, не дом! — Линда почти кричала, в гневе уставившись на него.-Какое мне дело до дома, если в нем нет тебя? Неужели ты думаешь, что я веду себя с другими так же, как с тобой прошлой ночью?

Филипп слушал, улыбаясь. Потом попросил: — Продолжай. Я готов стоять здесь и слушать твои вопли день и ночь, лишь бы видеть тебя.

— Я люблю тебя, Филипп. — Голос звучал хриловато. В два шага мужчина оказался возле нее и, схватив ее за плечи, стал покрывать ее лицо поцелуями.

— А что ты сделала со своим багажом, моя обожаемая маленькая фея?-прерывисто проговорил он, не прекращая целовать ее. — Почему ты решила пройти обратно пешком?

— Я оставила все на станции и побежала обратно, потому что поняла, какую боль тебе причинила.

— Да, — подтвердил Филипп, с любовью глядя в ее лицо. — Прошлой ночью, когда ты спала, я лежал и смотрел на тебя. Мне так хотелось еще получить свидетельства твоей любви. Но во сне ты выглядела такой юной, и я не решился нарушить твои ночные грезы. И потом ты дочь Джона.

— Я Линда Бекли! — прервала его она. — Я это я! Мне выпало познать сполна, что такое одиночество, еще при жизни отца. А теперь я хочу быть любимой, я хочу тебя.

— Линда, дорогая, я принадлежу тебе, — еле слышно прошептал он. Потом легко поцеловал ее и улыбнулся. — Я принадлежу тебе с того самого дня, когда ты впервые вошла в этот дом. Несмотря на чувство вины, несмотря на невыносимую боль, я сейчас сидел и думал о том, что вернусь в Бирмингем, разыщу тебя и уже никогда не отпущу.

Девушка засияла от счастья, Филипп еще крепче прижал ее к себе.

— Мисс Бекли, я не могу без тебя жить! Неужели ты до сих пор это не поняла? Я никогда всерьез не собирался расстаться с тобой.

— И не надо, — с напускной застенчивостью заключила она.

— Я не смогу ждать.

После полудня вновь начался шторм, но теперь Линда с восторгом внимала его звукам. Усталая и счастливая, она лежала, уютно устроившись в объятиях Филиппа.

— Я люблю тебя, — тихо шепнул он в ее спутанные волосы. Девушка повернулась и серьезно взглянула на него.

— Мне это приятно слышать, но в принципе... — мягко заговорила она. — Знаешь, мне вполне достаточно того, что я люблю тебя. Если ты когда-нибудь сможешь преодолеть свои чувства к Доминик...

Реакция мужчины потрясла Линду. Он повернул ее навзничь и пригвоздил ее руки к кровати. Глаза выдавали сердитое недоумение.

— Доминик? При чем здесь Доминик! — воскликнул он. — Почему она должна стоять между нами? Ты видела ее лишь раз, когда тебе было тринадцать лет! Почему ты заговорила о Доминик?

— Но я же чувствую, ты постоянно думаешь о ней. Именно поэтому я хотела уехать. Я не могла свыкнуться с мыслью о другой женщине, пусть даже умершей. Каждый раз, когда ты выглядел опечаленным, я знала, что ты тоскуешь по ней.

Филипп повернул ее к себе, твердо держа за подбородок.

— Так ты думаешь, я все еще люблю Доминик? — спросил он. — Линда! Я никогда не любил ее! Она была лживой дрянью, худшей из всех женщин. Наконец, именно она бросила Робби! Может быть, это звучит ужасно, но я даже рад, что она уже не сможет вернуться.

— А я-то, дурочка, думала, ты отправил Робби так далеко, потому что он напоминает тебе о

ней, и это делает тебя несчастным.

— Боже мой! Мне, видимо, придется делиться с тобой всеми своими мыслями при первом твоём желании. А то ты такое себе навывдумываешь... Не умеешь читать чужие мысли, так и не берись за это!

— Ты сердишься?—Линда беспокойно нахмурилась. Он взглянул на ее очаровательное лицо и расхохотался, теснее прижимая ее к своему горячему телу.

— Когда мы поженимся, -заявил мужчина, -я каждое утро буду давать тебе отчет в своих мыслях, иначе ты успеешь до вечера испортить мне жизнь.

— А мы собираемся пожениться?—лукаво спросила Линда. В ответ Филипп снова набросился на нее с поцелуями, а потом, взяв лицо девушки в свои ладони, заявил: — И как можно скорее. Я не собираюсь отпускать тебя. Я даже не уверен, что смогу выпустить тебя из рук.

Когда наконец Линда откинулась на спину, счастливая и смущенная, Филипп заговорил уже спокойнее: — Наверное, лучше рассказать тебе о Доминик. Это многое прояснит, хотя, может быть, тебе будут неприятны некоторые подробности.

— Я хочу их знать, — серьезно возразила Линда.—Если я стану твоей женой, между нами не должно быть никаких тайн.

— Хорошо.

Обняв ее, Филипп глубоко вздохнул перед тем, как рассказать о женщине, одна мысль о которой так долго отравляла существование Линды. Анна Уорнер была добрым гением этого дома, светло улыбаясь со стены. Доминик же всегда казалась холодным призраком.

— Доминик жила в Бирмингеме, — начал Уорнер. — В это время и я жил там... Не знаю, хорошо ли ты ее помнишь, но она была очень хороша собой.

— Да, она была красива, -согласилась Линда. Мужчина взглянул на нее, уловив напряженную нотку в ее голосе.

— Остановимся на моей формулировке, -мягко поправил он.—Красива ты, любовь моя. Ты душевная, великодушная, любящая. В Доминик ничего этого не было. Ее никто не интересовал, кроме нее самой. Какое-то время я было увлекся ею, но не слишком. В это время в Англию вернулся Джон. Мы встретились, как это обычно бывало. И он поддался на холодное обаяние Доминик.

— Папа?—изумленно прошептала Линда.

— Я предупреждал, что не все в моем рассказе тебе понравится. Ты совсем не знала отца, дорогая. У тебя никогда не было возможности его узнать. Это ведь твоя мать настояла на том, чтобы ты училась в закрытой школе, а уж миссис Бекли всегда поступала по-своему. Она обладала незаурядным умом—не зря же доросла до академика.

Для Джона Доминик оказалась отдохновением от бесконечных замечаний и горячих дискуссий. Я легко отошел в сторону, уступая Джону.

— Не могу представить, чтобы женщина могла оставить тебя ради такого человека, как мой отец, -заметила Линда. — Он ведь был самым обычным человеком.

— Мне чудится в твоих словах скрытый комплимент, -усмехнулся Филипп. — Я еще помню, как прошлой ночью ты назвала меня красивым. Конечно, в тот момент ты была ошеломлена случившимся, -вкрадчиво закончил он. Линда покраснела под его взглядом и, устраиваясь поудобнее, попросила: — Расскажи, что было дальше?

— Дальше?-мрачно повторил Уорнер. — Дальше начинается самое неприятное. Я тогда был лишь журналистом, неизвестным и малооплачиваемым. А Джон-профессор. Все пошло наперекосяк, когда Доминик объявила, что беременна.

— Робби?-Линда, потрясенная услышанным, умолкла.

— Да. Она сказала об этом мне, а не Джону. Доминик разработала целый план. Заявила, что это ребенок Джона. Если тот не бросит Изабель и не женится на ней, вся эта история попадет в газеты. И Доминик самым любезным тоном поведала мне об этом во всех подробностях. Преднамеренный шантаж! Во-первых, я слишком хорошо знал Джона, чтобы в это поверить, во-вторых, я знал, что у нее были и другие любовники. Мерзкая женщина!

— А папа знал?-спросила Линда.

— В конце концов он все узнал, -мрачно ответил Филипп. — И был ошеломлен! Он сказал, что вообще никогда не спал с Доминик, они лишь проводили вместе время. Разумеется, я поверил ему. Но скандал казался неизбежным. Его работы финансировали два университета, и любой намек на подобную историю положил бы всему конец. Даже если бы все оказалось ложью, репутация профессора Бекли могла сильно пострадать.

— И на ней женился ты, -заклчила Линда. — Но, Филипп, почему? Ты шел заведомо на то, чтобы испортить себе всю жизнь, раз ты не любил эту женщину?

— Тогда казалось, что такая жертва, оправданная обстоятельствами, имеет смысл, хотя теперь все воспринимается как глупейшая нелепость, — спокойно пояснил он. — Джон всегда помогал мне. Ты даже не представляешь, сколько он натерпелся от моего отца, защищая меня. Я знаю, он не был счастлив с Изабель, но для него одно только всегда имело значение-работа. В любом случае я не собирался иметь с Доминик никаких дел. У меня был свой дом, я хотел привезти ее сюда и вернуться в город. Работал я там.

— Так и получилось? — Девушка хотела знать все.

— Сначала да. Потом я стал писателем. Пришел успех. Родился Робби. Доверить ребенка такой матери было чистым безумием, и я вернулся сюда, чтобы самому за всем присматривать. Я всегда хотел иметь ребенка и видел в Робби своего сына. Он оказался замечательным маленьким пареньком. И вот тут-то она меня поймала. Мы вернулись к тому, с чего начали, — к ее угрозам опубликовать в газете клевету на твоего отца. Теперь с точки зрения газетчиков все стало еще интереснее. Это ли не сенсация: мужчина женится на женщине, чтобы защитить доброе имя своего свободного брата! Я сказал, что исполни она свою угрозу, мы с братом подадим на нее в суд. К тому времени я уже преуспел, по одной из моих книг поставили фильм. Но я готов был рискнуть всем, лишь бы вышвырнуть ее из своей жизни.

— И что случилось?-спросила Линда. Филипп раздраженно пожал плечами.

— Доминик подняла шум. Да, заявила она, Робби-не сын Джона Бекли, но когда это выяснится, будет слишком поздно. Думаю, ей доставлял удовольствие любой шум вокруг ее имени... Доминик злобно наслаждалась возможностью интриговать. А потом Доминик сбежала из дому. Роберта она не взяла, да я бы ей и не позволил. А дальше... Ну, в общем, в тот же день она

попала в аварию на узкой дороге неподалеку отсюда. Умерла, не придя в сознание.

Они лежали молча, крепко обнявшись. Линда пыталась восстановить в памяти лица родителей. Теперь понятно, почему на свадьбе Филиппа мать выглядела такой холодной и неприступной, — она что-то знала об отношениях мужа с Доминик.

Казалось, невероятно жестоким было то, что все беспрепятственно позволили Филиппу принести такую жертву. Но ей ли, Линде, не знать, что супруги Бекли жили только своей работой, остальное для них не существовало. Их научные изыскания казались им гораздо важнее судьбы собственной дочери, важнее счастья Филиппа.

— Я люблю тебя, — вдруг неожиданно громко произнес Уорнер и рассмеялся. — Ты сумасшедшая, но я люблю тебя. У тебя нет желания крикнуть мне то же самое?

— У меня есть желание своими руками задушить каждого, кто посягнет на твое счастье, — яростно выпалила Линда. — Если кто-нибудь когда-нибудь попытается причинить тебе боль...

Мужчина, смеясь, притянул ее к себе.

— Ангел возмездия с огненными волосами придет мне на помощь, не так ли? Рядом с ним я чувствую себя в совершенной безопасности. Но прежде чем ты начнешь активные действия, дай мне знать. Иначе это может плохо кончиться.

— Значит, Робби не твой сын? — спросила Линда.

— В его свидетельстве о рождении записана моя фамилия, — серьезно возразил Филипп. — Я отношусь к нему как к сыну, да он и является во всех отношениях моим сыном. Я очень его люблю.

— Тогда почему ты отослал его в ту школу? — тихо поинтересовалась девушка. Он твердо взглянул на нее, прежде чем заговорить.

— Этот дом принадлежал нескольким поколениям моей семьи, Линда. На стенах нет портретов, но если бы они были, ты, конечно, заметила бы поразительное внешнее сходство моих предков по мужской линии и меня. Какие бы ни были жены у Уорнеров, мужчины оставались теми же — темноволосыми...

— ...И с золотыми глазами, — подхватила Линда. — Я видела портреты.

— Роберт — блондин. К тому же голубоглазый. Когда он родился, по округе ходило много слухов. В этих краях, надо сказать, слухи живут долго. В местной школе наверняка кто-нибудь спросил бы Робби об отце. Мы долго жили в Австралии — там это не имело значения. Но когда вернулись, я отправил его подальше от злых языков.

— Он несчастлив, — серьезно заметила Линда. Уорнер печально подтвердил: — Да, наверное, ты в этом права, дорогая, но что же можно сделать?

— Давай поместим Робби в какую-нибудь школу неподалеку, куда он смог бы ходить каждый день. Ему вовсе не обязательно появляться в деревне.

— А если будут болтать? — спросил Филипп.

— Ну и пусть, — твердо заявила Линда. — Если возникнут проблемы, он же поделится с нами, и

тогда ты откроешь ему правду, ведь рано или поздно это все равно придется сделать. Мальчику не обязательно знать, какой была Доминик. Просто скажи ему, что ты женился на его маме, когда она уже ждала, ребенка, потому что заботился о ней. Робби любит тебя и знает, как ты его любишь. Все будет хорошо, вот увидишь.

— Возможно, я и смогу это сделать, если ты будешь рядом, — заметил Уорнер.

— Я буду рядом!

— Послушай, а ведь тебе придется вернуть деньги банку, если ты не пойдешь учиться в университет, — заметил Уорнер.

— Черт побери, — пробормотала она. — Я как-то об этом и не подумала. И намеревалась их не без удовольствия потратить.

Филипп легко укусил ее за ухо.

— Неужели ты все еще собираешься в университет?

— И не рассчитывай-от меня не так-то просто отделаться, -заявила Линда.-Здесь я абсолютно счастлива. Боже, какая же я была дура, когда морочила голову Эмили в своих антисемейных проповедях! При чем здесь свобода! Свобода, собственно, от чего? Главное-когда любящие вместе!

— Мы навсегда теперь вместе.

— А дом уже нельзя назвать как-нибудь по — другому?

— Без призраков?

— Да.

— Все в наших силах.

— Ты знаешь, я раньше думала о счастье, как о каком-то совершенно отвлеченном понятии. А оно, оказывается, существует! Оно во мне!

— Твой эгоизм беспределен-оставь хоть что-нибудь мне.

— Ну, значит, оно в нас... — мечтательно произнесла Линда.

— Поправка принимается, — строгим голосом высказал свое согласие Филипп.

— Перестань!

— Что перестать? Кажется, мы решили все деловые проблемы. И теперь самое время сосредоточиться на других, более приятных вещах, — прошептал Филипп, привлекая к себе Линду. Та с чарующей покорностью отдалась его ласкам.

Эпилог

Линда вышла из дому и остановилась на крыльце. Рядом с ней тут же возник Робби.

— Я присмотрю за рабочим, — важно сообщил он. — Папа говорит, ты слишком много

суетишься. И что тебе надо больше отдыхать.

— Ерунда! Я совершенно не устаю, а потому и не нуждаюсь в дополнительном отдыхе. Но как бы то ни было, твою идею помочь мне во взаимоотношениях с рабочими полностью одобряю. Покажи-ка им, мистер маленький Уорнер, что, где и как надо делать в саду.

А работники, присланные местным питомником, молча стояли, ожидая указаний.

Линда улыбнулась. Садовник заявил, что он слишком стар, чтобы копать ямы под кусты, и Филипп пообещал все сделать сам, выполняя ее указания.

— Я собираюсь взять контроль над всем этим домом и его обитателями, -твердо заявил Филипп Уорнер. — Как лучший друг Робби ты позволяешь мальчишке все, что угодно. Он вспоминает, кто глава семьи, лишь когда я называю его полным именем-Роберт.

Мужчина нежно погладил ладонью ее уже заметно увеличившийся живот.

— Устала?

— Ни капельки, -заверила его Линда.-Четыре месяца-небольшой срок. Этим делом я все равно займусь сама. Когда они все закончат, я пойду посмотреть.

Они рассмеялись. В этот момент подбежал немного озабоченный Робби.

— Линда, рабочие там недовольно пыхтят, — сообщил он, бросив беспокойный взгляд на отца. — Они не устали. Они, кажется, разозлились. Говорят, что ямы не на том месте. Их надо было вырыть в шести футах от ограды, потому что кусты разрастутся и все испортят.

Филипп, внешне выглядевший вполне спокойно, многозначительно скрестил руки на груди. Робби прикусил губу.

Кажется, опять я дурака сваяла!-подумала Линда. Кто же мог подумать, что расстояние до ограды имеет какое-то значение? Но она же всего лишь садовод-любитель, а не профессионал.

Когда Филипп вошел в спальню, Линда удрученно смотрела в окно.

— Мне очень жаль, Филипп, -покаянно произнесла Линда.-А что делать теперь с ямами?

— Ах, с ямами. — Его, похоже, не тронуло ее печальное лицо.-Рабочие заруют твои ошибки в землю и выкопают две новые ямы. Это будет стоить мне лишних десять фунтов, но кто осмелится обидеть хозяйку дома?

Линда выглядела вконец расстроенной, и Уорнер не выдержал. Он громко расхохотался, притянул женщину к себе и прильнул к ее губам долгим поцелуем.

— Интересно, что бы я делал, если бы ты была нормальной?-нежно спросил мужчина. — Все, что касается тебя, доставляет мне удовольствие, любовь моя. Не меняйся.

Линда весело рассмеялась.

— Признайся мне честно, дорогая, ты действительно рада, что мы так поторопились с ребенком?

— Но ты ведь счастлив здесь, не правда ли? Уорнер осторожно взял в ладони лицо Линды и

серьезно проговорил: — Счастливее быть невозможно. А здесь ли, не здесь-какая разница? Мудрые древние китайцы, знаешь, что говорили: «Добродетель, озаряющая целый мир, возвращается в темном углу родного дома». Не правда ли — это нас ко многому обязывает? Главное, чтобы в том углу не прятались никакие призраки.

Он поднял молодую женщину на руки и понес к постели.

— Вам следует отдохнуть, миссис Уорнер.

Линда улыбнулась и обвила его шею руками. — «Миссис Уорнер»! Звучит чудесно. Ее взгляд упал на портрет бабушки, висевший теперь в их спальне. Казалось, Анна Уорнер улыбалась ей. Все несчастья остались в прошлом. Дом победил призраков, своих прежних обитателей. В его стенах снова зазвучал смех. Филипп Уорнер обрел наконец мир и счастье. А Линда Уорнер — плюс к тому еще и дом. Настоящий, родной, полный радостных семейных забот.